

A New Foreign Policy: Beyond American Exceptionalism

Jeffrey Sachs, 2018, 268 pages

<https://dokumen.pub/a-new-foreign-policy-beyond-american-exceptionalism-9780231188494-9780231188487-9780231547888.html>

Новая внешняя политика: за пределами американской исключительности

Джефри Сакс, 2018 год, 268 стр.

Под каждым абзацем дан его перевод на русский язык, подготовленный Смагуловым Агыбаем Дынкеновичем, Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Казахстан, кандидатом исторических наук.

Table of contents :
Table of ContentsPage 8
Preface.....Page 10
Introduction.....Page 16

Part I: U.S. Exceptionalism in a Changing World.....Page 20
1. From Exceptionalism to Globalism.....Page 24
2. Exceptionalism as the Civic ReligionPage 36
3. The Era of Global ConvergencePage 58
4. Eurasia on the Rise, America on the SidelinesPage 70
5. Russia-U.S. Relations in the Changing World Order.....Page 80

Part II: America's WarsPage 92
6. American Imperialism and "Wars of Choice"Page 96
7. Contradictory Promises and a Century of Conflict in the Middle EastPage 108
8. North Korea and the Doomsday ClockPage 118
9. Trump's National Security Strategy.....Page 130

Part III: U.S. Foreign Economic Statecraft.....Page 142
10. The Economic Balance Sheet on "America First".....Page 146
11. Foreign Policy Populism.....Page 152
12. Economic War with China.....Page 160
13. Will Trump Hand China the Technological Lead?.....Page 166
14. Toward a World Economy of RegionsPage 174

Part IV: Renewing American Diplomacy.....Page 184
15. From Diplomatic Leader to Rogue Nation.....Page 186
16. The Ethics and Practicalities of Foreign AidPage 200
17. Managing Migration and ImmigrationPage 210
18. Achieving Sustainable DevelopmentPage 222
19. A New Foreign Policy for American Security and Well-Being.....Page 230
Notes.....Page 238
ReferencesPage 246
IndexPage 252

JEFFREY D. SACHS A NEW FOREIGN POLICY: BEYOND AMERICAN EXCEPTIONALISM ³

Columbia University Press New York

Columbia University Press Publishers Since 1893 New York Chichester, West Sussex cup.columbia.edu Copyright © 2018 Jeffrey D. Sachs All rights reserved
Library of Congress Cataloging-in-Publication Data Names: Sachs, Jeffrey, author. Title: A new foreign policy : beyond American exceptionalism / Jeffrey D. Sachs. Description: New York : Columbia University Press, 2018. | Includes bibliographical references and index. Identifiers: LCCN 2018006069 (print) | LCCN 2018012223 (ebook) | ISBN 9780231547888 (electronic) | ISBN 9780231188487 (cloth : alk. paper) Subjects: LCSH: United States—Foreign relations—21st century. | Exceptionalism—United States. | International economic relations. | International cooperation. Classification: LCC JZ1480 (ebook) | LCC JZ1480 .S23 2018 (print) | DDC 327.73—dc23 LC record available at <https://lccn.loc.gov/2018006069>

Columbia University Press books are printed on permanent and durable acid-free paper. Printed in the United States of America Cover design: Lisa Hamm

In memory of my mother, Joan Barbara Sachs, who loved peace

PREFACE

The United States is failing to secure the benefits of affluence and rising global prosperity. At home, the

United States is rich—with a per capita income of around \$60,000—and getting richer. Globally, the United States is part of a world economy that is advancing rapidly in income, technology, and education. This should be a time of confidence and rising well-being for Americans, yet instead it is a time of disarray, division, and unhappiness. A large majority of Americans feel that the country is moving in the wrong direction—and they are correct.

Соединённые Штаты не могут воспользоваться преимуществами изобилия и растущего мирового благосостояния. Внутри страны Соединённые Штаты богаты — с доходом на душу населения около 60 000 долларов — и становятся ещё богаче. В глобальном масштабе Соединённые Штаты являются частью мировой экономики, которая стремительно развивается в плане доходов, технологий и образования. Это должно было бы быть временем уверенности и роста благосостояния американцев, но вместо этого наступило время смятения, разногласий и недовольства. Подавляющее большинство американцев считают, что страна движется в неверном направлении, — и они правы.

In domestic politics, the United States is squandering its affluence as the super-rich relentlessly pursue more wealth at any cost. Meeting the needs of the poor, modernizing infrastructure, and protecting the environment are put aside in favor of cutting taxes for the rich, slashing public investments, and eliminating environmental regulations. The United States gets richer and unhappier at the same time, with devastating damages from climate change, falling life expectancy, soaring public debts, and rising political polarization.

Во внутренней политике Соединённые Штаты растрачивают своё богатство, поскольку сверхбогатые неустанно стремятся к ещё большему богатству любой ценой. Удовлетворение потребностей бедных, модернизация инфраструктуры и защита окружающей среды отходят на второй план в пользу снижения налогов для богатых, сокращения государственных инвестиций и отмены экологических норм. Соединённые Штаты одновременно становятся богаче и несчастнее, испытывая разрушительные последствия изменения климата, снижения продолжительности жизни, стремительного роста государственного долга и усиления политической поляризации.

In foreign policy, the situation is no better, as the United States is rapidly losing its global influence. The United States under Donald Trump is making enemies in nearly all parts of the world, even among traditional allies in Canada and the European Union, as well as with China, Russia, Iran, and countless others. “America First” is a provocation for the rest of the world, replete with American threats of trade wars, broken promises, and unilateral actions by the United States thwarting hard-won international agreements. Tensions are high and rising.

Во внешней политике ситуация не лучше: Соединённые Штаты стремительно теряют своё глобальное влияние. При Дональде Трампе Соединённые Штаты наживают врагов практически во всех уголках мира, даже среди традиционных союзников в лице Канады и Европейского союза, а также Китая, России, Ирана и бесчисленного множества других. «Америка прежде всего» — это провокация для остального мира, полная угроз торговых войн со стороны Америки, невыполненных обещаний и односторонних действий Соединённых Штатов, срывающих с трудом достигнутые международные соглашения. Напряженность высока и продолжает расти.

Trump’s provocations are a reckless extension of a longstanding and dangerous mindset of American exceptionalism. Even when America was helping to set the global rules of trade, finance, and diplomacy after World War II, American leaders held the view that America was different, ultimately exceptional, with the inherent right to make and break the international rules of the game. The dark side of American foreign policy has long been the resort to regime change and unilateral wars, not sanctioned by the United Nations and opposed by much of global and U.S. public opinion. Trump manipulates the long-standing sense of exceptionalism, and links it to wildly exaggerated grievances against the rest of the world.

Провокации Трампа – безрассудное продолжение давнего и опасного мировоззрения об американской исключительности. Даже когда после Второй мировой войны Америка участвовала в установлении глобальных правил торговли, финансов и дипломатии, американские лидеры считали, что Америка отличается от других, в конечном счёте, является исключительной страной, обладающей неотъемлемым правом устанавливать и нарушать международные правила игры. Темной стороной американской внешней политики долгое время была смена режимов и односторонние войны, не санкционированные ООН и встречающие отпор значительной части

мирового и американского общественного мнения. Трамп манипулирует давним чувством исключительности, связывая его с чрезмерно преувеличенными обидами на остальной мир.

In my recent book, *Building the New American Economy*, I discussed a better way for U.S. economic management, focusing on investment-led growth oriented around the challenge of sustainable development. Sustainable development means an economy that is not only rich but also socially inclusive and environmentally sustainable. The United States achieves only one-third of the sustainable development agenda—wealth— while ignoring or even scorning the social and environmental objectives. While I had a fleeting hope that “Trump the Builder” would at least invest in American infrastructure, it is now clear that Trump will invest only in Trump and in added wealth for the richest Americans. Nonetheless, the need for sustainable development will only grow over time, and will ultimately, I believe, set the agenda in the post-Trump era.

В своей недавней книге «Строительство новой американской экономики» я рассмотрел более эффективный способ управления экономикой США, сосредоточившись на росте, основанном на инвестициях, ориентированном на решение задач устойчивого развития. Устойчивое развитие означает экономику, которая не только богата, но и социально инклюзивна, и экологически устойчива. Соединённые Штаты выполняют лишь треть повестки устойчивого развития – обеспечение благосостояния – игнорируя или даже презируя социальные и экологические цели. Хотя у меня и теплилась надежда, что «Трамп-строитель» хотя бы инвестирует в американскую инфраструктуру, теперь очевидно, что Трамп будет инвестировать только в самого Трампа и в увеличение благосостояния самых богатых американцев. Тем не менее, потребность в устойчивом развитии будет со временем только расти и, в конечном итоге, я уверен, определит повестку дня в посттрамповскую эпоху.

This current volume is a companion study to the economics volume, focusing on the urgent need to revamp American foreign policy. Its theme is the same: the challenges of sustainable development (including global cooperation to head off dangerous human-induced climate change) should guide and define U.S. foreign policy in the coming generation. The exceptionalist mindset is especially dangerous today. America is part of a world with shared challenges needing shared solutions. In any event, America’s power—economic, military, and technological—is far less “exceptional” than Trump and other foreign policy leaders may believe.

Этот том является дополнением к экономическому, и посвящен неотложной необходимости перестройки американской внешней политики. Тема та же: задачи устойчивого развития (включая глобальное сотрудничество для предотвращения опасного антропогенного изменения климата) должны направлять и определять внешнюю политику США в следующем поколении. Исключительное мышление особенно опасно сегодня. Америка — часть мира, где общие проблемы требуют совместных решений. В любом случае, мощь Америки — экономическая, военная и технологическая — гораздо менее «исключительна», чем могут полагать Трамп и другие лидеры внешней политики.

I recognize that the arguments in this volume may not sit well with many Americans, who have long been told that America is the sole superpower with the ability to impose its will on the rest of the world. Americans have long debated whether America should be the world’s policeman, mostly taking it for granted that America can serve as such if it likes. This volume argues otherwise: that it does not make sense for America to go it alone, and that in any event, American power is far too limited to take on the rest of the world in a fit of Trumpian pique. Most importantly, the world shares a vital and urgent common interest in sustainable development. We will all lose unless we maintain the peace and the cooperation needed to end human-caused climate change, loss of biodiversity, massive pollution of the air, water, and land, and the growing inequalities of wealth, income, and power.

Я признаю, что аргументы, изложенные в этой книге, могут не понравиться многим американцам, которым давно внушают, что Америка — единственная сверхдержава, способная навязывать свою волю остальному миру. Американцы давно спорят о том, должна ли Америка быть мировым жандармом, в основном считая само собой разумеющимся, что Америка может выполнять эту функцию, если захочет. В этой книге утверждается иное: Америке не имеет смысла действовать в одиночку, и что в любом случае американская мощь слишком ограничена, чтобы нападать на остальной мир в порыве трамповской злобы. Самое главное, что мир разделяет жизненно важный и неотложный общий интерес к устойчивому развитию. Мы все проиграем, если не сохраним мир и сотрудничество, необходимые для прекращения антропогенного изменения климата, утраты

биоразнообразия, масштабного загрязнения воздуха, воды и земли, а также растущего неравенства богатства, доходов и власти.

We live in a world of rapid technological advance. If we choose right, and harness our hard-won know-how, we can accomplish great things in our time: ending poverty, stabilizing the climate, and improving the quality of lives for billions of people including, of course, the American people. This book is offered in the hope that it will make a contribution toward a wiser, more peaceful, and more prudent American role in the world.

Мы живём в мире стремительного технологического прогресса. Если мы сделаем правильный выбор и воспользуемся нашими с трудом добытыми знаниями, мы сможем добиться многого в наше время: покончить с нищетой, стабилизировать климат и улучшить качество жизни миллиардов людей, включая, конечно же, американцев. Мы предлагаем эту книгу в надежде, что она внесет вклад в более мудрую, мирную и благоразумную роль Америки в мире.

A NEW FOREIGN POLICY

INTRODUCTION

The American Century began in 1941.¹ It is ending now. While the United States remains the world's military giant and an economic powerhouse, America no longer dominates geopolitics or the world economy. Its military can defend the United States against attack but cannot decisively determine the direction of geopolitics, or even local politics in places where it intervenes. The key task of American foreign policy, as I see it, is to work with other nations to foster a multipolar world that is peaceful, prosperous, fair, and environmentally sustainable. America's current policies work directly against these goals. A new foreign policy is a tall order that requires a fundamental and realistic rethinking of our world and America's place in it.

Американский век начался в 1941 году.¹ Он подходит к концу. Хотя Соединённые Штаты остаются мировым военным гигантом и экономической державой, Америка больше не доминирует в геополитике и мировой экономике. Её вооружённые силы могут защитить Соединённые Штаты от нападения, но не могут решительно определять направление геополитики или даже местной политики в тех местах, куда она вмешивается. Ключевая задача американской внешней политики, на мой взгляд, заключается в сотрудничестве с другими странами для создания многополярного мира, который будет мирным, процветающим, справедливым и экологически устойчивым. Текущая политика Америки напрямую противоречит этим целям. Новая внешняя политика — это сложная задача, требующая фундаментального и реалистичного переосмысления нашего мира и места Америки в нём.

The United States has long viewed itself as an exceptional nation, even as God's New Israel chosen to redeem the world.² This view has bipartisan support and deep roots in the country's history, culture, and religious traditions. Recent paeans to American exceptionalism include Ronald Reagan's description of the United States as "the shining city on the hill" and Madeleine Albright's as the "indispensable nation." Reagan was harking back to the Puritan leader Jonathan Winthrop, who quoted Jesus (Matthew 5:14) in declaring the colonial settlement as "a city upon the hill," with the world's eyes upon it. American exceptionalism has been called the nation's civic religion, cast in secular terms with a religious aura, as in Lincoln's invocation of America as "the last best hope of Earth."

Соединенные Штаты давно рассматривают себя как исключительную нацию, даже как Божий Новый Израиль, избранный для искупления мира.² Эта точка зрения имеет двухпартийную поддержку и глубоко укоренена в истории, культуре и религиозных традициях страны. Среди недавних восхвалений американской исключительности можно отметить описание Соединенных Штатов Рональдом Рейганом как «сияющего града на холме» и Мадлен Олбрайт как «незаменимой нации». Рейган возвращался к лидеру пуритан Джонатану Уинтропу, который цитировал Иисуса (Евангелие от Матфея 5:14), провозглашая колониальное поселение «городом на холме», на который устремлены взоры всего мира. Американская исключительность была названа гражданской религией нации, выраженной в светских терминах с религиозным ореолом, как, например, в обращении Линкольна к Америке как к «последней лучшей надежде Земли».

One part of American exceptionalism is relentless war. Noting more than 280 "military interventions and nuclear standoffs on every corner of the globe," plus twenty-nine wars with the country's indigenous

peoples, historian Harry S. Stout declares, “The norm of American national life is war.” Part of the exceptionalist tradition has been to find divine purpose in war—to place “America’s faith in the institution of war as a divine instrument and sacred mandate to be exercised around the world.”³

Одна из составляющих американской исключительности — это непрекращающиеся войны. Отмечая более 280 «военных интервенций и ядерных противостояний во всех уголках земного шара», а также двадцать девять войн с коренными народами страны, историк Гарри С. Стаут заявляет: «Норма американской национальной жизни — война». Частью этой исключительной традиции было стремление найти божественный смысл в войне — «утвердить веру Америки в институт войны как в божественное орудие и священный мандат, который должен применяться по всему миру».

In this book, I will argue that American exceptionalism is profoundly and dangerously anachronistic. Americans have believed in the righteousness of their cause in part because of the repeated military triumphs throughout history. Not only has war been justified in God’s name, but also victory has been interpreted as God’s providential backing of the United States. Yet this kind of exceptionalism is especially misguided in the twenty-first century. The United States lacks the relative economic and military power, not to mention the knowledge and prudence, to redeem the world through American-led military interventions and regime-change operations. In recent decades, such actions (in Vietnam, Cambodia, Laos, Guatemala, Haiti, Nicaragua, El Salvador, Afghanistan, Iran, Iraq, Libya, Yemen, and Syria, just to name a few) have led to repeated bloodbaths and disasters, not American victory and security.

В этой книге я покажу, что американская исключительность глубоко и опасно анахронична. Американцы верили в праведность своего дела отчасти благодаря неоднократным военным триумфам на протяжении всей истории. Война не только оправдывалась во имя Бога, но и победа трактовалась как провиденциальная поддержка Соединённых Штатов Богом. Однако такая исключительность особенно ошибочна в XXI веке. Соединённым Штатам не хватает относительной экономической и военной мощи, не говоря уже о знаниях и благоразумии, чтобы искупить мир посредством возглавляемых Америкой военных интервенций и операций по смене режимов. В последние десятилетия подобные действия (во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Гватемале, Гаити, Никарагуа, Сальвадоре, Афганистане, Иране, Ираке, Ливии, Йемене и Сирии, и это лишь некоторые из них) привели к неоднократным кровопролитиям и катастрофам, а не к победе и безопасности Америки.

Donald Trump’s vision of America First is a racist and populist variant of traditional American exceptionalism. As a racist strategy, it will divide American society. As a populist strategy, it is doomed to fail and could create economic mayhem. As an exceptionalist foreign policy in a postexceptionalist era, it is likely to strengthen rather than weaken America’s main competitors, especially China. Yet the most dangerous part of America First is that it could easily lead to war, even nuclear devastation. Foreign policy narcissism is extraordinarily perilous.

Видение Дональда Трампа «Америка прежде всего» – это расистский и популистский вариант традиционного американского идеализма исключительности. Как расистская стратегия, она расколется американское общество. Как популистская стратегия, она обречена на провал и может привести к экономическому хаосу. Как исключительная внешняя политика в эпоху постисключительности, она, скорее всего, усилит, а не ослабит главных конкурентов Америки, особенно Китай. Однако самая опасная сторона «Америки прежде всего» заключается в том, что она может легко привести к войне, даже к ядерному опустошению. Внешнеполитический нарциссизм чрезвычайно опасен.

Since the late 1970s, the United States has been embroiled in wars and political upheavals in the Middle East. Before that, from the 1950s to 1970s, the United States was embroiled in Southeast Asia, and in the first half of the twentieth century in Latin America—different regions, same methods. As in those other regions, it would be both wise and timely for the United States to pack its bags and withdraw from Middle Eastern wars. These have been wars of choice, not wars of necessity, and they have been chronically poor choices.

С конца 1970-х годов Соединённые Штаты были втянуты в войны и политические потрясения на Ближнем Востоке. До этого, с 1950-х по 1970-е годы, Соединённые Штаты были втянуты в конфликты в Юго-Восточной Азии, а в первой половине XX века – в Латинской Америке – разные

регионы, одни и те же методы. Как и в этих регионах, Соединённым Штатам было бы мудро и своевременно собрать вещи и выйти из ближневосточных войн. Это были войны по выбору, а не по необходимости, и они всегда были неудачным выбором.

The current nationalist wave makes even less sense than in the past, now that the entire world faces the challenges of severe environmental degradation and other global threats (such as newly emerging diseases and mass migration). These new challenges require global cooperation and international law, not nationalism and gauzy dreams of past glory (which are, alas, far more myth than reality). The world more than ever needs a United Nations configured for the twenty-first century and a commitment to shared objectives of sustainable development. At the core, U.S. foreign policy needs to shift from military might and warmaking to technological dynamism and global cooperation.

Нынешняя волна национализма ещё менее осмысленна, чем в прошлом, теперь, когда весь мир сталкивается с проблемами серьёзной деградации окружающей среды и другими глобальными угрозами (такими как новые заболевания и массовая миграция). Эти новые вызовы требуют глобального сотрудничества и международного права, а не национализма и призрачных мечтаний о былой славе (которые, увы, скорее миф, чем реальность). Миру как никогда нужна Организация Объединённых Наций, соответствующая требованиям XXI века, и приверженность общим целям устойчивого развития. По сути, внешняя политика США должна перейти от военной мощи и ведения войн к технологическому динамизму и глобальному сотрудничеству.

The logic of sustainable development should also draw us to the doctrine of subsidiarity. This important political and social doctrine holds that problems should be solved at the lowest feasible level of governance, the one closest to the people. Those problems that can be addressed by local governments (e.g., at the city level) should be. But not all can. Some require national solutions. Many, such as tapping renewable energy or controlling epidemic diseases, require strong regional cooperation at the scale of the European Union, or North America, or East Asia. Still others, such as controlling human-induced climate change and the massive loss of biodiversity around the world, require strong global cooperation and diplomacy.

Логика устойчивого развития также должна подтолкнуть нас к доктрине субсидиарности. Эта важная политическая и социальная доктрина утверждает, что проблемы должны решаться на самом низком возможном уровне управления, наиболее близком к людям. Те проблемы, которые могут быть решены местными органами власти (например, на уровне города), должны быть решены. Но не все из них могут. Некоторые требуют решений на национальном уровне. Многие, например, использование возобновляемых источников энергии или борьба с эпидемическими заболеваниями, требуют активного регионального сотрудничества в масштабах Европейского союза, Северной Америки или Восточной Азии. Другие же, например, борьба с антропогенным изменением климата и масштабной утратой биоразнообразия во всем мире, требуют активного глобального сотрудничества и дипломатии.

I will take up these arguments in four sections. The first section discusses the history and limits of American exceptionalism, especially in an era when the rise of China and other parts of the world economy diminishes America's relative economic and military might. I discuss Trump's America First in the context of traditional American exceptionalism. The second section reconsiders America's addiction to regime change as a key, if not the key, instrument of foreign policy— especially in the Middle East, where the United States has been in nonstop war for a generation. I argue for the end of U.S. military engagement in the region. The third section takes up the economic merits of Trump's strategy and finds it likely to accelerate the relative decline of the United States. The fourth and final section offers my thoughts about how to restore U.S. diplomacy, especially to meet the challenges of sustainable development.

Я рассмотрю эти аргументы в четырех разделах. В первом разделе обсуждается история и пределы американской исключительности, особенно в эпоху, когда рост Китая и других регионов мировой экономики снижает относительную экономическую и военную мощь Америки. Я рассматриваю концепцию Трампа «Америка прежде всего» в контексте традиционной американской исключительности. Во втором разделе переосмысливается пристрастие Америки к смене режимов как к ключевому, если не самому главному, инструменту внешней политики, особенно на Ближнем Востоке, где Соединённые Штаты вели непрерывную войну на протяжении целого поколения. Я выступаю за прекращение военного присутствия США в регионе. В третьем разделе рассматриваются экономические преимущества стратегии Трампа и делается вывод о

том, что она, вероятно, ускорит относительный упадок Соединённых Штатов. В четвёртом, заключительном разделе излагаются мои мысли о том, как восстановить дипломатию США, особенно для решения задач устойчивого развития.

We stand poised between two possible futures—one of conflict, even nuclear war, and one of peaceful cooperation. To avoid the first and achieve the latter, we need a new American foreign policy, and a mind-set beyond exceptionalism. Our strength lies in our diversity and our ability to connect with all parts of the world in a cooperative spirit. These are the core messages I hope to convey in the coming chapters.

Мы балансируем между двумя возможными вариантами будущего: конфликтом, даже ядерной войной, и мирным сотрудничеством. Чтобы избежать первого и достичь второго, нам нужна новая американская внешняя политика и мышление, выходящее за рамки исключительности. Наша сила заключается в нашей разнообразии и способности взаимодействовать со всеми частями мира в духе сотрудничества. Это основные идеи, которые я надеюсь донести в следующих главах.

Part I

U.S. EXCEPTIONALISM IN A CHANGING WORLD

Americans tend to view the nation and its foreign policy in exceptional terms, with a history and a future unlike those of any other country. In recent decades, the United States has been seen as the “leader of the free world” and “the world’s sole superpower.” The result has been a kind of hubris, that the United States can dictate the terms of geopolitics and local politics to other parts of the world. Trump’s America First doctrine is an especially crass version of this hubris, as it supposes that the United States can reject UN treaties and decisions, break trade agreements, maintain unrivaled military dominance in all parts of the world, and go it alone when it chooses.

Американцы склонны рассматривать страну и её внешнюю политику исключительно, с историей и будущим, непохожими на историю и будущее любой другой страны. В последние десятилетия Соединённые Штаты воспринимались как «лидер свободного мира» и «единственная мировая сверхдержава». Результатом стало своего рода высокомерие, согласно которому Соединённые Штаты могут диктовать условия геополитики и внутренней политики другим частям света. Доктрина Трампа «Америка прежде всего» — особенно грубое проявление этого высокомерия, поскольку она предполагает, что Соединённые Штаты могут игнорировать договоры и решения ООН, нарушать торговые соглашения, сохранять непревзойдённое военное превосходство во всех частях мира и действовать в одиночку, когда захотят.

As the old aphorism puts it, this is worse than a crime, it is a mistake. The United States lacks the economic and technological advantage to thumb its nose at the world. American economic power, in relative terms, has declined markedly in recent decades, most importantly because of the economic rise of Asia, especially China. The world is converging economically, meaning that gaps in income per capita and technological know-how are shrinking. No country in the world, neither the United States nor China, will dominate the rest in the twenty-first century.

Как гласит старая поговорка, это хуже, чем преступление, это ошибка. У Соединённых Штатов нет экономических и технологических преимуществ, чтобы пренебречь всем миром. Американская экономическая мощь в относительном выражении заметно снизилась за последние десятилетия, в первую очередь из-за экономического подъёма Азии, особенно Китая. Мировая экономика конвергентна, а это означает сокращение разрыва в доходах на душу населения и технологических знаниях. Ни одна страна мира, ни США, ни Китай, не будет доминировать над остальными в XXI веке.

As America’s relative power has waned and others have begun to catch up, the United States has taken the increasing pushback as an affront. When the United States pushes NATO toward Russia’s borders, and Russia reacts, the United States blames Russia for its belligerence, rather than also noting the provocations of its own policies. When the United States intervenes in Iraq, Syria, and Libya to overthrow regimes, and China and Russia rebuke the United States, the U.S. position has been to accuse those countries of being obstructionist.

Поскольку относительная мощь Америки ослабла, а другие начали её догонять, Соединённые Штаты восприняли растущее сопротивление как оскорбление. Когда Соединённые Штаты подталкивают НАТО к границам России, а Россия реагирует, Соединённые Штаты обвиняют Россию в её агрессивности, вместо того чтобы признать провокации собственной политики. Когда Соединённые Штаты вмешиваются в Ирак, Сирию и Ливию, чтобы свергнуть режимы, а Китай и Россия упрекают Соединённые Штаты, позиция США заключается в обвинении этих стран в обструкционизме.

What look like offensive actions by America's counterparts are often viewed as defensive actions by those same countries, a phenomenon known to political scientists as the "security dilemma." Defensive actions by one country look offensive to the other, thereby provoking escalation. Throughout this book, I'll invoke the security dilemma to encourage deeper scrutiny and understanding of world conflicts—from the world's point of view, as well as America's.

То, что выглядит как наступательные действия американских коллег, часто рассматривается этими же странами как оборонительные. Это явление известно политологам как «дилемма безопасности». Оборонительные действия одной страны выглядят оскорбительными для другой, тем самым провоцируя эскалацию. На протяжении всей книги я буду обращаться к дилемме безопасности, чтобы побудить к более глубокому изучению и пониманию мировых конфликтов — как с точки зрения всего мира, так и с точки зрения Америки.

American exceptionalism could leave the United States on the sidelines as other parts of the world move forward. One notable case is the increasing economic and infrastructural integration of Eurasia, the giant land mass that is home to Europe and Asia. China has proposed the One Belt One Road initiative to link Asia and Europe in their common geographical home. The United States has so far stood aloof. Over time, Eurasia is likely to strengthen its economic, environmental, and investment cooperation. Instead of looking for dynamic new partnerships like these, the United States is falling back into old exceptionalist patterns—exemplified by revived tensions with Russia.

Американская исключительность может оставить Соединённые Штаты в стороне на фоне движения других регионов мира вперёд. Ярким примером служит растущая экономическая и инфраструктурная интеграция Евразии, гигантского континента, объединяющего Европу и Азию. Китай выдвинул инициативу «Один пояс — один путь», призванную соединить Азию и Европу в их общем географическом пространстве. Соединённые Штаты до сих пор держались в стороне. Со временем Евразия, вероятно, укрепит своё экономическое, экологическое и инвестиционное сотрудничество. Вместо того чтобы искать новые динамичные партнёрства, подобные этим, Соединённые Штаты возвращаются к старым моделям исключительности, примером чего является возобновившаяся напряжённость в отношениях с Россией.

In this part, I will look at the history of American exceptionalism, its current manifestations, and what this vision misses.

В этой части я рассмотрю историю американской исключительности, её современные проявления и то, что упускает из виду это видение.

1 From Exceptionalism to Internationalism

American foreign policy today is uncertain and heatedly contested. The challenges of U.S. foreign policy are of fundamental significance for U.S. national security and well-being, and for global peace and prosperity. Americans must understand how the world has changed, and how we must change our attitudes and approaches along with it.

Современная внешняя политика США неопределенна и вызывает ожесточённые споры. Проблемы внешней политики США имеют фундаментальное значение для национальной безопасности и благополучия США, а также для глобального мира и процветания. Американцы должны понимать, как изменился мир и как мы должны изменить свои взгляды и подходы вместе с ним.

The new National Defense Strategy of the United States (which I'll consider in detail in chapter 9) takes a dark view of the world scene today: "We are facing increased global disorder, characterized by decline in the long-standing rules-based international order—creating a security environment more complex and volatile than any we have experienced in recent memory."¹ The world indeed seems to be a sea of problems: the ongoing Syrian war, the related European refugee crisis, ISIS and terrorist attacks across the globe, Russia's brazen hacking of the U.S. election, China's rising territorial claims in the South China Sea, North Korea's growing nuclear threat, and more.

Новая Стратегия национальной обороны Соединённых Штатов (которую я подробно рассмотрю в главе 9) представляет собой мрачный взгляд на современную мировую ситуацию: «Мы сталкиваемся с растущим глобальным беспорядком, характеризующимся упадком устоявшегося международного порядка, основанного на правилах, что создаёт более сложную и нестабильную среду безопасности, чем когда-либо в нашей памяти».¹ Мир действительно кажется морем проблем: продолжающаяся война в Сирии, связанный с ней кризис беженцев в Европе, ИГИЛ и террористические атаки по всему миру, наглое вмешательство России в выборы в США, растущие территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море, растущая ядерная угроза со стороны Северной Кореи и многое другое.

Yet I will argue that this dark view is far too deterministic and pessimistic. The world also offers a host of new positive opportunities, if we understand them and build on them.

Однако я утверждаю, что этот мрачный взгляд слишком детерминирован и пессимистичен. Мир также предлагает множество новых позитивных возможностей, если мы поймём их и воспользуемся ими.

China, India, and the African Union are each home to more than a billion people with rapid economic growth and a rising middle class. The information revolution continues to advance at a dazzling rate. Robotics, artificial intelligence, and ubiquitous broadband offer the chances for dramatic breakthroughs in health care, education, and renewable energy, at home and globally.

Китай, Индия и Африканский союз – это страны, где проживает более миллиарда человек, наблюдается быстрый экономический рост и растущий средний класс. Информационная революция продолжает развиваться ошеломляющими темпами. Робототехника, искусственный интеллект и повсеместный широкополосный доступ в Интернет открывают возможности для радикального прорыва в здравоохранении, образовании и возобновляемой энергетике, как внутри страны, так и во всём мире.

If U.S. foreign policy is only about the threats and not the opportunities, the United States will miss out on the rapid advances in well-being that the new technological revolution can deliver, and that would help to stabilize today's conflict zones. The fundamental challenge facing U.S. foreign policy is to keep America safe without stumbling into needless wars, busting the military budget, breaking the world trade system, or diverting our attention and resources from the vital challenges of sustainable development.

Если внешняя политика США будет сосредоточена только на угрозах, а не на возможностях, Соединённые Штаты упустят возможность быстрого улучшения благосостояния, которое может обеспечить новая технологическая революция, и которое помогло бы стабилизировать сегодняшние конфликтные зоны. Основная задача внешней политики США – обеспечить безопасность Америки, не ввязываясь в ненужные войны, не опустошая военный бюджет, не разрушая мировую торговую систему и не отвлекая наше внимание и ресурсы от жизненно важных задач устойчивого развития.

The fiery debates around foreign policy, both today and throughout American history, are stoked by three competing visions of America's place in the world. These camps have fundamentally different views of what is possible and desirable in our interactions with other nations.

Ожесточённые дебаты вокруг внешней политики, как сегодня, так и на протяжении всей истории Америки, подогреваются тремя конкурирующими взглядами на место Америки в мире. Эти лагеря имеют принципиально разные взгляды на то, что возможно и желательно в наших взаимодействиях с другими странами.

The first group, whom I call the “exceptionalists,” argues that the United States should continue to aim for global dominance, maintained by unrivaled U.S. military superiority. This group sees U.S. military dominance as both feasible and necessary for global stability. One leading American exceptionalist, Ambassador Robert Blackwill, puts America’s strategy this way: “Since its founding, the United States has consistently pursued a grand strategy focused on acquiring and maintaining preeminent power over various rivals, first on the North American continent, then in the Western hemisphere, and finally globally.”² Blackwill and other exceptionalists argue that America’s foreign policy, indeed its grand strategy, should be to preserve America’s dominant power in the world. Trump’s America First ideology is a variant of exceptionalism, adding xenophobia, racism, and protectionism to more traditional exceptionalist approaches.

Первая группа, которую я называю «исключительными», утверждает, что Соединённые Штаты должны продолжать стремиться к мировому господству, подкрепляемому неоспоримым военным превосходством США. Эта группа считает военное господство США одновременно осуществимым и необходимым для глобальной стабильности. Один из ведущих американских сторонников теории исключительности, посол Роберт Блэквилл, так описывает стратегию Америки: «С момента своего основания Соединённые Штаты последовательно придерживались масштабной стратегии, направленной на приобретение и сохранение главенствующей власти над различными соперниками, сначала на североамериканском континенте, затем в Западном полушарии и, наконец, во всём мире».² Блэквилл и другие сторонники теории исключительности утверждают, что внешняя политика Америки, точнее, её масштабная стратегия, должна заключаться в сохранении доминирующей власти Америки в мире. Идеология Трампа «Америка прежде всего» — это разновидность исключительности, добавляющая ксенофобию, расизм и протекционизм к более традиционным подходам, основанным на теории исключительности.

The second group, whom I call the “realists,” argues that the United States must accept a realistic balance of power rather than U.S. dominance. So far so good, in my view. Yet like the exceptionalists, the realists argue essentially for “peace through strength.” They believe a new arms race is the necessary and inevitable price to pay to keep the balance of power and preserve U.S. security. I am adopting the term “realist” from its usage in political science. I don’t mean that “realists” are necessarily more realistic, only that they adhere to the “Realist School” of international relations. As I will explain, I find realists to be unrealistic in crucial ways.

Вторая группа, которую я называю «реалистами», утверждает, что Соединённые Штаты должны принять реалистичный баланс сил, а не доминирование США. Пока, на мой взгляд, всё идёт хорошо. Однако, как и сторонники исключительности, реалисты, по сути, выступают за «мир посредством силы». Они считают, что новая гонка вооружений — это необходимая и неизбежная цена за сохранение баланса сил и безопасность США. Я заимствую термин «реалист» из его использования в политологии. Я не имею в виду, что «реалисты» обязательно более реалистичны, а лишь то, что они придерживаются «реалистической школы» международных отношений. Как я объясню далее, я считаю, что реалисты нереалистичны в некоторых важных аспектах.

I am part of the third group, whom I call the “internationalists.” Internationalists argue that global cooperation between nations is not only feasible but also essential to avoid war and to sustain American and global prosperity. In their view, global cooperation would spare the world a costly and dangerous new arms race between the United States and the emerging powers, one that could easily spill over into open conflict. Moreover, global cooperation would enable the United States and the world to seize the opportunities opened by today’s technological revolution to boost economic growth while overcoming ills that include global warming, emerging diseases, and mass migration.

Я принадлежу к третьей группе, которую я называю «интернационалистами». Интернационалисты утверждают, что глобальное сотрудничество между странами не только осуществимо, но и необходимо для предотвращения войны и поддержания процветания Америки и всего мира. По их мнению, глобальное сотрудничество избавит мир от дорогостоящей и опасной новой гонки вооружений между Соединёнными Штатами и развивающимися державами, которая легко может перерасти в открытый конфликт. Более того, глобальное сотрудничество позволило бы Соединённым Штатам и всему миру воспользоваться возможностями, открывающимися благодаря современной технологической революции, для ускорения экономического роста и одновременного преодоления таких проблем, как глобальное потепление, новые заболевания и массовая миграция.

The term “internationalist” is sometimes used disparagingly. One might hear the gibe, “You’re no patriot, you’re an internationalist” as a typical gibe. The idea is that those who believe in global solutions are not really siding with the United States.

Термин «интернационалист» иногда используется в уничижительном смысле. Можно услышать типичную насмешку: «Ты не патриот, ты интернационалист». Идея заключается в том, что те, кто верит в глобальные решения, на самом деле не поддерживают Соединённые Штаты.

By embracing the term “internationalist,” I want to underscore the basic idea that global cooperation boosts America’s best interests along with those of the rest of the world. Internationalists believe strongly in win-win cooperation rather than in the win-lose competition emphasized by the exceptionalists and the realists.

Используя термин «интернационалист», я хочу подчеркнуть основную идею о том, что глобальное сотрудничество отвечает интересам как Америки, так и всего остального мира. Интернационалисты твёрдо верят в взаимовыгодное сотрудничество, а не в конкурентную борьбу, на которой настаивают сторонники исключительности и реалисты.

The coming foreign policy battles will pit these three visions against each other, most likely in a fierce pitched battle for the hearts and minds of the American people. I am firmly in the internationalist camp. I believe that American exceptionalism is a dangerous illusion for America in the twenty-first century and that balance-of-power realism is excessively pessimistic about the potential for cooperative diplomacy.

Грядущие внешнеполитические баталии столкнут эти три концепции, скорее всего, в ожесточённой битве за сердца и умы американского народа. Я твёрдо стою на позиции интернационалистов. Я считаю, что американская исключительность — опасная иллюзия для Америки в XXI веке, а реализм баланса сил чрезмерно пессимистичен в отношении потенциала кооперативной дипломатии.

Consider the current U.S. policy debate regarding China.

Обратите внимание на текущие политические дебаты США в отношении Китая.

American exceptionalists see China’s rise as an unacceptable threat to U.S. dominance. They argue that the United States should invest trillions of dollars in a new arms buildup in Asia, including ballistic missile defense for American allies. They argue that the benefits to the United States of a unilateral U.S. arms buildup would far exceed the costs, with benefits in the form of enhanced U.S. prestige, global leadership, national security, and the safety of overseas investments. They call for trade and technology measures to limit China’s future economic growth. They call for a strengthened network of alliances.

Сторонники американской исключительности рассматривают усиление Китая как неприемлемую угрозу доминированию США. Они утверждают, что Соединённым Штатам следует инвестировать триллионы долларов в новое наращивание вооружений в Азии, включая противоракетную оборону для американских союзников. Они утверждают, что выгоды для США от одностороннего наращивания вооружений значительно превысят затраты, а именно: укрепление престижа США, мирового лидерства, национальной безопасности и безопасности зарубежных инвестиций. Они призывают к принятию мер в сфере торговли и технологий для ограничения будущего экономического роста Китая. Они также призывают к укреплению сети альянсов.

Blackwill and Tellis put it this way:

Because the American effort to ‘integrate’ China into the liberal international order has now generated new threats to U.S. primacy in Asia—and could eventually result in a consequential challenge to American power globally—Washington needs a new grand strategy toward China that centers on balancing the rise of Chinese power rather than continuing to assist its ascendancy.³

Блэквилл и Теллис выразили это так:

Поскольку усилия Америки по «интеграции» Китая в либеральный международный порядок теперь породили новые угрозы доминированию США в Азии и могут в конечном итоге создать серьезный вызов американскому могуществу на глобальном уровне, Вашингтону необходима новая масштабная стратегия в отношении Китая, сосредоточенная на противодействии росту китайской мощи, а не на дальнейшем содействии её доминированию.³

To offer a simple numerical illustration: exceptionalists, I will suppose, call for a \$5 trillion investment in new armaments, believing that this will enable the United States to extract \$10 trillion in geopolitical advantages from China, for a net U.S. benefit of \$5 trillion and loss to China of \$10 trillion. For an American exceptionalist, the advantages of an arms buildup seem obvious, a no-brainer.

Приведу простую числовую иллюстрацию: я предположу, что сторонники теории исключительности призывают к инвестициям в размере 5 триллионов долларов в новые вооружения, полагая, что это позволит Соединённым Штатам извлечь из Китая геополитическую выгоду в размере 10 триллионов долларов, что принесёт США чистую выгоду в размере 5 триллионов долларов, а Китаю – 10 триллионов. Для сторонника теории исключительности преимущества наращивания вооружений кажутся очевидными и неоспоримыми.

The realists agree with the exceptionalists that a unilateral U.S. military buildup will give the United States a net gain, but they believe that China will match the U.S. arms buildup. Even so, the realists argue that the United States should make the investment. Here is their reasoning.

Реалисты согласны со сторонниками теории исключительности в том, что одностороннее наращивание военной мощи США принесёт Соединённым Штатам чистую выгоду, но они считают, что Китай будет соответствовать наращиванию вооружений США. Тем не менее, реалисты утверждают, что Соединённым Штатам следует сделать эти инвестиции. Вот их аргументы.

If China invests \$5 trillion in arms while the United States does not, then China will gain \$10 trillion in geopolitical advantage. If both sides arm, each spending \$5 trillion, neither side gains a geopolitical advantage or suffers a geopolitical loss. They arrive at a standoff, a balance of power. If the United States arms while China does not, the United States garners a net gain of \$5 trillion, equal to \$10 trillion in geopolitical benefits minus the \$5 trillion cost of arms.

Если Китай инвестирует 5 триллионов долларов в вооружения, а США — нет, то Китай получит геополитическое преимущество в 10 триллионов долларов. Если обе стороны вооружатся, потратив по 5 триллионов долларов, ни одна из них не получит геополитического преимущества и не понесет геополитических потерь. Они приходят к противостоянию, балансу сил. Если США вооружатся, а Китай — нет, то США получат чистый выигрыш в 5 триллионов долларов, что равно 10 триллионам долларов геополитической выгоды за вычетом 5 триллионов долларов расходов на вооружение.

Using the jargon of game theory, the realists argue that an arms buildup is America's (and China's) "dominant" strategy. If China arms, then the United States should do so as well. If China does not arm, then the United States can secure a geopolitical advantage through its own military buildup. No matter what China does, therefore, the United States should arm. Since China reasons symmetrically, both countries end up arming, and each incurs a \$5 trillion cost but ends up at a geopolitical standstill. According to the realists, the \$5 trillion is the unavoidable cost to pay to ensure America's geopolitical parity with China.

Используя жаргон теории игр, реалисты утверждают, что наращивание вооружений — «доминирующая» стратегия Америки (и Китая). Если Китай вооружается, то США должны сделать то же самое. Если Китай не вооружается, то США могут обеспечить себе геополитическое преимущество за счет собственного наращивания военной мощи. Следовательно, независимо от того, что делает Китай, США должны вооружаться. Поскольку Китай рассуждает симметрично, обе страны в конечном итоге вооружаются, и каждая из них несет расходы в размере 5 триллионов долларов, но в итоге оказывается в геополитическом тупике. По мнению реалистов, эти 5 триллионов долларов — неизбежная цена, которую необходимо заплатить для обеспечения геополитического паритета Америки с Китаем.

Hold on, say the internationalists. Surely our two countries can come to their senses. The \$5 trillion to be used for an arms race could be put toward more urgent needs, like education, health care, renewable

energy, and infrastructure. Rather than an arms race, let's agree with China that neither side will arm. Better still, let's agree to pool some resources into new high-tech ventures to advance cutting-edge global solutions for low-carbon energy, quality education, health care for all, and other mutual goals, to achieve the kind of "smart, fair, and sustainable societies" that I wrote about in *Building the New American Economy*.

Подождите, говорят интернационалисты. Наши две страны наверняка могут образумиться. 5 триллионов долларов, которые будут потрачены на гонку вооружений, можно было бы направить на более насущные нужды, такие как образование, здравоохранение, возобновляемые источники энергии и инфраструктура. Вместо того, чтобы развязывать гонку вооружений, давайте договоримся с Китаем, что ни одна из сторон не будет вооружаться. А еще лучше — договоримся объединить часть ресурсов в новые высокотехнологичные предприятия для продвижения передовых глобальных решений в области низкоуглеродной энергетики, качественного образования, здравоохранения для всех и достижения других общих целей, чтобы достичь того самого «умного, справедливого и устойчивого общества», о котором я писал в книге «Строительство новой американской экономики».

It is this kind of cooperation that the exceptionalists scoff at and that the realists believe to be unrealistic. Again, consider the words of Blackwill and Tellis:

Именно такое сотрудничество насмехается над сторонниками исключительности, а реалисты считают его нереалистичным. Снова рассмотрим слова Блэквилла и Теллиса:

There is no real prospect of building fundamental trust, "peaceful coexistence," "mutual understanding," a strategic partnership, or a "new type of major country relations" between the United States and China. Rather, the most that can be hoped for is caution and restrained predictability by the two sides as intense U.S.-China strategic competition becomes the new normal, and even that will be no easy task to achieve in the period ahead.⁴

Нет никаких реальных перспектив построения фундаментального доверия, «мирного сосуществования», «взаимопонимания», стратегического партнерства или «нового типа отношений между крупными странами» между Соединенными Штатами и Китаем. Скорее, максимум, на что можно надеяться, — это осторожность и сдержанная предсказуемость обеих сторон, поскольку интенсивное стратегическое соперничество между США и Китаем становится новой нормой, и даже этого будет непросто достичь в предстоящий период.⁴

The essence of careful foreign policy analysis is to size up the contrasting positions.

Суть тщательного анализа внешней политики заключается в оценке противоположных позиций.

The exceptionalists believe that, with enough investments, the United States can maintain its military dominance in Asia. The realists, for their part, feel that an arms race with China and with Russia is inevitable, no matter what the eventual outcome. They point to the bad behavior of China and Russia as evidence that diplomacy is very unlikely to succeed. China is busy expanding its military presence in the South China Sea. Russia is hacking U.S. politics, bombing Aleppo, and destabilizing Ukraine. How could the United States possibly trust those countries?

Сторонники исключительности считают, что при достаточных инвестициях Соединенные Штаты смогут сохранить свое военное доминирование в Азии. Реалисты, в свою очередь, считают, что гонка вооружений с Китаем и Россией неизбежна, независимо от конечного результата. Они указывают на недобросовестное поведение Китая и России как на доказательство того, что дипломатия вряд ли увенчается успехом. Китай занят расширением своего военного присутствия в Южно-Китайском море. Россия вмешивается в политику США, бомбит Алеппо и дестабилизирует Украину. Как Соединенные Штаты могут доверять этим странам?

As an internationalist, I say, "Not so fast." China's and Russia's actions look aggressive from our point of view, but from the vantage points of China and Russia they are viewed as responses to U.S. actions. Recall the security dilemma— what looks like an offensive action to us may be a state's attempt to defend itself. Many Chinese strategists plausibly believe that the United States will try to stifle China's future economic growth and note that the United States outspends China on the military by more than two to

one (\$596 billion to \$215 billion, in 2015), while deploying military bases in more than seventy countries, compared with China's sole foreign base in Djibouti. Considered through this lens, China hardly seems like the aggressor.

Как интернационалист, я говорю: «Не так быстро». С нашей точки зрения, действия Китая и России выглядят агрессивными, но с позиций Китая и России они рассматриваются как ответ на действия США. Вспомним дилемму безопасности: то, что нам кажется наступательными действиями, может быть попыткой государства защитить себя. Многие китайские стратеги обоснованно полагают, что Соединенные Штаты попытаются задушить будущий экономический рост Китая, и отмечают, что Соединенные Штаты тратят на военные нужды более чем в два раза больше, чем Китай (596 млрд долларов против 215 млрд долларов в 2015 году), при этом разместив военные базы в более чем семидесяти странах, в то время как единственная зарубежная база Китая находится в Джибути. С этой точки зрения Китай вряд ли выглядит агрессором.

Russian strategists similarly argue that the United States, not Russia, provoked the deterioration of relations in recent years. They point to U.S. meddling in Russia's internal politics going back many years and, perhaps even more provocatively, to U.S. meddling in Ukraine as well. Russian strategists also strongly object to the U.S. attempts to make Ukraine a member of NATO—which would bring the U.S.-led military alliance right up to Russia's border—and to NATO's deployment of missile defense systems in Eastern Europe. Russia asserts that such missile defenses are designed to weaken Russian retaliation against U.S. aggression. (The new missile deployments follow America's unilateral withdrawal in 2002 from the U.S.-Soviet Anti-Ballistic Missile Treaty.)

Российские стратеги также утверждают, что именно Соединенные Штаты, а не Россия, спровоцировали ухудшение отношений в последние годы. Они указывают на многолетнее вмешательство США во внутреннюю политику России и, что, возможно, ещё более провокационно, на вмешательство США в дела Украины. Российские стратеги также решительно возражают против попыток США сделать Украину членом НАТО, что приблизило бы возглавляемый США военный альянс к границам России, и против размещения НАТО систем противоракетной обороны в Восточной Европе. Россия утверждает, что такие системы ПРО призваны ослабить российский ответ на агрессию США. (Развёртывание новых ракет последовало за односторонним выходом США из американо-советского Договора по противоракетной обороне в 2002 году.)

President John F. Kennedy eloquently framed the debate between the realists and the internationalists (of which he was one) in a commencement speech at American University in 1963:

Today the expenditure of billions of dollars every year on weapons acquired for the purpose of making sure we never need them is essential to the keeping of peace. But surely the acquisition of such idle stockpiles—which can only destroy and never create—is not the only, much less the most efficient, means of assuring peace. I speak of peace, therefore, as the necessary, rational end of rational men. I realize the pursuit of peace is not as dramatic as the pursuit of war, and frequently the words of the pursuers fall on deaf ears. But we have no more urgent task.⁵

Президент Джон Ф. Кеннеди красноречиво сформулировал суть спора между реалистами и интернационалистами (к которым он сам принадлежал) в своей речи на церемонии вручения дипломов в Американском университете в 1963 году:

Сегодня миллиарды долларов, ежегодно тратящиеся на оружие, приобретаемое с целью гарантировать, что оно нам никогда не понадобится, имеют решающее значение для поддержания мира. Но, конечно же, приобретение таких неиспользуемых запасов, которые могут только разрушать, но никогда не созидать, — не единственный, и уж тем более не самый эффективный, способ обеспечения мира. Поэтому я говорю о мире как о необходимой, рациональной цели разумных людей. Я понимаю, что стремление к миру не так драматично, как стремление к войне, и часто слова тех, кто стремится к миру, остаются не услышанными. Но у нас нет более неотложной задачи.⁵

Kennedy believed that the Cold War could be overcome, and the arms race halted and eventually reversed, through rational, mutually beneficial agreements.⁶ In the same address, he offered this internationalist vision:

So let us not be blind to our differences, but let us also direct attention to our common interests and the means by which those differences can be resolved. And if we cannot end now our differences, at least we can help make the world safe for diversity. For in the final analysis, our most basic common link is that we all inhabit this small planet. We all breathe the same air. We all cherish our children's futures. And we are all mortal.

Кеннеди верил, что холодную войну можно преодолеть, а гонку вооружений остановить и, в конечном итоге, обратить вспять посредством разумных, взаимовыгодных соглашений.⁶ В том же выступлении он предложил следующее интернационалистское видение:

Поэтому давайте не будем закрывать глаза на наши разногласия, но также обратим внимание на наши общие интересы и средства их разрешения. И если мы не можем сейчас положить конец нашим разногласиям, по крайней мере, мы можем помочь сделать мир безопасным для многообразия. Ведь в конечном счёте нас объединяет то, что мы все живём на этой маленькой планете. Мы все дышим одним воздухом. Мы все дорожим будущим наших детей. И все мы смертны.

This vision underpinned Kennedy's successful drive to negotiate the Partial Nuclear Test Ban Treaty in 1963, which in turn led to the Nuclear Non-Proliferation Treaty of 1968. Both treaties are an expression of the hopes and aspirations of internationalism: that a dangerous arms race can be slowed, and eventually reversed, through diplomacy and cooperation.

Это видение лежало в основе успешного стремления Кеннеди к заключению Договора о частичном запрещении ядерных испытаний в 1963 году, который, в свою очередь, привёл к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 года. Оба договора являются выражением надежд и стремлений интернационализма: опасную гонку вооружений можно замедлить и в конечном итоге обратить вспять с помощью дипломатии и сотрудничества.

There is one more fundamental point to make about cooperation, demonstrated by game theory, tested in practice, and crucial for successful diplomacy. Cooperation is not blind trust, and it should not be naïve or unconditional. Internationalists like myself have no doubt that evil exists, and that Hitler bullied and duped the West with no intention other than war and conquest. When I speak about the gains from cooperation, it is on the basis of two beliefs: that the gains are large and mutual; and that if cooperation in fact breaks down, a country can still revert to the "realist" position.

Есть ещё один фундаментальный момент, который следует отметить относительно сотрудничества, продемонстрированный теорией игр, проверенный на практике и имеющий решающее значение для успешной дипломатии. Сотрудничество — это не слепое доверие, и оно не должно быть наивным или безусловным. Интернационалисты, такие как я, не сомневаются в существовании зла и в том, что Гитлер запугивал и обманывал Запад, преследуя лишь военные и захватнические цели. Когда я говорю о выгодах от сотрудничества, я основываюсь на двух убеждениях: в том, что выгоды велики и взаимны; и в том, что если сотрудничество фактически рухнет, страна всё ещё может вернуться к «реалистичной» позиции.

In game theory, one such strategy of conditional cooperation is called Tit-for-Tat (TFT). The TFT strategy is to be cooperative at the start, but if the other side reneges, to revert to a tougher position and an arms race if necessary. Yet to sustain cooperation it's also very important not to be doctrinaire or to prejudge one's counterparts. Most importantly, it's vital not to mistake the defensive actions of those counterparts as aggression, or to assume that counterparts are incapable of cooperation. Both assumptions are likely to be dangerous and wrong, leading to a self-fulfilling arms race or worse. Table 1.1 offers a schematic account of the three main foreign policy positions. As I summarize in the table, American exceptionalists believe in the dominance of American military power, the limits of cooperation, and the evil intentions of America's adversaries. Realists believe that U.S. military strength is needed because America's competitors will almost inevitably challenge American interests. Internationalists believe that humanity faces shared urgent challenges and vulnerabilities that make global cooperation necessary and achievable through rational diplomacy backed by threats if cooperation fails.

В теории игр одна из таких стратегий условного сотрудничества называется «око за око» (Око за око). Стратегия ОКО заключается в сотрудничестве на начальном этапе, но в случае отказа другой стороны вернуться к более жёсткой позиции и, при необходимости, к гонке вооружений. Однако для поддержания сотрудничества крайне важно не быть догматиком и не предвзято оценивать

своих партнёров. Самое главное – не принимать оборонительные действия этих партнёров за агрессию и не предполагать, что они неспособны к сотрудничеству. Оба предположения, вероятно, опасны и ошибочны, ведя к самореализующейся гонке вооружений или к чему-то ещё более худшему. Таблица 1.1 представляет собой схематическое описание трёх основных внешнеполитических позиций. Как я резюмирую в таблице, сторонники теории исключительности Америки верят в превосходство американской военной мощи, ограниченность сотрудничества и злонамеренность противников Америки. Реалисты считают, что военная мощь США необходима, поскольку конкуренты Америки практически неизбежно будут оспаривать американские интересы. Интернационалисты считают, что человечество сталкивается с общими неотложными проблемами и уязвимостями, которые делают глобальное сотрудничество необходимым и достижимым посредством рациональной дипломатии, подкреплённой угрозами в случае, если сотрудничество не удастся.

TABLE 1.1 Foreign Policy Positions

	Military power	Potential gains from cooperation	Likelihood of cooperation	Competition of values	Foreign policy
Exceptionalism	American dominance	Low	Low	American virtue in a world of evil	Military dominance, low priority on diplomacy
Realism	American advantage with strong adversaries	Moderate	Occasional	American values in a world of diverse values	Military buildup, cautious diplomacy
Internationalism	Rough parity of military power	High	High	Shared global values	Arms control, active diplomacy, shared global goals

American exceptionalism, I will argue throughout this book, is passé, a throwback to the years after World War II when the United States dominated the world economy and was far ahead of the rest of the world in military and civilian technology. Times are very different now. The U.S. economy is actually smaller than China's when both are measured by a common set of international prices. It is still true today that U.S. military power is vast, with an unrivaled archipelago of military bases in dozens of countries. But we have seen repeatedly that U.S. firepower cannot enforce peace on the ground, much less the political outcomes sought by the United States.

Американская исключительность, как я буду утверждать на протяжении всей книги, ушла в прошлое, став возвратом к годам после Второй мировой войны, когда Соединённые Штаты доминировали в мировой экономике и значительно опережали остальной мир в военных и гражданских технологиях. Сейчас времена совсем другие. Экономика США фактически меньше китайской, если оценивать их по единому набору международных цен. Сегодня по-прежнему верно, что военная мощь США огромна, с непревзойдённым архипелагом военных баз в десятках стран. Но мы неоднократно видели, что огневая мощь США не способна обеспечить мир на местах, не говоря уже о политических результатах, к которым стремятся Соединённые Штаты.

Another fundamental change from the early postwar years is the much greater need for global cooperation regarding global warming, emerging diseases, and other environmental threats. If the United States and China come to view each other as military competitors, they are far less likely to view each other as partners in environmental sustainability. Our mind-set—conflict or cooperation—will shape not only our arms spending but also our chances to control global warming, fight newly emerging diseases, or invest together in new science and technology.

Ещё одно фундаментальное изменение по сравнению с первыми послевоенными годами — это значительно возросшая потребность в глобальном сотрудничестве в вопросах глобального потепления, новых заболеваний и других экологических угроз. Если Соединённые Штаты и Китай начнут рассматривать друг друга как военных конкурентов, они вряд ли будут рассматривать друг друга как партнёров в вопросах экологической устойчивости. Наше мышление – конфликт или сотрудничество – будет определять не только наши расходы на вооружение, но и наши шансы контролировать глобальное потепление, бороться с новыми заболеваниями и совместно инвестировать в новые научные и технологические разработки.

A third fundamental change is that the world now has the established institutional machinery to sustain global cooperation, thanks to more than seventy years of the United Nations and its various component institutions. It would be especially foolhardy and indeed reckless for the United States to turn its back on these global institutions—as indeed it is already starting to do, and as we'll consider further in chapter 15.

Третье фундаментальное изменение заключается в том, что благодаря более чем семидесяти годам существования Организации Объединенных Наций и различных входящих в нее институтов в мире теперь есть устоявшийся институциональный механизм для поддержания глобального сотрудничества. Со стороны Соединенных Штатов было бы особенно рискованно и даже безрассудно отвернуться от этих глобальных институтов – что они, собственно, уже начинают делать, и что мы рассмотрим далее в главе 15.

To make the world safe in the face of global warming and ensure the best life possible not just for Americans but for all the inhabitants of this small planet, we must reconsider longheld assumptions. American exceptionalism has reached a double dead end. It's no longer feasible, because the United States is no longer the dominant power that the exceptionalists imagine, and so it no longer works for guiding effective foreign policy—and hasn't for a while. Yes, the United States may have “won” the Cold War (in the exceptionalist telling), but it lost the Vietnam War and made a mess of wars and CIA adventurism in Southeast Asia, Africa, the Middle East, Central America, and other places where exceptionalism crashed against on-the-ground realities.

Чтобы обезопасить мир перед лицом глобального потепления и обеспечить наилучшую возможную жизнь не только американцам, но и всем жителям этой маленькой планеты, мы должны пересмотреть устоявшиеся представления. Американская исключительность зашла в двойной тупик. Она больше невозможна, поскольку Соединенные Штаты больше не являются доминирующей державой, как ее представляют себе сторонники исключительности, и поэтому они больше не способствуют проведению эффективной внешней политики – и уже давно не являются таковыми. Да, Соединённые Штаты, возможно, и «выиграли» Холодную войну (в интерпретации теории исключительности), но они проиграли войну во Вьетнаме и устроили хаос из войн и авантюры ЦРУ в Юго-Восточной Азии, Африке, на Ближнем Востоке, в Центральной Америке и других местах, где концепция исключительности столкнулась с реалиями на земле.

A continuation of American exceptionalism, whether in its traditional forms or in Trump's America First version, would spell further dangers and damage for the United States and for the world.

If we're smart, we can find a safe position for the United States without the claim of global dominance. Yet to do so we must reconsider a tenet that's been central to American identity for centuries—as we'll see in the next chapter.

Продолжение американской исключительности, будь то в её традиционных формах или в версии Трампа «Америка прежде всего», обернется новыми опасностями и ущербом для Соединённых Штатов и всего мира.

Если мы будем умны, мы сможем найти для Соединённых Штатов безопасную позицию, не претендуя на мировое господство. Однако для этого нам необходимо пересмотреть принцип, который веками был основой американской идентичности, — как мы увидим в следующей главе.

2 EXCEPTIONALISM AS THE CIVIC RELIGION

The idea of American exceptionalism is deeply set in American culture and the institutions of foreign policy. We are addicted to an inflated self-image. How sadly appropriate, alas, to have a megalomaniac as president to proclaim America's continued dominance.

Идея американской исключительности глубоко укоренилась в американской культуре и институтах внешней политики. Мы зависим от завышенного самовосприятия. Увы, как же это уместно – иметь президента с манией величия, провозглашающего продолжающееся господство Америки.

As many American historians have noted, American exceptionalism is deeply intertwined in America's history, or at least in one telling of it. When the first pilgrims arrived, they were not merely looking to

establish a colony in the New World (which they regarded as “new” since they left the native Americans out of the accounting). They were establishing a “city upon the hill.” America would be the new Promised Land.

Как отмечают многие американские историки, американская исключительность тесно переплетена с историей Америки, или, по крайней мере, с одним из её вариантов. Когда первые пилигримы прибыли, они не просто стремились основать колонию в Новом Свете (который они считали «новым», поскольку не учитывали коренных американцев). Они основывали «город на холме». Америка должна была стать новой Землёй Обетованной.

This messianic vision provided the energy and vision to overcome the unimaginable difficulties of settling a new frontier thousands of miles from the European homelands. The European settlers faced famine and distance, resistance from indigenous populations, wars between the European powers, and of course growing tensions between the colonizers and the imperial governments back in Europe. At every turn, they called on Providence for their salvation, and at each victory, they gave credit to the Lord for supporting his new chosen people. America’s success became divine success. America’s strength became the proof of its divine mission in the world. In this, the Protestant settlers of New England followed the teachings of John Calvin: “There is no question that riches should be the portion of the godly rather than the wicked, for godliness hath the promise in this life as well as the life to come.”¹

Это мессианское видение давало энергию и видение для преодоления невообразимых трудностей освоения новых земель в тысячах миль от европейских земель. Европейские поселенцы столкнулись с голодом и дальними расстояниями, сопротивлением коренного населения, войнами между европейскими державами и, конечно же, растущей напряжённостью между колонизаторами и имперскими правительствами в Европе. На каждом шагу они взывали к Провидению о спасении и при каждой победе воздавали хвалу Господу за поддержку Его нового избранного народа. Успех Америки стал божественным успехом. Сила Америки стала доказательством её божественной миссии в мире. В этом протестантские поселенцы Новой Англии следовали учению Жана Кальвина: «Нет никаких сомнений в том, что богатство должно быть уделом благочестивых, а не нечестивых, ибо благочестие имеет обетование как в этой жизни, так и в жизни грядущей». ¹

The settlers, largely the descendants of the English and other peoples of the British Isles, arrived in the early seventeenth century at their Atlantic beachheads prepared to fight to stay, and then in God’s name to spread across the American continent in the eighteenth and nineteenth centuries and the world in the twentieth century. In more than 250 years of almost continuous expansionist wars and bold investments in farms, factories, and infrastructure, Americans interpreted their successes as proof of the divinity of their cause.

Поселенцы, в основном потомки англичан и других народов Британских островов, прибыли в начале XVII века на свои атлантические плацдармы, готовые сражаться, чтобы удержаться, а затем во имя Бога распространиться по Американскому континенту в XVIII и XIX веках и по всему миру в XX веке. За более чем 250 лет почти непрерывных экспансионистских войн и смелых инвестиций в фермы, фабрики и инфраструктуру американцы восприняли свои успехи как доказательство божественности своего дела.

In their exceptionalism, Americans were surely tutored by their English cousins, whose own global grandeur preceded America’s global dominance by more than a century. For at least a century (roughly from 1815 to 1914), Britain seemed to be blessed with divine backing for true global dominance. Americans, many of them heirs to the same culture, language, and ethnicity, could look on with awe at the ever-expanding British Empire, no doubt with the secret hope, perhaps even expectation, that someday that empire would be their own.

В своей исключительности американцы, несомненно, были воспитаны своими английскими кузенами, чьё мировое величие опередило глобальное господство Америки более чем на столетие. На протяжении как минимум столетия (примерно с 1815 по 1914 год) Британия, казалось, была благословлена божественной поддержкой для истинного мирового господства. Американцы, многие из которых были наследниками одной культуры, языка и этнической группы, с благоговением взирали на постоянно расширяющуюся Британскую империю, несомненно, тайно надеясь, возможно, даже ожидая, что когда-нибудь эта империя станет их собственной.

American messianism revealed itself in the formative moments of the United States. It provided the fuel for the original settlements and for two centuries of war against native communities that stood in the way of claims to the land and its natural wealth. It was carried in Lincoln's description of America as "the last best hope of Earth," even though it was the United States alone in the world that required a civil war to end slavery. It was epitomized by the idea of America's Manifest Destiny to occupy the lands between the oceans, notwithstanding the claims of other countries (such as Mexico) or the rights of the indigenous populations. It fueled the hubristic, yet wildly successful, Monroe Doctrine, by which a weak, start-up nation warned the great European powers to desist from meddling in the Americas.

Американский мессианизм проявился в период становления Соединённых Штатов. Он стал движущей силой первых поселений и двух веков войны с коренными народами, препятствовавшими претензиям на землю и её природные богатства. Он нашёл своё отражение в описании Линкольном Америки как «последней надежды Земли», хотя только Соединённые Штаты в мире нуждались в гражданской войне для ликвидации рабства. Он воплощался в идее предопределённого предназначения Америки – оккупировать земли между океанами, невзирая на претензии других стран (например, Мексики) или права коренного населения. Он подпитывал высокомерную, но невероятно успешную доктрину Монро, с помощью которой слабая, молодая страна предостерегала великие европейские державы от вмешательства в дела Америки.

Historians have noted that every major war of the United States has been cloaked in the language of America's divine mission to deliver not only success for itself but global salvation. At the end of the nineteenth century, just after the United States had fulfilled its "destiny" of ruling North America from ocean to ocean, the nation turned to overseas empire building. In 1898, it went to war against Spain, not to grab Spain's colonies but to liberate them (or so it claimed); 120 years later, the conquered lands—Cuba, Puerto Rico, and the Philippines—continue to bear the scars of U.S. intervention. Few residents of those countries would subscribe to the American view that they had been liberated by the United States.

Историки отмечают, что каждая крупная война Соединённых Штатов была облечена в форму божественной миссии Америки, призванной обеспечить не только собственный успех, но и всеобщее спасение. В конце XIX века, сразу после того, как Соединённые Штаты выполнили своё «предназначение» – господствовать на всей территории Северной Америки от океана до океана, – страна обратилась к строительству заморской империи. В 1898 году она начала войну против Испании, не для того, чтобы захватить её колонии, а для их освобождения (по крайней мере, так она утверждала); 120 лет спустя завоёванные земли – Куба, Пуэрто-Рико и Филиппины – продолжают нести на себе шрамы американского вмешательства. Мало кто из жителей этих стран разделял американскую точку зрения, что они были освобождены Соединёнными Штатами.

In the twentieth century, the interventions abroad would be far larger and far more consequential for global history. On dozens of occasions, the United States sent its military into action in the Americas to overthrow governments, install pliant ones, grab territories (such as the Panama Canal Zone), secure investments in mines, oil, or farmlands, or suppress rebellions deemed to be hostile to American public or private interests. John Coatsworth has documented an astounding forty-one instances of U.S.-led "regime change" in the Americas, a pattern that would eventually be carried over to Africa, Europe, the Middle East, and Asia.² These are violent, extra-constitutional overthrows of foreign governments by the United States through a variety of means including wars, coups, assassinations, electoral manipulation, acts of provocation, and manufactured protests and mass unrest. Table 2.1 summarizes Coatsworth's remarkable findings, a careful undertaking that should be carried out systematically by specialists for all the world's regions, since America's regime-change operations have occurred not only in Latin America but also in dozens more cases in Asia, Europe, and Africa.

В XX веке интервенции за рубежом стали гораздо масштабнее и имели гораздо более серьёзные последствия для мировой истории. Десятки раз Соединённые Штаты использовали свои вооружённые силы в Северной и Южной Америке, чтобы свергать правительства, назначать послушных, захватывать территории (например, зону Панамского канала), обеспечивать инвестиции в шахты, нефтяные месторождения или сельскохозяйственные угодья, а также подавлять восстания, которые считались враждебными американским государственным или частным интересам. Джон Коутсворт задокументировал поразительные сорок один случай «смены режимов» под руководством США в Америке, и эта тенденция в конечном итоге распространилась на Африку, Европу, Ближний Восток и Азию.² Это насильственные, неконституционные свержения иностранных правительств Соединёнными Штатами различными способами, включая войны, перевороты, убийства, манипуляции на выборах, провокации, а также спровоцированные протесты

и массовые беспорядки. В таблице 2.1 суммированы замечательные выводы Коутсворта – тщательное исследование, которое должно систематически проводиться специалистами во всех регионах мира, поскольку американские операции по смене режимов проводились не только в Латинской Америке, но и в десятках других случаев в Азии, Европе и Африке.

America's late entry into World War I was another messianic adventure with startling and unanticipated consequences for the world. When an unprecedented, industrial-scale bloodletting exploded in Europe in August 1914, the American public and its leaders generally urged the United States to stay clear of the European carnage. President Woodrow Wilson ran for reelection in 1916 on a platform to keep the United States out of war. Yet by 1917, Wilson decided that America's great economic and military power could be used not only to end the war but also to end all wars, a case of American grandiosity in action.

Позднее вступление Америки в Первую мировую войну стало ещё одним мессианским приключением с поразительными и непредвиденными последствиями для мира. Когда в августе 1914 года в Европе разразилось беспрецедентное кровопролитие в промышленных масштабах, американская общественность и её лидеры в целом настоятельно рекомендовали Соединённым Штатам держаться подальше от европейской бойни. Президент Вудро Вильсон баллотировался на переизбрание в 1916 году, выступая за то, чтобы не допустить участия Соединённых Штатов в войне. Однако к 1917 году Вильсон решил, что огромная экономическая и военная мощь Америки может быть использована не только для прекращения войны, но и для прекращения всех войн, что стало примером американского величия в действии.

Before the U.S. intervention, the European combatants were locked in a grinding stalemate, one that might have ended in a truce without victor or vanquished. Yet America tilted the outcome to an outright victory by Britain and France over Germany and Austria. The idea of a peace without victors, an ostensible objective of the U.S. intervention, turned into the very opposite, a decisive defeat of the Hohenzollern (German) and Austro-Hungarian empires by France, Britain, and the United States that would subsequently result in a failed peace, economic chaos, the rise of Hitler, and a second world war one generation later. Americans tend to view the U.S. intervention in World War I as a success, but historians have explained with care the largely inadvertent damage caused by America's entry into the war.³

До вмешательства США европейские воюющие стороны оказались в изнурительном тупике, который мог бы закончиться перемирием без победителя и побеждённых. Однако Америка склонила исход войны к полной победе Великобритании и Франции над Германией и Австрией. Идея мира без победителей, заявленная как цель вмешательства США, обернулась полной противоположностью – решительным разгромом империй Гогенцоллернов (Германской) и Австро-Венгерской от рук Франции, Великобритании и Соединённых Штатов, что впоследствии привело к провалу мира, экономическому хаосу, приходу Гитлера к власти и Второй мировой войне спустя поколение. Американцы склонны считать вмешательство США в Первую мировую войну успехом, но историки тщательно объясняют ущерб, во многом непреднамеренный, нанесённый вступлением Америки в войну.³

TABLE 2.1 Selected U.S. Interventions in Latin America, 1898–2004

Direct Interventions: Military/CIA activity that changed governments

Cuba

1898–1902 Spanish-American War

1906–1909 United States ousts elected president Tomás Estrada Palma; occupation regime

1917–1923 U.S. reoccupation, gradual withdrawal

Dominican Republic

1916–1924 U.S. occupation

1961 Assassination of President Trujillo

1965 U.S. armed forces occupy Santo Domingo

Grenada

1983 U.S. armed forces occupy island, oust government

Guatemala

1954 C.I.A.-organized armed force ousts President Arbenz

Haiti

1915–1934 U.S. occupation

1994 U.S. troops restore constitutional government

Mexico

1914 Veracruz occupied; United States allows rebels to buy arms

Nicaragua

1910 Troops to Corinto and Bluefields during revolt

1912–1925 U.S. occupation

1926–1933 U.S. occupation

1981–1990 Contra war; then support for opposition in election

Panama

1903–1914 U.S. troops secure protectorate, canal

1989 U.S. armed forces occupy nation

Indirect Interventions: Government/regime changes in which the United States was decisive**Bolivia**

1964 Military coup ousts elected president Paz Estenssoro

1971 Military coup ousts General Torres

Brazil

1964 Military coup ousts elected president João Goulart

Chile

1973 Coup ousts elected president Salvador Allende

1988–1989 Aid to anti-Pinochet opposition (continued)

Cuba

1933 United States abandons support for President Machado

1934 United States sponsors coup by Colonel Batista to oust President Grau

Dominican Republic

1914 United States secures ouster of General José Bordas

1963 Coup ousts elected president Juan Bosch

El Salvador

1961 Coup ousts reformist civil-military junta

1979 Coup ousts General Humberto Romero

1980 United States creates and aids new Christian Democratic junta

Quatcmala

1963 United States supports coup against elected president Miguel Ydígoras Fuentes

1982 United States supports coup against General Lucas Garcia

1983 United States supports coup against General Rios Montt

Guyana

1953 CIA aids strikes; government is ousted

Honduras

1963 Military coup ousts elected president Villeda Morales

Mexico

1913 U.S. Ambassador H. L. Wilson organizes coup against President Madero

Nicaragua

1909 Support for rebels against Zelaya government

1979 United States pressures President Somoza to leave

Panama

1941 United States supports coup ousting elected president Arnulfo Arias

1949 United States supports coup ousting constitutional government of President Chanis

1969 United States supports coup by Genral Torrijos

Source: John H. Coatsworth, "Liberalism and Big Sticks: The Politics of U.S. Interventions in Latin America, 1898–2004" (Columbia University Academic Commons, 2006), <https://academiccommons.columbia.edu/catalog/ac:204082><https://academiccommons.columbia.edu/catalog/ac:204082>.

EXCEPTIONALISM AS THE CIVIC RELIGION

The two world wars and a Great Depression between 1914 and 1945 crippled Europe, and by 1950, the North Atlantic leadership had passed to the United States. America's preeminence in war, peace, and the global economy was evident. U.S. industry became the arsenal of democracy, and Washington financed the war, but on terms that would ensure U.S. global economic dominance after the war. Alone among the great powers, America had come through the war unscathed on home territory (aside from the one-day attack on Pearl Harbor in December 1941).

Две мировые войны и Великая депрессия 1914–1945 годов парализовали Европу, и к 1950 году лидерство в Северной Атлантике перешло к Соединённым Штатам. Превосходство Америки в войне, мире и мировой экономике было очевидным. Американская промышленность стала арсеналом демократии, а Вашингтон финансировал войну, но на условиях, которые обеспечивали глобальное экономическое господство США после войны. Америка, единственная среди великих держав, прошла войну без потерь на своей территории (если не считать однодневного нападения на Перл-Харбор в декабре 1941 года).

In 1941, Time magazine editor Henry Luce proclaimed the American Century, the moniker under which the United States would exercise global leadership.⁴ Americans quickly bought into the idea. It fit with a long-standing U.S. narrative: the United States as the exceptional country. And at the time, it was true. America's dominance by 1945 is hard to overstate. American industry had expanded to unprecedented dimensions, with the gross domestic product (GDP) in 1945 almost double that of 1939. As of 1950, the United States accounted for 27 percent of the world economy, compared with approximately 26 percent for Western Europe, 9 percent for the Soviet Union, and just 5 percent for China.

В 1941 году редактор журнала Time Генри Люс провозгласил «Американский век» – название, под которым Соединённые Штаты будут осуществлять мировое лидерство.⁴ Американцы быстро приняли эту идею. Она соответствовала давнему представлению США о Соединённых Штатах как об исключительной стране. И в то время это было правдой. Доминирование Америки к 1945 году трудно переоценить. Американская промышленность достигла беспрецедентных масштабов: валовой внутренний продукт (ВВП) в 1945 году почти вдвое превысил показатель 1939 года. По состоянию на 1950 год на долю Соединённых Штатов приходилось 27 процентов мировой экономики, в то время как на Западную Европу приходилось примерно 26 процентов, на Советский Союз – 9 процентов, а на Китай – всего 5 процентов.

World War II had been the progenitor of breathtaking American innovations in science and technology, propelled by the demands of war: radar, sonar, ballistics, aeronautics, computers, semiconductors, cybernetics (human-machine interactions), applied mathematics, nuclear physics, chemistry, pharmaceuticals, metallurgy, and more. Europe's pre-Hitler scientific leadership arrived in the United States, refugee by refugee. The development of the atomic bomb was certainly the most visible symbol of the new cutting-edge physics harnessed to national power. But there were countless other crucial breakthroughs in science-based technology, as well as the realization that science-led development would be the key to economic advancement and to national security in the decades ahead.

Вторая мировая война стала источником захватывающих дух американских инноваций в науке и технике, обусловленных военными требованиями: радары, гидролокаторы, баллистика, авиация, компьютеры, полупроводники, кибернетика (взаимодействие человека и машины), прикладная математика, ядерная физика, химия, фармацевтика, металлургия и многое другое.

Европейское научное лидерство догитлеровского периода переместилось в Соединённые Штаты, беженцы за беженцами. Разработка атомной бомбы, безусловно, стала наиболее ярким символом новой передовой физики, ставящей её на службу национальной мощи. Но было и бесчисленное множество других важных прорывов в области научных технологий, а также осознание того, что научное развитие станет ключом к экономическому прогрессу и национальной безопасности в грядущие десятилетия.

By 1950, the United States had achieved unrivaled global leadership. It towered as perhaps the most powerful nation in world history. Although the Soviet Union, too, had nuclear arms after 1949, America's economic and technological preeminence in the civilian economy was unassailable. According to one estimate, by historian Angus Maddison, America's per capita GDP was 3.4 times that of the Soviet Union as of 1950.

К 1950 году Соединённые Штаты достигли непревзойдённого мирового лидерства. Они считались, пожалуй, самой могущественной державой в мировой истории. Хотя после 1949 года у Советского Союза тоже появилось ядерное оружие, экономическое и технологическое превосходство Америки в гражданской экономике было неоспоримым. Согласно одной из оценок историка Ангуса Мэддисона, ВВП на душу населения в Америке в 3,4 раза превышал ВВП Советского Союза в 1950 году.

The American Century was just getting started. How, then, could anyone doubt that Providence was on the side of the Americans, whose country had started as a tiny settlement hugging the Atlantic coast, spread across a continent, then across the oceans, and then across the world? (Of course that same delusion had gripped countless great powers before: Rome, Britain, Napoleon's France, China's Middle Kingdom, and many others).

Американский век только начинался. Как же тогда можно было сомневаться в том, что Провидение на стороне американцев, чья страна начиналась как крошечное поселение на побережье Атлантического океана, затем раскинулась на континенте, затем за океанами, а затем и по всему миру? (Конечно, то же самое заблуждение охватило бесчисленное множество великих держав и раньше: Рим, Британию, наполеоновскую Францию, китайское Срединное царство и многие другие).

It's worth reflecting on one important skeptical voice at midcentury, somebody who had thought a thing or two about God's purpose. Theologian Reinhold Niebuhr, at the moment of America's rise to global preeminence, had a foreboding that America's power would be its comeuppance, that America could be blinded by its might to its limitations, and even to right from wrong. Niebuhr warned Americans not to believe in their omniscience and omnipotence.⁵ He warned about hubris, arrogance, and corruption by power and wealth as fundamental human traits and weaknesses. He worried that America's traditional messianism, its sense of carrying forward God's mission, and its easy equation of wealth with godliness would prove to be its undoing.

Стоит поразмыслить об одном важном скептическом голосе середины века, о человеке, который кое-что понимал в Божьем замысле. Теолог Рейнхольд Нибур в момент восхождения Америки к мировому господству предчувствовал, что могущество Америки станет её позором, что Америка может быть ослеплена своей мощью, осознав свои ограничения и даже не отличив правильное от неправильного. Нибур предостерегал американцев от веры в своё всезнание и всемогущество.⁵ Он предупреждал о гордыне, высокомерии и коррупции, основанной на власти и богатстве, как об основополагающих человеческих чертах и слабостях. Он опасался, что традиционное мессианство Америки, её стремление продолжать Божью миссию и лёгкое отождествление богатства с благочестием приведут её к гибели.

In short, Niebuhr presciently warned against the arrogance that came to be part and parcel of American overseas militarism after World War II. Niebuhr noted that the Calvinist credo that wealth is a sign of God's providence created an American culture "which makes 'living standards' the final norm of the good life" and "which regards the perfection of techniques [technology] as the guarantor of every cultural as well as of every social-moral value."⁶ Niebuhr gave this wise warning, one that was not heeded by American leaders in future generations:

Today the success of America in world politics depends on its ability to establish community with many nations, despite the hazards created by pride of power on the one hand and the envy of the weak on the other . . . [O]ur success in world politics necessitates a disavowal of the pretentious elements in our original dream, and a recognition of the values and virtues which enter into history in unpredictable ways.⁷

Короче говоря, Нибур прозорливо предостерегал от высокомерия, которое стало неотъемлемой частью американского заморского милитаризма после Второй мировой войны. Нибур отмечал, что кальвинистское кредо о том, что богатство является знаком Божьего провидения, создало американскую культуру, «которая делает „уровень жизни“ окончательной нормой хорошей жизни» и «которая считает совершенство техники [технологии] гарантом всякой культурной, а также всякой социально-моральной ценности». 6 Нибур дал следующее мудрое предупреждение, которое не было услышано американскими лидерами будущих поколений:

Сегодня успех Америки в мировой политике зависит от её способности устанавливать сообщество со многими странами, несмотря на опасности, создаваемые гордыней власти, с одной стороны, и завистью слабых, с другой... [Наш] успех в мировой политике требует отказа от претенциозных элементов нашей изначальной мечты и признания ценностей и добродетелей, которые входят в историю непредсказуемым образом.⁷

The United States assumed postwar leadership in several fundamental ways. Most creatively, and thanks to the political genius and vision of Franklin Roosevelt, the United States led the design and launch of the new United Nations bodies, including the Bretton Woods Institutions (World Bank and International Monetary Fund), the UN agencies (such as the World Health Organization), and other regional institutions. Beginning with Roosevelt's administration and continuing with Truman's, the United States also came to dominate global finance, providing large-scale development aid, official loans, and private capital investments for economic development. American companies, in the lead in new technologies, invested around the world. The dollar decisively replaced the pound sterling at the center of international finance and payments.

Соединённые Штаты взяли на себя послевоенное лидерство несколькими фундаментальными способами. Наиболее творчески, благодаря политическому гению и провидению Франклина Рузвельта, Соединённые Штаты возглавили разработку и запуск новых органов Организации Объединённых Наций, включая Бреттон-Вудские институты (Всемирный банк и Международный валютный фонд), агентства ООН (такие как Всемирная организация здравоохранения) и другие региональные институты. Начиная с администрации Рузвельта и продолжая администрацией Трумэна, Соединённые Штаты также стали доминировать в мировой финансовой сфере, предоставляя масштабную помощь в целях развития, официальные займы и частные капиталовложения для экономического развития. Американские компании, занимающие лидирующие позиции в области новых технологий, инвестировали по всему миру. Доллар решительно заменил фунт стерлингов в центре международных финансов и платежей.

Yet internationalism was also matched by building a new security state. The United States invested heavily in the military and security agencies, eventually building a massive nuclear arsenal, hundreds of military bases around the world, several powerful intelligence agencies including the CIA, and military alliances to ensure continued U.S. dominance.

Однако интернационализм сопровождался также построением нового государства безопасности. Соединённые Штаты вкладывали значительные средства в военные и силовые структуры, в конечном итоге создав огромный ядерный арсенал, сотни военных баз по всему миру, несколько мощных разведывательных служб, включая ЦРУ, и военные союзы, обеспечивающие сохранение доминирования США.

From 1945 to 1991, U.S. foreign policy was structured to prevail in the Cold War. Though the United States dominated the world economy, the communist bloc led by the Soviet Union formed a rival ideology and a geopolitical threat. "Containment" of the Soviet Union and of the spread of communism became the prevailing dogma, yet the concept was interpreted in three very different ways. U.S. exceptionalists viewed the Soviet Union as an incorrigible superpower intent on world domination, with the United States as the ultimate bulwark of global freedom. U.S. realists viewed containment in more traditional balance-of-power terms. Realists had no doubt that the Soviet Union would exploit Western political or military weaknesses where possible, but they did not believe that the Soviet Union was a juggernaut intent on

taking over the world. U.S. internationalists, originally led by FDR himself, but then mainly on the U.S. political left, believed that the two blocs could not only coexist peacefully but also cooperate in areas of science, culture, and economic development. This view was rarely ascendant in U.S. foreign policy, except in brief periods such as 1963, when the United States and the Soviet Union concluded the Partial Nuclear Test Ban Treaty, and during periods of détente under Nixon, Ford, and Carter.

С 1945 по 1991 год внешняя политика США была структурирована таким образом, чтобы обеспечить победу в холодной войне. Хотя Соединенные Штаты доминировали в мировой экономике, коммунистический блок во главе с Советским Союзом сформировал конкурирующую идеологию и представлял геополитическую угрозу. «Сдерживание» Советского Союза и распространения коммунизма стало господствующей догмой, однако эта концепция трактовалась тремя совершенно разными способами. Сторонники теории исключительности в США рассматривали Советский Союз как неисправимую сверхдержаву, стремящуюся к мировому господству, а Соединенные Штаты — как главный оплот глобальной свободы. Американские реалисты рассматривали сдерживание в более традиционных терминах баланса сил. Реалисты не сомневались, что Советский Союз будет использовать политические и военные слабости Запада везде, где это возможно, но они не верили, что Советский Союз — это гигант, стремящийся захватить мир. Американские интернационалисты, первоначально возглавляемые самим Рузвельтом Делано Рузвельтом, но затем в основном из левого политического крыла США, считали, что два блока могут не только мирно сосуществовать, но и сотрудничать в области науки, культуры и экономического развития. Эта точка зрения редко преобладала во внешней политике США, за исключением коротких периодов, таких как 1963 год, когда США и Советский Союз заключили Договор о частичном запрещении ядерных испытаний, и периодов разрядки при Никсоне, Форде и Картере.

It is notable that the conceptual father of containment, George Kennan, bemoaned the exceptionalist interpretation, believing it to be dangerously hubristic, a naïve assertion of America's unique goodness and quest for global military dominance that was dangerous, unnecessary, and unachievable. In his 1957 BBC Reith Lectures, just a few years into the containment policy, Kennan put forward the proposition that a peace settlement regarding Germany, one that recognized Soviet security concerns, could actually remove the most important causes of the Cold War:

I would know of no basic issues of genuine gravity between Russia and the West other than those arising directly from the manner in which the recent world war was allowed to come to an end. I am referring here particularly to the fact that the authority of a united German Government was expunged on the territory of Germany itself and throughout large areas of Eastern Europe, and the armies of the Soviet Union and the Western democracies were permitted to meet in the middle of this territory and to take control of it, before there was any adequate agreement among them as to its future permanent status.⁸

Примечательно, что концептуальный отец политики сдерживания Джордж Кеннан сетовал на эту интерпретацию, считая её опасно высокомерной и наивной, утверждая об исключительной добродетели Америки и её стремление к глобальному военному господству, которое было опасным, ненужным и недостижимым. В своих лекциях BBC Reith 1957 года, всего через несколько лет после начала политики сдерживания, Кеннан выдвинул предположение, что мирное урегулирование в отношении Германии, признающее интересы безопасности СССР, могло бы фактически устранить важнейшие причины холодной войны:

Я не знаю ни одной действительно серьёзной проблемы между Россией и Западом, кроме тех, которые вытекают непосредственно из того, как недавней мировой войне позволили завершиться. Я имею в виду, в частности, тот факт, что власть единого германского правительства была уничтожена на территории самой Германии и на обширных территориях Восточной Европы, а армиям Советского Союза и западных демократий было разрешено встретиться в центре этой территории и взять её под свой контроль до того, как между ними было достигнуто адекватное соглашение о её будущем постоянном статусе.

Kennan urged the West to consider one direction for a possible peaceful resolution: the unification of Germany outside of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), thereby allowing for the mutual withdrawal from Germany of both NATO troops (in West Germany) and Soviet troops (in East Germany). Such compromise ideas found little support in the U.S. foreign policy community, and Kennan, though author of the original containment concept, found himself mostly outside of the mainstream after the mid-1950s.

Кеннан призывал Запад рассмотреть одно из направлений возможного мирного урегулирования: объединение Германии вне Организации Североатлантического договора (НАТО), что позволило бы осуществить взаимный вывод из Германии как войск НАТО (из Западной Германии), так и советских войск (из Восточной Германии). Подобные компромиссные идеи не нашли поддержки во внешнеполитическом сообществе США, и Кеннан, хотя и был автором первоначальной концепции сдерживания, после середины 1950-х годов оказался практически вне мейнстрима.

The postwar U.S. security state had three faces. The public face included the United Nations linkages and the formal alliances like NATO, designed to keep the peace and to defend against Soviet aggression. The NATO alliance was established in 1949 mainly to defend against a possible Soviet invasion of Western Europe. The Federal Republic of Germany, or West Germany, which was formed in 1949 out of the zones of military occupation by the United States, Britain, and France, became a NATO member in 1955, largely closing the door on a settlement of World War II along the lines that Kennan envisaged. The first secretary-general of NATO, Lord Ismay, famously declared that the purpose of NATO was “to keep the Soviet Union out, the Americans in, and the Germans down.” This meant that NATO would commit the United States to the defense of Western Europe, would prevent a Soviet invasion, and would subordinate German military and industrial might to a larger, U.S.-led alliance.

Послевоенное американское государство безопасности имело три лица. Публичное лицо включало связи с Организацией Объединённых Наций и формальные альянсы, такие как НАТО, призванные поддерживать мир и защищать от советской агрессии. Альянс НАТО был создан в 1949 году, главным образом, для защиты от возможного советского вторжения в Западную Европу. Федеративная Республика Германия, или Западная Германия, образованная в 1949 году из зон военной оккупации США, Великобритании и Франции, стала членом НАТО в 1955 году, что в значительной степени закрыло путь к урегулированию Второй мировой войны в соответствии с идеями Кеннана. Первый генеральный секретарь НАТО лорд Исмей, как известно, заявил, что цель НАТО — «держать Советский Союз вне, американцев — внутри, а немцев — внизу». Это означало, что НАТО обяжет Соединённые Штаты защищать Западную Европу, предотвратит советское вторжение и подчинит немецкую военную и промышленную мощь более крупному альянсу под руководством США.

The public face of the security state largely maintained an internationalist perspective, aligning the United States with the United Nations and its new institutions to help promote cooperation when that could be established. Thus, the United States was leader of the “free world” (backed by the NATO alliance) as well as the leader of global cooperation through the UN institutions and agencies. Yet when the United States faced limits within the UN—for example, when opposed by the Soviet Union and its allies—the United States was hardly shy about asserting national prerogatives despite UN opposition.

Публичный облик государства безопасности в основном сохранял интернационалистскую перспективу, объединяя Соединённые Штаты с Организацией Объединённых Наций и ее новыми институтами для содействия развитию сотрудничества, когда оно будет возможно. Таким образом, Соединённые Штаты были лидером «свободного мира» (при поддержке альянса НАТО), а также лидером глобального сотрудничества через институты и агентства ООН. Однако, когда Соединённые Штаты сталкивались с ограничениями внутри ООН, например, когда им противостоял Советский Союз и его союзники, они без колебаний отстаивали национальные прерогативы, несмотря на противодействие ООН.

A second, more shrouded face, was in the contested postcolonial world. Would the newly independent countries swing toward the United States or the Soviet Union? Open warfare, secret CIA operations including regime changes and assassinations of foreign leaders, and bribes and other inducements were used to keep countries in the U.S. camp. The CIA, created in 1947, became a secret army of the U.S. president, carrying out coups, assassinations, and destabilization operations against governments deemed hostile to U.S. security interests. Alas, the CIA not only poisoned local politics in places where it intervened but also poisoned the rule of law in the United States, with presidents becoming knowing accomplices to murder and mayhem.

Второе, более скрытое лицо, было в спорном постколониальном мире. К кому склонятся новые независимые страны: к Соединённым Штатам или к Советскому Союзу? Открытая война, секретные операции ЦРУ, включая смену режимов и убийства иностранных лидеров, а также взятки и другие стимулы, использовались для удержания стран в лагере США. ЦРУ, созданное в 1947 году, стало тайной армией президента США, осуществляя перевороты, убийства и операции

по дестабилизации против правительств, считавшихся враждебными интересам безопасности США. Увы, ЦРУ не только отравляло местную политику там, где оно вмешивалось, но и подрывало верховенство закона в Соединённых Штатах, становясь сознательными соучастниками убийств и беспорядков.

The third face was the most cynical of the three. Even when Soviet influence was nowhere to be seen, American interests might be at stake, as when a reform-minded government in Guatemala in the early 1950s decided on land reform to benefit the landless peasants. That was quite enough of a threat for the American company United Fruit International, which called its U.S. law firm Sullivan and Cromwell in 1954 to mobilize its former associates John Foster Dulles (U.S. secretary of state) and Allen Dulles (director of the CIA). Soon enough, Guatemala's reform-minded leader, Jacobo Arbenz, was overthrown. And Guatemala was hardly alone. With God on its side, the United States would overthrow dozens of leaders over the coming decades, many by outright assassination, and many in the pursuit of oil, farmlands, and other commercial benefits rather than anything resembling true national security.

Третье лицо было самым циничным из трёх. Даже когда советского влияния не было видно, американские интересы могли быть поставлены на карту, как это было, когда реформаторское правительство в Гватемале в начале 1950-х годов решило провести земельную реформу в пользу безземельных крестьян. Этой угрозы было вполне достаточно для американской компании United Fruit International, которая в 1954 году обратилась в свою юридическую фирму Sullivan and Cromwell, чтобы мобилизовать своих бывших соратников Джона Фостера Даллеса (госсекретаря США) и Аллена Даллеса (директора ЦРУ). Вскоре реформаторский лидер Гватемалы Хакобо Арбенс был свергнут. И Гватемала была в этом не одинока. С Божьей помощью Соединённые Штаты свергли десятки лидеров в последующие десятилетия, многих путём прямого убийства, а многих – в погоне за нефтью, сельскохозяйственными угодьями и другими коммерческими выгодами, а не за чем-то, напоминающим настоящую национальную безопасность.

What has been the legacy of these three facets of the U.S. security state? The balance sheet is mixed at best, often quite grim, and in recent years decidedly negative.

Какое наследие оставили эти три грани американского государства безопасности? Итоги в лучшем случае неоднозначны, часто довольно мрачны, а в последние годы – определённо негативны.

The most positive part of the new security arrangements, harnessing the United States to the United Nations, lasted for perhaps twenty years. Presidents Truman, Eisenhower, and Kennedy gave considerable focus and support to the United Nations and backed its nascent institutions. Of course, all three also unleashed countless acts of aggression and covert operations wholly contrary to the UN Charter. Yet by the time of President Nixon, even the priority given to UN decision making began to wane. Presidents generally sought UN approval when they could get it and acted without it when they could not, with variations on this theme across U.S. administrations. The internationalists, who had been led by Franklin Roosevelt's vision of the UN, gradually lost their hold on U.S. foreign policy. They believed that the Cold War could be largely avoided by recognizing the Soviet Union's valid security needs (such as a peace agreement with Germany), yet this more cooperative view was never really put to the test.

Самая позитивная часть новых мер безопасности, связывающая Соединённые Штаты с Организацией Объединённых Наций, просуществовала, пожалуй, двадцать лет. Президенты Трумэн, Эйзенхауэр и Кеннеди уделяли значительное внимание и поддержку Организации Объединённых Наций и поддерживали её зарождающиеся институты. Конечно, все трое также развязали бесчисленные акты агрессии и тайные операции, полностью противоречащие Уставу ООН. Однако ко времени президента Никсона даже приоритет, отдаваемый принятию решений ООН, начал ослабевать. Президенты обычно искали одобрения ООН, когда могли его получить, и действовали без него, когда не могли, с вариациями на эту тему в разных администрациях США. Интернационалисты, ведомые видением ООН Франклина Рузвельта, постепенно утратили влияние на внешнюю политику США. Они считали, что холодной войны можно было бы в значительной степени избежать, признав обоснованные потребности Советского Союза в области безопасности (например, мирное соглашение с Германией), однако эта более кооперативная позиция так и не была подвергнута реальному испытанию.

America's core military alliances, with NATO, Japan, Korea, and others, mostly kept the peace, but with the near-miracle of dodging several close brushes with nuclear war caused by blunders, saber-rattling, misunderstandings, bluffs, and false alarms. The world was saved, on several occasions, by sheer dumb

luck and by a few people who had more sense than the “sophisticated” security systems in which they were embedded.

Основные военные союзы Америки – с НАТО, Японией, Кореей и другими – в основном поддерживали мир, но лишь чудом избежали нескольких столкновений с ядерной войной, вызванных ошибками, бряцанием оружием, недопониманием, блефом и ложной тревогой. Мир несколько раз спасала чистая удача и несколько человек, у которых было больше здравого смысла, чем у «сложных» систем безопасности, в которые они были встроены.

NATO's role after the 1991 dissolution of the Soviet Union has been far more problematic. Despite the end of NATO's core mission—to protect Western Europe from a Soviet invasion—NATO not only stayed in existence but also expanded to the east toward Russia, sounding alarm bells in Russia and stoking a new Cold War. NATO forces bombed a European capital (Belgrade) in 1999 and flew combat missions in Libya in 2011 to topple Moammar Khadafy, giving rise to the accusations of dangerous NATO “mission creep” in the service of American military dominance.

Роль НАТО после распада Советского Союза в 1991 году оказалась гораздо более проблематичной. Несмотря на прекращение основной миссии НАТО — защиты Западной Европы от советского вторжения, — НАТО не только продолжало существовать, но и расширилось на восток, в сторону России, вызывая тревогу в России и разжигая новую холодную войну. Силы НАТО бомбили европейскую столицу (Белград) в 1999 году и выполняли боевые вылеты в Ливии в 2011 году, чтобы свергнуть Муаммара Каддафи, что породило обвинения в опасном «расползании миссии» НАТО ради достижения американского военного господства.

The proxy wars worked out far worse. The United States has been in almost nonstop war since 1945. When facing the Soviet Union, every local fluctuation of power, every war of national liberation, every civil war, was viewed by the U.S. security state through the Cold War lens. Would a victory by side A or side B be better for the United States or the Soviet Union? Suddenly, the United States decided it had vital stakes in every local conflict, whether in Vietnam, Cambodia, and Laos in the 1950s–1970s, Central America in the 1980s, Africa in the 1980s and 1990s, the Balkans in the 1990s, or the Middle East almost continuously from the 1970s onward. America notoriously overestimated the unity of “global communism,” as if every self-proclaimed Marxist state or revolutionary faction in the world was taking direct orders from Moscow.

Войны чужими руками оказались гораздо хуже. Соединенные Штаты практически непрерывно воевали с 1945 года. В условиях противостояния с Советским Союзом каждое локальное колебание власти, каждая война за национальное освобождение, каждая гражданская война рассматривались американскими силовыми структурами через призму холодной войны. Победа стороны А или стороны Б была бы лучше для Соединенных Штатов или для Советского Союза? Внезапно Соединенные Штаты решили, что у них есть жизненно важные интересы в каждом локальном конфликте, будь то во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе в 1950–1970-х годах, в Центральной Америке в 1980-х годах, в Африке в 1980-х и 1990-х годах, на Балканах в 1990-х годах или на Ближнем Востоке почти непрерывно с 1970-х годов. Америка печально известна переоценкой единства «глобального коммунизма», как будто каждое самопровозглашенное марксистское государство или революционная фракция в мире выполняли прямые приказы из Москвы.

There is one overriding lesson from all these proxy wars: No superpower wins, but the locals inevitably lose, and lose badly. Millions have died at U.S. hands, with very little recognition by Americans of the carnage they are creating. Most recently, America's hand in the Syrian war, led secretly by the CIA in partnership with Saudi Arabia, has been disastrous for Syria. Ten million Syrians have been displaced and hundreds of thousands have died, with no benefit for Syria's long-term governance. Yet, despite America's devastating role in Syria, most Americans would likely answer that the United States hasn't even been at war in Syria, since their newspapers did not cover the covert CIA-Saudi activities.

Из всех этих войн чужими руками можно извлечь один главный урок: ни одна сверхдержава не побеждает, но местные жители неизбежно проигрывают, и проигрывают жестоко. Миллионы людей погибли от рук США, при этом американцы практически не осознавали, какую резню они устраивают. Совсем недавно вмешательство Америки в сирийскую войну, тайно ведомую ЦРУ в партнерстве с Саудовской Аравией, обернулось для Сирии катастрофой. Десять миллионов сирийцев были вынуждены покинуть свои дома, а сотни тысяч погибли, не принеся никакой пользы

долгосрочному управлению Сирией. Однако, несмотря на разрушительную роль Америки в Сирии, большинство американцев, вероятно, ответили бы, что Соединенные Штаты даже не воевали в Сирии, поскольку их газеты не освещали тайную деятельность ЦРУ и Саудовской Аравии.

The third face—the secretive, self-serving actions by the United States to defend U.S. commercial interests—has had a very bad yet predictable habit of returning to bite us. Americans have repeatedly overthrown governments for American financial convenience only to be thrown out later by a subsequent turn of politics. America’s repeated backing for dictatorships who defend U.S. business interests ends up being what is called an “obsolescing bargain,” one that may start well (for narrow U.S. commercial interests) but end badly for the United States in the longer term.

Третья сторона — скрытные, эгоистичные действия Соединенных Штатов по защите коммерческих интересов США — имела очень плохую, но предсказуемую привычку возвращаться и кусать нас. Американцы неоднократно свергали правительства ради финансовой выгоды, но затем были отвергнуты последующим политическим поворотом. Постоянная поддержка Америкой диктатур, защищающих деловые интересы США, в конечном итоге превращается в так называемую «устаревающую сделку», которая может начаться хорошо (для узких коммерческих интересов США), но закончится плохо для Соединенных Штатов в долгосрочной перспективе.

Think of America’s cynical overthrow of Iran’s prime minister Mohammad Mosaddeq in 1953, in order to defend British and U.S. claims to Iran’s oil. The U.S. installed the Shah of Iran, who ruled with his secret police until 1979. After that, the United States predictably and understandably became the Great Satan for the Iranian Revolution that followed. Or think of America’s backing of the corrupt despot Batista in Cuba, followed by the Cuban Revolution. The list of such blowbacks is long indeed, as I’ll explore in further detail in chapter 6.

Вспомните циничное свержение Америкой премьер-министра Ирана Мохаммада Мосаддыка в 1953 году, чтобы защитить претензии Великобритании и США на иранскую нефть. США посадили шаха Ирана, который правил со своей тайной полицией до 1979 года. После этого Соединенные Штаты предсказуемо и понятно стали Великим Сатаной для последовавшей за этим Иранской революции. Или вспомните поддержку Америкой коррумпированного деспота Батисты на Кубе, а затем и Кубинскую революцию. Список таких ответных действий действительно длинный, и я более подробно рассмотрю его в главе 6.

American exceptionalism turned especially destructive after the end of the Cold War. Since 1992, the United States has fought several devastating wars—in Afghanistan, Iraq, Syria, Libya, Yemen, Somalia, and elsewhere—without achieving the political outcomes it sought. The link between these wars and the end of the Cold War is not incidental. Former NATO commander Wesley Clark spelled out the linkage in several books and interviews. After the first Gulf War in 1991, General Clark dropped into the Pentagon to see Paul Wolfowitz, the undersecretary of defense for policy at the time. Wolfowitz told Clark that “we did learn one thing that’s very important” from the Gulf War:

With the end of the Cold War, we can now use our military with impunity. The Soviets won’t come in to block us. And we’ve got five, maybe 10, years to clean up these old Soviet surrogate regimes like Iraq and Syria before the next superpower emerges to challenge us . . . We could have a little more time, but no one really knows.⁹

Американская исключительность стала особенно разрушительной после окончания холодной войны. С 1992 года Соединенные Штаты вели несколько разрушительных войн — в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии, Йемене, Сомали и других местах — без достижения желаемых политических результатов. Связь между этими войнами и окончанием холодной войны не случайна. Бывший командующий НАТО Уэсли Кларк подробно описал эту связь в нескольких книгах и интервью. После первой войны в Персидском заливе в 1991 году генерал Кларк посетил Пентагон, чтобы встретиться с Полом Вулфовицем, тогдашним заместителем министра обороны по политическим вопросам. Вулфовиц сказал Кларку, что «мы действительно усвоили одну очень важную вещь» из войны в Персидском заливе:

С окончанием холодной войны мы теперь можем безнаказанно использовать наши вооруженные силы. Советы не придут, чтобы помешать нам. И у нас есть пять, может быть, десять лет, чтобы очистить эти старые советские режимы, такие как Ирак и Сирия, прежде чем появится следующая

сверхдержава, которая бросит нам вызов... У нас может быть немного больше времени, но никто точно не знает.⁹

Here was the exceptionalist agenda in the hands of a new generation of hard-liners (Wolfowitz, his boss Donald Rumsfeld, Richard Cheney, and others). America would “clean up” the Middle East through violent regime change. In truth, it was the old playbook, yet in an especially treacherous part of the world. And the consequences have demonstrated the sheer hubris and incompetence of the effort.

В руках нового поколения сторонников жёсткой линии (Вулфовица, его начальника Дональда Рамсфелда, Ричарда Чейни и других) была воплощена программа исключительности. Америка собиралась «зачистить» Ближний Восток путём насильственной смены режима. По правде говоря, это был старый сценарий, но в особенно опасном регионе мира. И последствия продемонстрировали вопиющую высокомерность и некомпетентность этих усилий.

The Middle East wars not only failed politically but they also cost trillions of dollars, financed largely by deficit spending and rising public debt. The ratio of U.S. public debt to GDP soared from 34 percent in 2000 to around 76 percent in 2016. In the meantime, America’s reputation in the world plummeted, and the United States ceased to be viewed as a constructive partner for global problem solving. And in the midst of the Middle East wars, Wall Street visited a virulent financial crisis on the world, itself produced in no small part through hubris and financial criminality, again with almost no accountability for the miscreants.

Войны на Ближнем Востоке не только потерпели политическое фиаско, но и стоили триллионы долларов, финансируемых в основном за счёт дефицитного финансирования и растущего государственного долга. Соотношение государственного долга США к ВВП резко возросло с 34 процентов в 2000 году до примерно 76 процентов в 2016 году. Тем временем репутация Америки в мире резко упала, и Соединённые Штаты перестали рассматриваться как конструктивный партнёр в решении глобальных проблем. А в разгар войн на Ближнем Востоке Уолл-стрит наслала на мир жестокий финансовый кризис, в немалой степени вызванный высокомерием и финансовой преступностью, причём злодеи, опять же, практически не понесли ответственности.

For a country steeped in the mythos of global salvation, we have run dangerously off course. American exceptionalism has guided us into endless war and driven us deeply into debt. Yet just when it’s most crucial that we step back to the internationalist position championed by Roosevelt with the creation of the United Nations, we are moving in exactly the opposite direction.

Для страны, погрязшей в мифах о всеобщем спасении, мы опасно сбились с пути. Американская исключительность привела нас к бесконечной войне и глубоко в долгах. Однако именно тогда, когда нам крайне важно вернуться к интернационалистской позиции, отстаиваемой Рузвельтом при создании Организации Объединённых Наций, мы движемся в прямо противоположном направлении.

EXCEPTIONALISM IN THE ERA OF TRUMP

Donald Trump’s “America First” foreign policy represents a new and vulgar strain of American exceptionalism. It proudly proclaims its intention to maintain U.S. military dominance as the core pillar of U.S. foreign policy. Trump’s National Security Strategy (NSS) uses the term “overmatch” to signify this military dominance:

The United States must retain overmatch—the combination of capabilities in sufficient scale to prevent enemy success and to ensure that America’s sons and daughters will never be in a fair fight. Overmatch strengthens our diplomacy and permits us to shape the international environment to protect our interests. To retain military overmatch the United States must restore our ability to produce innovative capabilities, restore the readiness of our forces for major war, and grow the size of the force so that it is capable of operating at sufficient scale and for ample duration to win across a range of scenarios.¹⁰

Внешняя политика Дональда Трампа «Америка прежде всего» представляет собой новый и вульгарный вариант американской исключительности. Она гордо провозглашает намерение сохранить военное превосходство США как основополагающий принцип внешней политики США. В

Стратегии национальной безопасности (СНБ) Трампа для обозначения этого военного превосходства используется термин «превосходство»:

Соединённые Штаты должны сохранять превосходство — сочетание возможностей в достаточном масштабе, чтобы предотвратить успех противника и гарантировать, что сыновья и дочери Америки никогда не будут участвовать в честной борьбе. Превосходство укрепляет нашу дипломатию и позволяет нам формировать международную обстановку для защиты наших интересов. Чтобы сохранить военное превосходство, Соединённые Штаты должны восстановить способность производить инновационные возможности, восстановить готовность наших вооружённых сил к крупной войне и увеличить их численность, чтобы они были способны действовать в достаточном масштабе и в течение достаточно длительного времени для победы в различных сценариях.¹⁰

A fundamental pillar of Trump's America First exceptionalism is therefore the intention to invest massively in a new arms race with China, Russia, and other adversaries.

Таким образом, основополагающим столпом исключительности Трампа является намерение масштабно инвестировать в новую гонку вооружений с Китаем, Россией и другими противниками.

America First introduces several distinctive strains, however. The first is a naked nationalism in a world of clashing interests. "We are prioritizing the interests of our citizens and protecting our sovereign rights as a nation," writes Trump in his cover letter to the new strategy. "A central continuity in history is the contest for power. The present time is no different," states the NSS. "China and Russia want to shape a world antithetical to U.S. values and interests"—antithetical to, not merely competitive with.

Однако «Америка прежде всего» привносит несколько отличительных черт. Первая — это неприкрытый национализм в мире сталкивающихся интересов. «Мы отдаём приоритет интересам наших граждан и защищаем наши суверенные права как нации», — пишет Трамп в сопроводительном письме к новой стратегии. «Главная преемственность истории — это борьба за власть. Настоящее время не является исключением», — говорится в СНБ. «Китай и Россия хотят сформировать мир, противоречащий ценностям и интересам США» — противоречащий им, а не просто конкурирующий с ними.

The second is racism. America First is really White America First. Trump's electoral campaign against "Mexican rapists" and "Muslim terrorists," his failures to denounce American white supremacists, his attack on immigration to the United States from "shithole" countries including Haiti and African nations, his call for more immigration from countries like Norway, all play directly to his electoral base: older, less-educated, white Americans.

Вторая — расизм. «Америка прежде всего» на самом деле означает «Белая Америка прежде всего». Избирательная кампания Трампа против «мексиканских насильников» и «мусульманских террористов», его неспособность осудить американских сторонников превосходства белой расы, его нападки на иммиграцию в США из «вонючих» стран, включая Гаити и африканские страны, его призыв к увеличению иммиграции из таких стран, как Норвегия, — все это напрямую играет на руку его электорату: пожилым, менее образованным белым американцам.

In this regard, Trump is part of a worldwide wave of antiimmigrant and racist politics stoked by the large-scale migration and refugee movements of the past quarter century. Trump also represents the latest virulent outbreak of America's long history of racism. As I recount in chapter 17, America's 1924 Immigration Act was indeed designed to spur immigration from the Nordic countries. Not surprisingly, it was much appreciated by Hitler and the Nazi immigration lawyers.

В этом отношении Трамп является частью мировой волны антииммигрантской и расистской политики, подогреваемой масштабными миграционными и беженскими движениями последней четверти века. Трамп также представляет собой последнюю опасную вспышку долгой истории расизма в Америке. Как я рассказываю в главе 17, Закон об иммиграции 1924 года был действительно разработан для стимулирования иммиграции из стран Северной Европы. Неудивительно, что он был высоко оценен Гитлером и нацистскими иммиграционными юристами.

The third distinctive strain of America First exceptionalism is economic populism, albeit of a Trumpian variety. Populism, in name, means an appeal to the average person, the “common man and woman,” against special interests. I have no problem, and indeed I have much sympathy, with this sentiment. Where populists like Trump go wrong is that they stir their followers with simplistic diagnoses and promises that they cannot fulfill. Then, to try to rescue themselves, they usually raid the treasury, with deficit spending to eke out more time in power. They typically fall from power when their promises of higher living standards fail to materialize, and the budget deficits produce high inflation or a solvency crisis.

Третья отличительная черта исключительности «Америка прежде всего» — это экономический популизм, пусть и трамповского толка. Популизм, по сути, означает обращение к среднему человеку, «простому мужчине и женщине», в противовес особым интересам. Я не вижу проблем и, более того, очень сочувствую этому настроению. Ошибка популистов вроде Трампа заключается в том, что они разжигают своих сторонников упрощенными диагнозами и обещаниями, которые те не в состоянии выполнить. Затем, пытаясь спасти себя, они обычно опустошают казну, используя дефицитные расходы, чтобы продлить свое пребывание у власти. Обычно они лишаются власти, когда их обещания повышения уровня жизни не воплощаются в жизнь, а бюджетный дефицит приводит к высокой инфляции или кризису платёжеспособности.

Trump’s economic populism has some important distinctive elements. First, unlike typical populism, Trump’s policies are benefiting mainly the rich rather than his working-class base of voters. A truly populist tax cut would have given most of the benefits to workers and their families, not to wealthy and powerful corporations, as is in fact the case. As is often the case with economic populists, Trump’s tax cut will increase the budget deficit, putting added strains on future budgetary policies and inflation.

Экономический популизм Трампа имеет ряд важных отличительных черт. Во-первых, в отличие от типичного популизма, политика Трампа выгодна в основном богатым, а не его электорату из рабочего класса. По-настоящему популистское снижение налогов принесло бы большую часть выгоды рабочим и их семьям, а не богатым и влиятельным корпорациям, как это происходит на самом деле. Как это часто бывает с экономическими популистами, снижение налогов Трампом увеличит дефицит бюджета, создав дополнительную нагрузку на будущую бюджетную политику и инфляцию.

Second, Trump’s economic populism takes aim at foreigners, further shielding America’s own rich from scrutiny and fiscal accountability. Trump has told his working-class followers that their travails are due mainly to illegal migrants and overseas Mexican and Chinese workers, all of whom, Trump claims, have taken the jobs of hardworking (mainly white) Americans. They’ve gotten away with it, according to Trump, because American trade negotiators have given away the store to Mexico, China, and other foreign countries. As I explained in *Building the New American Economy*, Trump’s view is nonsense.¹¹

Во-вторых, экономический популизм Трампа нацелен на иностранцев, ещё больше ограждая богатых американцев от пристального внимания и финансовой ответственности. Трамп заявил своим сторонникам из рабочего класса, что их беды в основном связаны с нелегальными мигрантами и зарубежными мексиканскими и китайскими рабочими, которые, по утверждению Трампа, отняли у трудолюбивых (в основном белых) американцев работу. По словам Трампа, им это сошло с рук, потому что американские торговые переговорщики слишком многое уступили Мексике, Китаю и другим зарубежным странам. Как я объяснял в книге «Строительство новой американской экономики», точка зрения Трампа бессмысленна.¹¹

Yes, trade has opened the gap between rich and poor in the U.S. economy, not because of unfair trade practices abroad or bad trade negotiations but because the United States exports capital-intensive goods in return for labor-intensive imports from abroad. The expansion of this kind of trade indeed widens inequality in the United States, but the correct response is to keep trade open (which enlarges the overall U.S. and world economy) while redistributing income from America’s rich to the poor, a solution that runs diametrically opposite to Trump’s policies of aiding the rich at the expense of the poor.

Да, торговля привела к увеличению разрыва между богатыми и бедными в экономике США не из-за несправедливой торговой практики за рубежом или плохих торговых переговоров, а из-за того, что Соединенные Штаты экспортируют капиталоемкие товары в обмен на трудоемкий импорт из-за рубежа. Расширение такого рода торговли действительно увеличивает неравенство в Соединенных Штатах, но правильная реакция заключается в том, чтобы сохранить открытость

торговли (что расширяет общую экономику США и мира) и перераспределить доходы от богатых Америки к бедным, что является решением, диаметрально противоположным политике Трампа, направленной на помощь богатым за счет бедных.

All of this raises an ultimate question. For whose benefit is America First? Is the arms buildup really designed to promote U.S. national security? Is the sale of hundreds of billions of dollars of armaments to Middle Eastern nations really designed to promote peace? Was the 2017 tax cutting really designed to boost living standards of average households? Is the emerging economic war with China really to raise the well-being of typical Americans?

Всё это поднимает главный вопрос. В чьих интересах действует принцип «Америка прежде всего»? Действительно ли наращивание вооружений направлено на укрепление национальной безопасности США? Действительно ли продажа оружия странам Ближнего Востока на сотни миллиардов долларов направлена на поддержание мира? Действительно ли снижение налогов в 2017 году было направлено на повышение уровня жизни среднестатистических домохозяйств? Действительно ли назревающая экономическая война с Китаем направлена на повышение благосостояния типичных американцев?

Perhaps the one overriding truth of America politics in recent decades is the overarching political power of the main corporate lobbies: the military-industrial complex, Wall Street, Big Oil, and Big Health Care.¹² Perhaps the best way to understand Trump's economic policies is to focus not on his populist rhetoric but on the interests of the powerful corporate lobbies. The tax cuts and anti-environmental actions of the Trump administration certainly favor Big Oil, Wall Street, the military-industrial complex, and Big Health Care. In the name of populism, we see a policy of corporatism—putting the companies, not America, first. As with most populisms, Trump's variety is almost sure to breed significant disappointment among Americans, including Trump's own political base.

Возможно, главная истина американской политики последних десятилетий заключается в всеобъемлющей политической власти основных корпоративных лоббистов: военно-промышленного комплекса, Уолл-стрит, крупных нефтяных компаний и крупного здравоохранения.¹² Возможно, лучший способ понять экономическую политику Трампа — сосредоточиться не на его популистской риторике, а на интересах влиятельных корпоративных лоббистов. Снижение налогов и антиэкологические действия администрации Трампа, безусловно, выгодны крупным нефтяным компаниям, Уолл-стрит, военно-промышленному комплексу и крупному здравоохранению. Во имя популизма мы видим политику корпоративизма, ставящую на первое место компании, а не Америку. Как и большинство популистов, вариант Трампа почти наверняка вызовет значительное разочарование среди американцев, включая политическую базу самого Трампа.

American exceptionalism today is more than ever divorced from reality. This is a hard truth, and one that many Americans are not yet willing to accept—as evidenced by the unexpected electoral success of Trump's rallying cry to "make America great again." For Trump and the exceptionalists like him, the United States is still the unrivaled and unmatched global superpower. America's economy is still number 1, as long as the unfairness of foreigners is checked and brought under control. In truth, the remedies for America's security and economic needs lie not in bashing foreigners, expanding the arms race, cutting corporate taxes, or increasing the budget deficit. The real answers lie in global cooperation; a boost of critical investments at home in education, skills, technology, and environmental protection; and more help for the poor, paid for by more tax collections, rather than yet another round of tax cuts, and by savings from a bloated military budget.

Американская исключительность сегодня как никогда далека от реальности. Это суровая правда, которую многие американцы пока не готовы принять, о чем свидетельствует неожиданный электоральный успех лозунга Трампа «сделать Америку снова великой». Для Трампа и таких, как он, сторонников исключительности, Соединенные Штаты по-прежнему остаются непревзойденной и непревзойденной мировой сверхдержавой. Экономика Америки по-прежнему номер 1, пока несправедливость иностранцев будет сдержана и взята под контроль. По правде говоря, средства для обеспечения безопасности и экономических потребностей Америки заключаются не в нападках на иностранцев, расширении гонки вооружений, снижении корпоративных налогов или увеличении бюджетного дефицита. Реальные ответы лежат в глобальном сотрудничестве; увеличении критически важных инвестиций внутри страны в образование, навыки, технологии и защиту окружающей среды; и больше помощи бедным, оплаченной за счет увеличения налоговых

поступлений, а не очередного раунда налоговых сокращений, и экономии раздутого военного бюджета.

3 THE ERA OF GLOBAL CONVERGENCE

In book four of *The Wealth of Nations*, published in 1776, Adam Smith described the early events of globalization that commenced with Christopher Columbus's discovery of the sea route from Europe to the Americas in 1492 and Vasco da Gama's voyage from Europe to India in 1498. "The discovery of America, and that of a passage to the East Indies by the Cape of Good Hope, are the two greatest and most important events recorded in the history of mankind,"¹ wrote Smith. History has vindicated Smith's judgment. It is our generation's fate to usher in another fundamental chapter of globalization, one that requires a rethinking of foreign policy by the United States and other world powers.

В четвёртой книге «Богатства народов», опубликованной в 1776 году, Адам Смит описал ранние события глобализации, начавшиеся с открытия Христофором Колумбом морского пути из Европы в Америку в 1492 году и плавания Васко да Гамы из Европы в Индию в 1498 году. «Открытие Америки и прохода в Ост-Индию через мыс Доброй Надежды — два величайших и важнейших события в истории человечества», — писал Смит. История подтвердила правоту Смита. Нашему поколению суждено открыть новую фундаментальную главу глобализации, которая потребует переосмысления внешней политики Соединённых Штатов и других мировых держав.

Smith noted that globalization should raise global wellbeing, "by uniting, in some measure, the most distant parts of the world, by enabling them to relieve one another's wants, to increase one another's enjoyments, and to encourage one another's industry." Smith believed that international commerce and the "mutual communication of knowledge" (the international flow of ideas and technology) would hasten that day of equality.

Смит отмечал, что глобализация должна способствовать повышению мирового благосостояния, «объединяя, в определённой мере, самые удалённые части света, позволяя им удовлетворять потребности друг друга, увеличивать удовольствия друг друга и поощрять трудолюбие друг друга». Смит считал, что международная торговля и «взаимный обмен знаниями» (международный обмен идеями и технологиями) ускорят наступление дня равенства.

Smith did recognize that, in the first wave of globalization following the voyages of Columbus and da Gama, the native populations of the Americas and Asia suffered because Europe's "superiority of force" enabled the Europeans to "commit with impunity every sort of injustice," including enslavement and political domination. Yet Smith also foresaw a future era in which the native populations "may grow stronger, or those of Europe grow weaker" to arrive at an "equality of courage and force" that could lead to a mutual "respect for the rights of one another."

Смит признавал, что в ходе первой волны глобализации, последовавшей за путешествиями Колумба и да Гамы, коренное население Америки и Азии страдало, поскольку «превосходство в силе» Европы позволяло европейцам «безнаказанно совершать всевозможные несправедливости», включая порабощение и политическое господство. Однако Смит также предвидел будущую эпоху, в которой коренное население «может стать сильнее, а европейское — слабее», чтобы достичь «равенства мужества и силы», которое могло бы привести к взаимному «уважению прав друг друга».

In short, Adam Smith foresaw a world in which global trade and the flow of ideas would enrich all parts of the world, not just the European powers that initiated globalization, or the North Atlantic (Western Europe, the United States, and Canada) that first industrialized and dominated the world economy and geopolitics during the nineteenth and twentieth centuries.

Короче говоря, Адам Смит предвидел мир, в котором глобальная торговля и обмен идеями будут обогащать все части света, а не только европейские державы, инициировавшие глобализацию, или Североатлантический регион (Западная Европа, США и Канада), который первым осуществил индустриализацию и доминировал в мировой экономике и геополитике в XIX и XX веках.

Smith's vision has arrived. Our generation is at a cusp of history, in which centuries of European (and later American) global ascendancy are now being counterbalanced by the rise of "native populations" in Asia, Africa, the Middle East, and the Americas. U.S. foreign policy during the past seventy-five years, and arguably during the past 125 years, has been premised on a world economy led by the North Atlantic region, meaning Western Europe and the United States. That kind of North Atlantic globalization is now reaching an end. The tensions we see now around the world are symptomatic of the passing of the old order.

Провидение Смита сбылось. Наше поколение находится на переломном этапе истории, когда столетия европейского (а позднее и американского) глобального господства теперь уравниваются ростом «коренного населения» в Азии, Африке, на Ближнем Востоке и в Америке. Внешняя политика США в течение последних семидесяти пяти лет, а возможно, и в течение последних 125 лет, основывалась на мировой экономике, ведущую роль в которой играет Североатлантический регион, то есть Западная Европа и США. Такая североатлантическая глобализация подходит к концу. Напряженность, которую мы наблюдаем сейчас во всем мире, является симптомом упадка старого порядка.

It is useful to chart the changing shares of the world's population and output from 1500 until 2008, as estimated by historian Angus Maddison. This is done in figure 3.1 for population, and figure 3.2 for output, for two major groups: the West and Asia. The West is defined here as Western Europe plus four "Western offshoots" (Maddison's phrase): the United States, Canada, Australia, and New Zealand. Asia includes East Asia, South Asia, Western Asia, and Central Asia.

Полезно составить график изменения долей населения и производства в мире с 1500 по 2008 год, согласно оценкам историка Ангуса Мэддисона. Это показано на рисунке 3.1 для населения и на рисунке 3.2 для производства для двух основных групп: Запада и Азии. Запад здесь определяется как Западная Европа и четыре «западных ответвления» (по выражению Мэддисона): Соединенные Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Азия включает Восточную Азию, Южную Азию, Западную Азию и Центральную Азию.

The main point is this. In 1500, Asia was home to roughly two-thirds of the world's population and two-thirds of the world's output. The world was overwhelmingly poor and rural, and the world's populous agrarian empires were in East and South Asia. By 1913, following a century of Western industrialization, the world economy was now mostly in the West, which hosted a remarkable 54 percent of global output with only 20 percent of the world's population. Asia's share of the world economy had declined precipitously, to only 25 percent of global output despite having 55 percent of the world's population.

Главное заключается в следующем. В 1500 году в Азии проживало примерно две трети населения мира и производилось две трети мирового производства. Мир был крайне бедным и сельским, а самые густонаселенные аграрные империи мира располагались в Восточной и Южной Азии. К 1913 году, после столетия западной индустриализации, мировая экономика теперь была сосредоточена преимущественно на Западе, на долю которого приходилось целых 54% мирового производства при всего лишь 20% населения мира. Доля Азии в мировой экономике резко сократилась, составив всего 25% мирового производства, несмотря на то, что на нее приходилось 55% населения мира.

While the age of discovery and commerce after Columbus gave Europe footholds in Asia and led to European conquests of the Americas, it was the Industrial Revolution that began in England around 1750—ushered in by the steam engine, large-scale steel production, scientific farming, and the mechanization of textiles—that truly created the Western-led global economy. By 1900, the world economy was largely in Europe's hands, both economically and politically. Asia was still the center of the global population, but no longer of the world economy.

В то время как эпоха великих географических открытий и торговли после Колумба обеспечила Европе опорные пункты в Азии и привела к европейскому завоеванию Америки, именно промышленная революция, начавшаяся в Англии около 1750 года, ознаменованная появлением паровой машины, крупномасштабным производством стали, научным земледелием и механизацией текстильной промышленности, фактически создала мировую экономику,

возглавляемую Западом. К 1900 году мировая экономика в значительной степени находилась в руках Европы, как в экономическом, так и в политическом плане. Азия по-прежнему оставалась центром мирового населения, но уже не была центром мировой экономики.

Note specifically what had happened to China. According to the estimates, China's share of the world economy was as high as 33 percent in 1820 but only 9 percent by 1913. By 1950, after four decades of revolution, civil war, and invasion by Japan, China's share of world output had sunk to just 5 percent, probably the lowest in 2,000 years.

Обратите особое внимание на то, что произошло с Китаем. Согласно оценкам, доля Китая в мировой экономике достигала 33% в 1820 году, но к 1913 году составила всего 9%. К 1950 году, после четырёх десятилетий революции, гражданской войны и вторжения Японии, доля Китая в мировом производстве упала до всего 5%, что, вероятно, является самым низким показателем за последние 2000 лет.

Britain was the first industrial nation, and the British Empire (including the United Kingdom, Canada, Australia, India, and other imperial possessions) dominated the world economy during the nineteenth century. The economic rise of Britain plus its empire is charted in figure 3.3. There I show the share of world output accounted for by Britain and its empire, alongside the share of the United States. The British Empire constituted the largest economic bloc in the world until the eve of World War I, when the United States equaled the empire in overall size. From the next century, the United States became the largest economy in the world, until it was overtaken by China in 2014 (according to IMF estimates).

Британия была первой индустриальной державой, а Британская империя (включая Соединённое Королевство, Канаду, Австралию, Индию и другие имперские владения) доминировала в мировой экономике в XIX веке. Экономический рост Великобритании и её империи представлен на рисунке 3.3. Там я показываю долю мирового производства, приходящуюся на Великобританию и её империю, а также долю Соединённых Штатов. Британская империя представляла собой крупнейший экономический блок в мире вплоть до начала Первой мировой войны, когда Соединённые Штаты сравнялись с империей по размерам. Со следующего столетия Соединённые Штаты стали крупнейшей экономикой мира, пока в 2014 году их не обогнал Китай (по оценкам МВФ).

During the second half of the nineteenth century, and at least until the start of World War I, the City of London dominated global finance and the British Navy ruled the seas. The era of British dominance is sometimes called Pax Britannica, but pax (peace) was a rosy description of an era when Europe was fighting and conquering lands throughout Africa and Asia, and suppressing violent insurrections (known as "terrorism" to the Europeans) that grew from local resistance to European rule. Britain in particular applied the foreign policy of regime change as the basis of long-term imperial rule. If a particular government in a poor, remote country threatened British interests, toppling the regime and replacing it with a friendly regime was always an option. (Twentieth-century America learned well from the British method of statecraft.)

Во второй половине XIX века, и, по крайней мере, до начала Первой мировой войны, лондонский Сити доминировал в мировой финансовой сфере, а британский флот правил морями. Эпоху британского господства иногда называют Pax Britannica, но pax (мир) был радужным описанием эпохи, когда Европа сражалась и завоевывала земли по всей Африке и Азии, подавляя жестокие восстания (известные европейцам как «терроризм»), возникавшие из местного сопротивления европейскому правлению. Великобритания, в частности, использовала внешнюю политику смены режимов как основу долгосрочного имперского правления. Если какое-либо правительство в бедной, отдаленной стране угрожало британским интересам, свержение режима и замена его дружественным режимом всегда были возможным вариантом. (Америка двадцатого века хорошо извлекла уроки из британского метода государственного управления.)

Britain's precipitous decline began with World War I, which stripped Britain of financial wealth and left the young generation dead on Europe's killing fields. The interwar period, 1918–1939, was marked by a

decade of instability (1918–1929) followed by the decade of worldwide Great Depression (1929–1939). World War II again utterly devastated Britain, physically, financially, and psychologically. By 1945, the baton of global leadership had decisively passed from Britain to the United States, which was eager to play its new role.

Стремительный упадок Великобритании начался с Первой мировой войны, которая лишила Британию финансового богатства и оставила молодое поколение погибать на полях сражений Европы. Межвоенный период, 1918–1939, был отмечен десятилетием нестабильности (1918–1929), за которым последовало десятилетие всемирной Великой депрессии (1929–1939). Вторая мировая война снова полностью опустошила Великобританию — физически, финансово и психологически. К 1945 году эстафета мирового лидерства окончательно перешла от Великобритании к Соединённым Штатам, которые стремились играть свою новую роль.

In a key insight, the late economic historian Charles Kindleberger observed that the 1930s was an interregnum between British global economic leadership to the 1920s and American leadership from the early 1940s onward.² In Kindleberger's interpretation, the Great Depression occurred with such ferocity, depth, and persistence because there was no single leader to stop the crisis. Britain was too weak to contain the depression, while the United States was too inexperienced to take the global mantle of leadership. Indeed, the United States insisted on facing the Great Depression on strictly national terms, without an orchestrated global recovery effort.

В ключевом выводе покойного историка экономики Чарльза Киндлбергера было отмечено, что 1930-е годы были междуцарствием между британским мировым экономическим лидерством до 1920-х годов и американским лидерством с начала 1940-х годов и далее.² В интерпретации Киндлбергера Великая депрессия протекала с такой свирепостью, глубиной и устойчивостью, потому что не было единого лидера, способного остановить кризис. Великобритания была слишком слаба, чтобы сдержать депрессию, в то время как Соединённые Штаты были слишком неопытны, чтобы взять на себя роль мирового лидера. Более того, Соединённые Штаты настаивали на том, чтобы противостоять Великой депрессии исключительно на национальном уровне, без организованных глобальных усилий по восстановлению.

Months after the start of World War II, with France's quick capitulation to Nazi Germany and Britain's near defeat soon after, the United States and the Soviet Union became the last redoubts against German domination of Europe. Churchill famously declared that Britain would fight on, from Canada if necessary, until the New World came to the rescue of the Old. The United States did step in, but it lent—rather than gave—Britain the armaments to fight Hitler. As a result, Britain was in debt to the United States, and the United States was well positioned to replace Britain as the dominant world power.

Спустя несколько месяцев после начала Второй мировой войны, после быстрой капитуляции Франции перед нацистской Германией и близкого поражения Великобритании вскоре после этого, Соединённые Штаты и Советский Союз стали последним оплотом сопротивления немецкому господству в Европе. Черчилль произнес знаменитую декларацию о том, что Великобритания будет сражаться, если потребуется, из Канады, пока Новый Свет не придет на помощь Старому. Соединённые Штаты действительно вмешались, но одолжили, а не предоставили, Великобритании оружие для борьбы с Гитлером. В результате Великобритания оказалась в долгу перед Соединёнными Штатами, и Соединённые Штаты имели все возможности заменить Великобританию в качестве доминирующей мировой державы.

The end of World War II marked (by and large) the end of the European empires in Africa and Asia, though the process of decolonization stretched out over decades and was often violent. The United States often confused decolonization with the Cold War and therefore became a voluntary heir to various anticolonial struggles (which I'll look at in more detail in chapter 6)—most notably and destructively in Vietnam, where the United States fought unsuccessfully against the national unity of Vietnam for two decades after France's withdrawal in 1955. Similarly, the United States tried to assert its will in the postcolonial Middle East, in part to keep the Soviet Union out and in part to keep America's oil companies in.

Окончание Второй мировой войны ознаменовало (в целом) конец европейских империй в Африке и Азии, хотя процесс деколонизации растянулся на десятилетия и часто был жестоким. Соединенные Штаты часто путали деколонизацию с холодной войной и поэтому стали добровольным наследником различных антиколониальных сражений (которые я рассмотрю более подробно в главе 6) — наиболее заметным и разрушительным образом во Вьетнаме, где Соединенные Штаты безуспешно боролись против национального единства Вьетнама в течение двух десятилетий после вывода французских войск в 1955 году. Аналогичным образом Соединенные Штаты пытались утвердить свою волю на постколониальном Ближнем Востоке, отчасти чтобы не допустить Советский Союз, а отчасти — чтобы удержать американские нефтяные компании.

With Europe's empires gone, the newly independent nations of Africa and Asia had a new opportunity to invest in their own futures, especially in education, public health, and infrastructure. At least some of the countries made good on that opportunity. China began to stir with the establishment of the People's Republic of China in 1949. What had been 200 years of growing European dominance began to give way to a process of "catching up," whereby at least some of the formerly colonized countries began to adopt modern technologies, spread literacy and disease control, and generally achieve economic development at a pace faster than in the leading North Atlantic countries through incorporation into global production systems. The gap between the North Atlantic leaders and developing-country "followers" finally began to narrow.

С исчезновением европейских империй у новых независимых государств Африки и Азии появилась новая возможность инвестировать в собственное будущее, особенно в образование, здравоохранение и инфраструктуру. По крайней мере, некоторые из стран воспользовались этой возможностью. Китай начал активизироваться с образованием Китайской Народной Республики в 1949 году. Двести лет растущего европейского доминирования начали уступать место процессу «догоняющего развития», в ходе которого, по крайней мере, некоторые из бывших колонизированных стран начали внедрять современные технологии, распространять грамотность и бороться с болезнями, и в целом добиваться экономического развития более быстрыми темпами, чем ведущие страны Северной Атлантики, благодаря интеграции в глобальные производственные системы. Разрыв между лидерами Северной Атлантики и развивающимися странами-«последователями» наконец начал сокращаться.

The greatest success story was Asia. First, Japan quickly recovered from World War II and began to build an industrial powerhouse. Then came the "Asian tigers": Hong Kong, Singapore, Taiwan, and South Korea. And then came China, with the market reforms commencing in 1978, when Deng Xiaoping ascended to power after Mao Zedong's death. Asia's example inspired market reforms in Eastern Europe and the Soviet Union from the mid-1980s, made possible by the rise to power of Mikhail Gorbachev. The initial results were more political than economic. Eastern Europe peacefully broke away from the Soviet Union in 1989, and then the Soviet Union itself dissolved into its fifteen republics at the end of 1991.

Наибольший успех был достигнут в Азии. Сначала Япония быстро оправилась от Второй мировой войны и начала строить промышленную державу. Затем пришли «азиатские тигры»: Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея. А затем пришел Китай, рыночные реформы в котором начались в 1978 году, когда Дэн Сяопин пришел к власти после смерти Мао Цзэдуна. Пример Азии вдохновил рыночные реформы в Восточной Европе и Советском Союзе с середины 1980-х годов, что стало возможным благодаря приходу к власти Михаила Горбачева. Первоначальные результаты были скорее политическими, чем экономическими. Восточная Европа мирно отделилась от Советского Союза в 1989 году, а затем сам Советский Союз распался на пятнадцать республик в конце 1991 года.

In 1992, U.S. exceptionalists looked out over the world and saw confirmation of their vision of a U.S.-led (and dominated) world. The great enemy was gone. The bipolar power structure of the United States and the Soviet Union was now a unipolar world, and the "End of History"—as Francis Fukuyama famously

termed the era, seeing it as “the end point of mankind’s ideological evolution and the universalization of Western liberal democracy as the final form of human government”³—was, they imagined, at hand.

В 1992 году сторонники теории исключительности США окинули взглядом мир и увидели подтверждение своего видения мира, возглавляемого (и доминируемого) США. Великий враг исчез. Биполярная структура власти Соединенных Штатов и Советского Союза теперь представляла собой однополярный мир, и «конец истории» — как Фрэнсис Фукуяма метко назвал эту эпоху, рассматривая ее как «конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как окончательной формы человеческого правления»³ — был, как они воображали, близок.

What the exceptionalists didn’t realize is that 1992 would also mark an inflection point in the acceleration of China’s growth. Figure 3.4 shows the U.S. and Chinese share of world output from 1820 until today, using estimates by Angus Maddison for 1820–1979 and the International Monetary Fund for 1980–2017. America’s share of world output peaked in 1950 and has been on a gradual decline since then. China’s output share was very low during most of the century (less than 5 percent, compared with a share of global population of around 20 percent) but then soared after 1978. In 1992, the United States produced 20 percent of world output and China a mere 5 percent. After a quarter-century of supercharged Chinese growth, in 2016 the U.S. share had declined to 16 percent and China’s had slightly overtaken the United States at 18 percent (according to IMF estimates). China has caught up with history.

Чего эти сторонники теории исключительности не учли, так это того, что 1992 год также станет переломным моментом в ускорении роста Китая. На рисунке 3.4 показана доля США и Китая в мировом производстве с 1820 года по настоящее время, основанная на оценках Ангуса Мэддисона за 1820–1979 годы и Международного валютного фонда за 1980–2017 годы. Доля Америки в мировом производстве достигла пика в 1950 году и с тех пор постепенно снижается. Доля Китая в мировом производстве была очень низкой на протяжении большей части столетия (менее 5 процентов по сравнению с долей в мировом населении около 20 процентов), но затем резко возросла после 1978 года. В 1992 году США производили 20 процентов мирового производства, а Китай — всего 5 процентов. После четверти века бурного роста Китая, в 2016 году доля США снизилась до 16 процентов, а доля Китая немного обогнала США — 18 процентов (по оценкам МВФ). Китай догнал историю.

Moreover, the surge of information technology, which will underpin the next generation of global economic growth, is spreading rapidly throughout the world; the technological revolution will create global wealth, not U.S. wealth alone. China is now by the far the world’s largest Internet user, with around 740 million users in mid-2017, compared with around 290 million American users.⁴ Broadband access is soaring in all regions of the world, and Internet-based information and communications technologies (ICTs) will transform virtually every sector of the modern world economy: agriculture, mining, manufacturing, energy, transportation, finance, law, medicine, public administration, and others. The United States will not be the only, and often not the first, country to make the transformation to the new ICT-based systems. These will be developed and deployed in all parts of the world.

Более того, всплеск информационных технологий, который ляжет в основу следующего поколения глобального экономического роста, быстро распространяется по всему миру; технологическая революция создаст глобальное богатство, а не только богатство США. Китай в настоящее время является крупнейшим в мире пользователем Интернета, с большим отрывом: в середине 2017 года число пользователей составляло около 740 миллионов, в то время как в США было около 290 миллионов пользователей.⁴ Широкополосный доступ стремительно растёт во всех регионах мира, а информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) на основе Интернета преобразуют практически все сектора современной мировой экономики: сельское хозяйство, горнодобывающую промышленность, обрабатывающую промышленность, энергетику, транспорт, финансы, юриспруденцию, медицину, государственное управление и другие. Соединённые Штаты будут не единственной, и зачастую не первой, страной, которая перейдёт на новые системы на основе ИКТ. Они будут разрабатываться и внедряться во всех частях мира.

Population trends will also shift the weight of the world economy toward Asia and Africa. Consider this: In 1950, the United States, Canada, and Europe constituted 29 percent of the world's population. By 2015, this had declined to 15 percent. By 2050, the share will decline further, perhaps to around 12 percent (based on UN projections⁵). Africa, by contrast, had just 9 percent of the world's population in 1950, 15 percent in 2015, and around 25 percent expected as of 2050. The U.S. share of the world population in 2050 will be around 4 percent, not too far from its current share.

Демографические тенденции также сместят вес мировой экономики в сторону Азии и Африки. Подумайте об этом: в 1950 году на Соединённые Штаты, Канаду и Европу приходилось 29 процентов населения мира. К 2015 году эта доля снизилась до 15 процентов. К 2050 году эта доля снизится ещё больше, возможно, примерно до 12 процентов (по прогнозам ООН⁵). Для сравнения, в 1950 году в Африке проживало всего 9 процентов населения мира, в 2015 году — 15 процентов, а к 2050 году ожидается около 25 процентов. Доля США в мировом населении к 2050 году составит около 4 процентов, что не слишком далеко от нынешней доли.

Here is the key point: The dominance of the North Atlantic was a phase of world history that is now closing. It began with Columbus, took off with James Watt and his steam engine, was institutionalized in the British Empire until 1945 and then in the so-called American century, but has now run its course. The United States remains strong and rich, but no longer dominant.

Вот ключевой момент: господство Северной Атлантике было завершающимся этапом мировой истории, которое теперь завершается. Оно началось с Колумба, началось с Джеймса Уатта и его паровой машины, было институционализировано в Британской империи до 1945 года, а затем в так называемом Американском веке, но теперь оно исчерпало себя. Соединенные Штаты остаются сильными и богатыми, но больше не доминируют.

We are not heading into the China century, or the India century, or any other, but a world century. The rapid spread of technology and the near-universal sovereignty of nationstates means that no single country or region will dominate the world in economy, technology, or population. This is especially true because China's share of the world's population will decline sharply, and with it, China's share of world output. As of 2015, China constituted 20 percent of world population and roughly 18 percent of world output. According to the UN "medium-fertility" projection shown in figure 3.5, China's share of the world's population will decline to 10 percent by 2100. It will be Africa's rapidly growing population that will soar as a share of the world's total.

Мы вступаем не в век Китая, или Индии, или какой-либо другой, а в век мира. Быстрое распространение технологий и практически всеобщий суверенитет национальных государств означают, что ни одна страна или регион не будет доминировать в мире в плане экономики, технологий или населения. Это особенно актуально в связи с тем, что доля Китая в мировом населении резко сократится, а вместе с ней и доля Китая в мировом производстве. По состоянию на 2015 год на Китай приходилось 20% населения мира и примерно 18% мирового производства. Согласно прогнозу ООН «средней рождаемости», представленному на рисунке 3.5, к 2100 году доля Китая в мировом населении сократится до 10 процентов. Именно быстрорастущее население Африки резко увеличится в общей численности населения мира.

Moreover, with world population growth slowing and the world population aging, countries will be populated by older people. The median age of the Chinese population (the age at which half are older and half younger) was twenty-four years in 1950 and rose to thirty-seven years as of 2015. It is projected to rise to fifty years by 2050. Americans, too, will be no spring chickens, with a median age of forty-two years as of midcentury. History has shown that a bulge of youth in the population has often been tinder for conflict; now we will have a bulge of the elderly.

Более того, в условиях замедления роста населения мира и его старения, страны будут заселены пожилыми людьми. Медианный возраст населения Китая (возраст, в котором половина населения старше, а половина моложе) составлял двадцать четыре года в 1950 году и вырос до тридцати семи лет к 2015 году. По прогнозам, к 2050 году он вырастет до пятидесяти лет. Американцы тоже

не будут «новичками»: к середине века их медианный возраст составлял сорок два года. История показывает, что преобладание молодого населения часто служило причиной конфликтов; теперь же нас ждет преобладание пожилых людей.

The United States must rethink its foreign policy exceptionalism in a world that has changed fundamentally, with rapid “catch-up” growth in Asia and now Africa, a worldwide IT revolution still picking up speed, and major changes in global population patterns. The great foreign policy challenge of our age will be to manage cooperation among many competing and technologically advanced regions, and most urgently to face up to our common environmental and health crises. We should move past the age of empires, decolonization, and cold wars. The world is arriving at the “equality of courage and force” long ago foreseen by Adam Smith—but unless we adopt a new foreign policy, we will find that the world has left us behind as we stubbornly insist on going it alone.

Соединённым Штатам необходимо переосмыслить свою исключительность во внешней политике в фундаментально изменившемся мире, где наблюдается быстрый рост «догоняющего» развития в Азии, а теперь и в Африке, всё ещё набирающая обороты мировая IT-революция и серьёзные изменения в структуре населения мира. Главной внешнеполитической задачей нашего времени станет управление сотрудничеством между многими конкурирующими и технологически развитыми регионами, а также, что самое главное, преодоление общих экологических и медицинских кризисов. Нам следует оставить в прошлом эпоху империй, деколонизации и холодных войн. Мир приближается к «равенству мужества и силы», давно предвиденному Адамом Смитом, но если мы не примем новую внешнюю политику, мы обнаружим, что мир оставил нас позади, поскольку мы упрямо настаиваем на том, чтобы действовать в одиночку.

4 EURASIA ON THE RISE, AMERICA ON THE SIDELINES

As an indication of America’s waning “exceptionalism,” the world’s biggest geopolitical trend today has nothing to do with the United States. It is the economic integration of Europe with Asia, especially the European Union with China. Europe and Asia co-inhabit the world’s largest landmass, Eurasia. They are increasingly connected economically as well. Trump’s protectionism and bellicosity will only speed up the integration of Europe and Asia, leaving the United States on the sidelines.

Свидетельством ослабления «исключительности» Америки является то, что крупнейшая геополитическая тенденция в мире сегодня не имеет никакого отношения к Соединённым Штатам. Это экономическая интеграция Европы с Азией, особенно Европейского Союза с Китаем. Европа и Азия расположены на крупнейшем в мире континенте – Евразии. Они также становятся всё более связанными экономически. Протекционизм и воинственность Трампа только ускорят интеграцию Европы и Азии, оставляя Соединённые Штаты в стороне.

Geologists tell us that as a landmass Eurasia has existed for around 70 million years. And demographers tell us that Eurasia has been home to roughly two-thirds of humanity during at least the past two thousand years. Trade, migration, wars, and ideas have linked Europe and Asia throughout history (and prehistory). As Jared Diamond pointed out in his wonderful book *Guns, Germs, and Steel*,¹ the diffusion of technologies between Asia and Europe has been facilitated by Eurasia’s broad east-west orientation along climate zones. For example, wheat is grown in similar climate zones in Western Europe, Eastern Europe, Western Asia (e.g., Turkey, Iraq, and Iran), the northern stretches of South Asia (e.g., Pakistan and India), and East Asia (e.g., Myanmar and China), a wheat belt stretching some ten thousand kilometers. This Eurasian wheat belt, by dint of sharing a core underlying technology and ecology, has been a vast corridor of cultural, technological, artistic, and economic exchange and interaction for thousands of years.

Геологи говорят нам, что Евразия как континент существует около 70 миллионов лет. А демографы говорят нам, что Евразия была домом примерно для двух третей человечества в течение как минимум последних двух тысяч лет. Торговля, миграция, войны и идеи связывали Европу и Азию на протяжении всей истории (и доисторических времён). Как отметил Джаред

Даймонд в своей замечательной книге «Ружья, микробы и сталь»¹, распространению технологий между Азией и Европой способствовала широкая ориентация Евразии с востока на запад вдоль климатических зон. Например, пшеница выращивается в схожих климатических зонах в Западной Европе, Восточной Европе, Западной Азии (например, в Турции, Ираке и Иране), северных районах Южной Азии (например, в Пакистане и Индии) и Восточной Азии (например, в Мьянме и Китае), образуя пшеничный пояс протяженностью около десяти тысяч километров. Этот евразийский пшеничный пояс, благодаря общей базовой технологии и экологии, на протяжении тысячелетий был обширным коридором культурного, технологического, художественного и экономического обмена и взаимодействия.

Throughout history, technological breakthroughs in one part of Eurasia have gradually diffused to others. Between AD 500 and AD 1500, technological dynamism was mostly in Asia (e.g., China), and technologies flowed from China to Europe. After 1800, the technological dynamism was mostly in Western Europe, with technological innovations flowing from Europe to Asia. Now both Europe and Asia are innovators, and new technologies are flowing in both directions.

На протяжении всей истории технологические прорывы в одной части Евразии постепенно распространялись в другие. В период с 500 по 1500 год н.э. технологический динамизм в основном наблюдался в Азии (например, в Китае), и технологии шли из Китая в Европу. После 1800 года технологический динамизм в основном наблюдался в Западной Европе, при этом технологические инновации шли из Европы в Азию. Сейчас и Европа, и Азия являются новаторами, и новые технологии распространяются в обоих направлениях.

From the 1500s to the 1700s, economic interactions between East Asia and Europe were scant; both China and Japan limited contacts with Europeans as a matter of national security. With the beginnings of European industrialization, interactions intensified, but not so happily for Asia. Britain and France conquered large swaths of Asia and held China at gunpoint to open its borders to trade, including the import of opium, forced on China by British opium traders and the British government. As the costs of transport and communications continued to decline with improvements in technology, European-Asian trade intensified, but with the military power and market advantage on the side of the Europeans.

С XVI по XVIII век экономическое взаимодействие между Восточной Азией и Европой было скудным; и Китай, и Япония ограничивали контакты с европейцами по соображениям национальной безопасности. С началом европейской индустриализации взаимодействие усилилось, но не столь удачно для Азии. Великобритания и Франция завоевали обширные территории Азии и держали Китай под прицелом, чтобы открыть его границы для торговли, включая импорт опиума, навязанный Китаю британскими торговцами опиумом и британским правительством. По мере снижения стоимости транспорта и связи и развития технологий, европейско-азиатская торговля активизировалась, но на стороне европейцев были военная мощь и рыночное преимущество.

The prospects for Asian development improved with India's independence in 1947 and the birth of the People's Republic of China in 1949. Both countries embarked on campaigns of mass literacy as a foundation for industrialization. Then China opened to international trade in 1978 and India in 1991, giving those population giants a massive positive jolt to economic growth. China's GDP grew at around 9.7 percent per year between 1980 and 2016, for a cumulative growth in national income of around twenty-eight times. India's economy grew fast but less dynamically, at around 6.3 percent per annum, with cumulative GDP growth of around nine times. Recently, India's economic growth of around 7.6 percent per year has been slightly higher than China's.

Перспективы развития Азии улучшились с обретением Индией независимости в 1947 году и рождением Китайской Народной Республики в 1949 году. Обе страны начали кампании по массовой грамотности в качестве основы для индустриализации. Затем Китай открылся для международной торговли в 1978 году, а Индия — в 1991 году, что дало этим странам с большой численностью населения мощный позитивный толчок экономическому росту. ВВП Китая рос примерно на 9,7 процента в год в период с 1980 по 2016 год, что соответствует совокупному росту

национального дохода примерно в двадцать восемь раз. Экономика Индии росла быстрее, но менее динамично, примерно на 6,3 процента в год, с совокупным ростом ВВП примерно в девять раз. В последнее время экономический рост Индии, составляющий около 7,6 процента в год, был немного выше, чем у Китая.

From 1950 to 2000, the United States was the world's leading economy and the main builder of global production networks. American multinational companies expanded their operations in both Europe and Asia (especially East Asia), with the United States the hub of new technology, global finance, and military security.

С 1950 по 2000 год Соединенные Штаты были ведущей экономикой мира и основным строителем глобальных производственных сетей. Американские транснациональные компании расширили свою деятельность как в Европе, так и в Азии (особенно в Восточной Азии), при этом Соединенные Штаты были центром новых технологий, глобальных финансов и военной безопасности.

During the heyday of U.S. economic dominance, Europe's exports were directed mainly toward the U.S. market. In 1980, for example, Europe's \$44 billion in exports to the United States were much larger than its \$33 billion in exports to East, South, Southeast, and Central Asia. Yet with the dramatic rise of the Asian economies after 1980, Europe's exports are increasingly heading toward Asia. By 2015, Europe's \$446 billion in exports to the United States were less than its \$659 billion in exports to East, South, Southeast, and Central Asia.

В период расцвета экономического доминирования США европейский экспорт был ориентирован преимущественно на американский рынок. Например, в 1980 году объем европейского экспорта в Соединенные Штаты в размере 44 миллиардов долларов был значительно больше, чем объем экспорта в Восточную, Южную, Юго-Восточную и Центральную Азию в размере 33 миллиардов долларов. Однако, с резким ростом азиатских экономик после 1980 года, европейский экспорт все больше ориентируется на Азию. К 2015 году объем европейского экспорта в Соединенные Штаты в размере 446 миллиардов долларов был меньше объема экспорта в Восточную, Южную, Юго-Восточную и Центральную Азию в размере 659 миллиардов долларов.

The costs of trade between Europe and Asia are falling rapidly with continuing advances in information and communications technologies and related improvements in air, sea, and land transport and logistics. And as China's economy has soared, China's increasingly competitive multinational companies are stepping up their search for other markets, first in Southeast and Central Asia, but also in the Middle East, South Asia, Russia, resource-rich Africa, and Western Europe. China is now actively building long-distance transport, communications, and energy infrastructure links with other parts of Asia and between Asia and Europe, in the same way that the United States once supported Europe's and Japan's infrastructure development after World War II in order to foster export markets and production sites for American companies.

Расходы на торговлю между Европой и Азией быстро снижаются благодаря постоянному развитию информационно-коммуникационных технологий и связанным с этим улучшениям в области воздушного, морского и наземного транспорта и логистики. По мере стремительного роста экономики Китая, всё более конкурентоспособные транснациональные компании Китая активизируют поиск других рынков, сначала в Юго-Восточной и Центральной Азии, а также на Ближнем Востоке, в Южной Азии, России, богатой ресурсами Африке и Западной Европе. В настоящее время Китай активно строит транспортные, коммуникационные и энергетические инфраструктурные связи с другими частями Азии, а также между Азией и Европой, подобно тому, как Соединённые Штаты когда-то поддерживали развитие инфраструктуры Европы и Японии после Второй мировой войны, чтобы способствовать развитию экспортных рынков и производственных площадок для американских компаний.

As China builds its trade and infrastructure links within Asia and with Europe, it harks back to Eurasia's history for inspiration. Chinese leaders describe the infrastructure efforts as building the new Silk Road,

referring to the ancient trade routes that connected China by land with Central Asia, South Asia, the Middle East, and Europe for almost 2,000 years, until the 1600s:

For thousands of years, the Silk Road Spirit—“peace and cooperation, openness and inclusiveness, mutual learning and mutual benefit”—has been passed from generation to generation, promoted the progress of human civilization, and contributed greatly to the prosperity and development of the countries along the Silk Road . . . In the 21st century, a new era marked by the theme of peace, development, cooperation, and mutual benefit, it is all the more important for us to carry on the Silk Road Spirit in face of the weak recovery of the global economy, and complex international and regional situations.²

Развивая торговые и инфраструктурные связи в Азии и с Европой, Китай обращается к истории Евразии. Китайские лидеры описывают усилия по развитию инфраструктуры как строительство нового Шелкового пути, имея в виду древние торговые пути, которые соединяли Китай по суше с Центральной Азией, Южной Азией, Ближним Востоком и Европой на протяжении почти 2000 лет, вплоть до XVII века:

На протяжении тысячелетий дух Шелкового пути — «мир и сотрудничество, открытость и инклюзивность, взаимное обучение и взаимная выгода» — передавался из поколения в поколение, способствовал прогрессу человеческой цивилизации и внес значительный вклад в процветание и развитие стран вдоль Шелкового пути... В XXI веке, новой эпохе, отмеченной девизом мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды, для нас тем более важно продолжать следовать духу Шелкового пути в условиях слабого восстановления мировой экономики и сложной международной и региональной обстановки.²

China has recently proposed an initiative it calls “One Belt, One Road” to build transport, communications, and energy infrastructure to connect the various regions of Asia, and Asia with Europe. One important group of beneficiaries will be the regions lying between Western Europe and East Asia, including much of Russia and Central Asia. The new infrastructure will link these middle-Eurasian countries more effectively with both Western Europe and East Asia. Some of the key Belt and Road Initiative (BRI) corridors are shown in figure 4.1.

Китай недавно выступил с инициативой «Один пояс, один путь», направленной на создание транспортной, коммуникационной и энергетической инфраструктуры для соединения различных регионов Азии, а также Азии с Европой. Одной из важных групп бенефициаров станут регионы, расположенные между Западной Европой и Восточной Азией, включая значительную часть России и Центральной Азии. Новая инфраструктура позволит более эффективно связать эти страны Центральной Евразии как с Западной Европой, так и с Восточной Азией. Некоторые из ключевых коридоров инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) показаны на рисунке 4.1.

The terms “belt” and “road” are a bit counterintuitive. The word “belt” refers to land-based infrastructure such as roads, rail, optical fiber, and power transmission lines, while the word “road” refers to sea routes and seaports. For both the land belts and the sea roads, China’s initiative aims to build linkages both within Asia and between Asia and Europe.

Термины «пояс» и «дорога» несколько парадоксальны. Слово «пояс» относится к наземной инфраструктуре, такой как автомобильные и железные дороги, оптоволокно и линии электропередачи, а слово «дорога» – к морским путям и портам. Как для сухопутных поясов, так и для морских путей инициатива Китая направлена на развитие связей как внутри Азии, так и между Азией и Европой.

Global warming will probably add another important sea route between East Asia and Western Europe, the so-called Northeast Passage in the Arctic Ocean, north of Russia and Norway. With the sea ice disappearing from the Arctic Ocean for more months per year, sea-based trade between East Asia and Europe will be increasingly rerouted from the Indian Ocean and Suez Canal to the Northeast Passage.

Глобальное потепление, вероятно, добавит ещё один важный морской путь между Восточной Азией и Западной Европой – так называемый Северо-Восточный проход в Северном Ледовитом океане, к северу от России и Норвегии. С исчезновением морского льда в Северном Ледовитом океане на большее количество месяцев в году, морская торговля между Восточной Азией и Европой будет всё чаще перенаправляться из Индийского океана и Суэцкого канала в Северный проход.

This will cut shipping distances by around 25 percent and shipping times by up to half. The Northeast Passage is not an argument for global warming, which will create huge losses overall, but it is a likely beneficial effect among many large negative impacts.

Это сократит расстояние доставки примерно на 25%, а время доставки – почти вдвое. Северный проход не является аргументом в пользу глобального потепления, которое в целом приведёт к огромным потерям, но, вероятно, является одним из его положительных последствий среди множества крупных негативных последствий.

China has not only put forward this new infrastructure vision, but has also put forward new institutional mechanisms to finance it. The most important of these is the new Asian Infrastructure Investment Bank, or AIIB, established by China to cofinance Asia's infrastructure and capitalized by the bank members at \$100 billion. Fifty-two countries, including countries of both Europe and Asia, have become members of the bank, and another eighteen are in the queue to join. The United States and Japan have held back, but this hasn't slowed the rest of Europe and Asia (and recently Canada) from signing up. In 2014, China also invested \$40 billion in a Silk Road Fund dedicated to financing One Belt, One Road projects.

Китай не только выдвинул новое видение инфраструктуры, но и предложил новые институциональные механизмы для его финансирования. Наиболее важным из них является новый Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданный Китаем для софинансирования инфраструктуры Азии и капитализированный членами банка в размере 100 миллиардов долларов США. Пятьдесят две страны, включая страны Европы и Азии, стали членами банка, и ещё восемнадцать находятся в очереди на вступление. США и Япония пока воздержались, но это не помешало остальным странам Европы и Азии (и недавно Канаде) присоединиться к нему. В 2014 году Китай также инвестировал 40 миллиардов долларов США в Фонд Шёлкового пути, предназначенный для финансирования проектов «Один пояс, один путь».

In addition to the investment funding, China is also promoting new trade and investment agreements. These include the Regional Comprehensive Economic Partnership, a proposed sixteen-country free-trade agreement that would include China, the ten countries of Southeast Asia, and Australia, India, Japan, Korea, and New Zealand.

Помимо инвестиционного финансирования, Китай также продвигает новые торговые и инвестиционные соглашения. К ним относится Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство – предлагаемое соглашение о свободной торговле между шестнадцатью странами, которое будет включать Китай, десять стран Юго-Восточной Азии, а также Австралию, Индию, Японию, Корею и Новую Зеландию.

While Trump is busy proclaiming America First and growling at other countries for their supposed abuses toward the United States, China is making a massive diplomatic and negotiating effort to build trust, trade, investment, and goodwill among the countries of Europe and Asia, not to mention Africa, which China also targets in several investment initiatives. And while there are, of course, widespread concerns that China's initiatives are in the service of China's rising global power, at least China is putting real money on the table—hundreds of billions of dollars of development finance—to build infrastructure of enormous value to the partner economies.

Пока Трамп занят провозглашением «Америка прежде всего» и ворчанием на другие страны за их предполагаемые злоупотребления в отношении США, Китай прилагает масштабные

дипломатические и переговорные усилия для укрепления доверия, торговли, инвестиций и доброй воли между странами Европы и Азии, не говоря уже об Африке, на которую Китай также нацелился в рамках ряда инвестиционных инициатив. И хотя, конечно, широко распространены опасения, что китайские инициативы служат растущей глобальной мощи Китая, Китай, по крайней мере, вкладывает реальные деньги — сотни миллиардов долларов в виде финансирования развития — в строительство инфраструктуры, имеющей колоссальную ценность для экономик-партнеров.

The Chinese government has explained its outward-oriented vision in the following terms:

The world economic integration is accelerating and regional cooperation is on the upswing. China will take full advantage of the existing bilateral and multilateral cooperation mechanisms to push forward the building of the Belt and Road and to promote the development of regional cooperation. . . . The Belt and Road cooperation features mutual respect and trust, mutual benefit and win-win cooperation, and mutual learning between civilizations. As long as all countries along the Belt and Road make concerted efforts to pursue our common goal, there will be bright prospects for the Silk Road Economic Belt and the 21st-Century Maritime Silk Road, and the people of countries along the Belt and Road can all benefit from this Initiative.³

Китайское правительство объяснило свою ориентированную на внешние связи концепцию следующим образом:

Мировая экономическая интеграция ускоряется, а региональное сотрудничество находится на подъёме. Китай будет в полной мере использовать существующие двусторонние и многосторонние механизмы сотрудничества для продвижения строительства «Одного пояса и одного пути» и содействия развитию регионального сотрудничества. . . . Сотрудничество в рамках «Одного пояса и одного пути» характеризуется взаимным уважением и доверием, взаимной выгодой и взаимовыгодным сотрудничеством, а также взаимным обучением между цивилизациями. Пока все страны вдоль «Одного пояса и одного пути» прилагают согласованные усилия для достижения общей цели, у Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века будут блестящие перспективы, и все народы стран вдоль «Одного пояса и одного пути» смогут извлечь выгоду из этой инициативы.³

China's emphasis on the win-win character of strengthened trade and investment is reminiscent of language that the United States once used in its more internationalist phase. In 1962, for example, President John F. Kennedy called for a major expansion of trade between the United States and Europe in similar terms: "a freer flow of trade across the Atlantic will enable the two giant markets on either side of the ocean to impart strength and vigor to each other, and to combine their resources and momentum to undertake the many enterprises which the security of free peoples demands." In the event, Kennedy's 1962 call to expand trade led to the signing five years later of the 1967 "Kennedy Round" of multilateral trade liberalization, one of several in which the United States was the vigorous proponent of an open multilateral trading system.

Акцент Китая на взаимовыгодном характере укрепления торговли и инвестиций напоминает риторику, которую когда-то использовали Соединённые Штаты в период своего более интернационалистского развития. В 1962 году, например, президент Джон Ф. Кеннеди призвал к значительному расширению торговли между Соединёнными Штатами и Европой в схожих выражениях: «Более свободный поток торговли через Атлантику позволит двум гигантским рынкам по обе стороны океана передать друг другу силу и энергию и объединить свои ресурсы и импульс для осуществления многочисленных начинаний, которых требует безопасность свободных народов». В конечном итоге, призыв Кеннеди 1962 года к расширению торговли привел к подписанию пять лет спустя в 1967 году «Раунда Кеннеди» о многосторонней либерализации торговли, одного из нескольких, в которых Соединённые Штаты были энергичным сторонником открытой многосторонней торговой системы.

The closer integration of Europe and Asia is an important and logical step in Eurasia's continued economic development. It could also be key to the transition by both Europe and Asia to low-carbon

energy systems, if the One Belt, One Road infrastructure is built to promote access to renewable energy through long-distance transmission lines; low-carbon transport via advanced technologies for vehicles, rail, and shipping; and energy efficiency through ubiquitous Internet-based smart systems. Notably, China's industrial strategy aims for major technological advances in all of these areas by the mid-2020s, and BRI investment projects will provide a huge market for these advanced technologies.

Более тесная интеграция Европы и Азии является важным и логичным шагом в дальнейшем экономическом развитии Евразии. Она также может стать ключом к переходу как Европы, так и Азии к низкоуглеродным энергетическим системам, если будет построена инфраструктура «Одного пояса, одного пути» для содействия доступу к возобновляемой энергии через линии электропередачи на большие расстояния; низкоуглеродному транспорту с помощью передовых технологий для транспортных средств, железнодорожного транспорта и судоходства; и энергоэффективности посредством повсеместного внедрения интеллектуальных интернет-систем. Примечательно, что промышленная стратегия Китая нацелена на достижение значительных технологических прорывов во всех этих областях к середине 2020-х годов, а инвестиционные проекты BRI обеспечат огромный рынок для этих передовых технологий.

One of the remarkable international technology projects now promoted by China is called the Global Energy Interconnection Cooperation and Development, or GEIDCO. The idea is to support rapid decarbonization on a global scale by connecting the world's high-quality renewable energy sources—wind, hydro, solar—through long-distance ultrahigh-voltage (UHV) direct-current transmission lines. In GEIDCO's neat formula, the solution to decarbonization is “Smart Grid + UHV Grid + Renewable Energy.” Figure 4.2 shows a schematic map of possible interconnections within Asia. GEIDCO has signed up universities, utilities, and power equipment manufacturers as partners throughout the world. Each announcement by Trump against global trade, and each accusation by Trump directed at the European Union or China, has pushed these two giants toward each other in a warmer embrace. German Foreign Minister and Vice-Chancellor Sigmar Gabriel recently put it this way:

(Trump's protectionism) will be very expensive for Americans—the economy doesn't run on pressure and orders from politicians. For Europe, I see opportunities if Trump distances himself not just from China, but all of Asia. Europe should quickly come up with a new Asia strategy. We need to exploit the spaces America is opening up now.⁴

Один из замечательных международных технологических проектов, продвигаемых Китаем, называется «Глобальное сотрудничество и развитие в области энергетического объединения» (GEIDCO). Идея заключается в поддержке быстрой декарбонизации в глобальном масштабе путем объединения высококачественных возобновляемых источников энергии — ветра, гидроэнергии, солнца — посредством магистральных линий электропередачи постоянного тока сверхвысокого напряжения (СВН). В четкой формуле GEIDCO решение для декарбонизации — это «Интеллектуальная сеть + СВН сеть + возобновляемая энергия». На рисунке 4.2 представлена схематическая карта возможных взаимосвязей в Азии. GEIDCO сотрудничает с университетами, коммунальными предприятиями и производителями энергетического оборудования по всему миру. Каждое заявление Трампа, направленное против мировой торговли, и каждое обвинение Трампа в адрес Европейского союза или Китая лишь крепче сближали этих двух гигантов. Министр иностранных дел Германии и вице-канцлер Зигмар Габриэль недавно выразился так:

(Протекционизм Трампа) обойдется американцам очень дорого — экономика не работает под давлением и приказами политиков. Для Европы я вижу возможности, если Трамп дистанцируется не только от Китая, но и от всей Азии. Европе следует быстро разработать новую стратегию в отношении Азии. Нам необходимо использовать те возможности, которые открывает Америка.⁴

Taken together, Eurasia's economy and population are both around 70 percent of the world, while America's share is now at around 16 percent of world output (down from 22 percent in 1980) and around

4.4 percent of the world's population. Trump may fancy America as still calling the shots, but that era is over. Eurasia will likely constitute the new dynamic center of gravity of the world economy. Both Europe and Asia remain hopeful of continued open trade and investments with the United States, but the countries of Eurasia will not agree to an America First agenda that breaks the rules of the international economy for America's purported advantage.

В совокупности экономика и население Евразии составляют около 70% мировой экономики, в то время как доля Америки сейчас составляет около 16% мирового производства (по сравнению с 22% в 1980 году) и около 4,4% населения мира. Трампу может казаться, что Америка по-прежнему задаёт тон, но эта эпоха закончилась. Евразия, вероятно, станет новым динамичным центром тяжести мировой экономики. И Европа, и Азия сохраняют надежду на продолжение открытой торговли и инвестиций с Соединенными Штатами, однако страны Евразии не согласятся с повесткой дня «Америка прежде всего», которая нарушает правила международной экономики ради предполагаемого преимущества Америки.

5 RUSSIA–U.S. RELATIONS IN THE CHANGING WORLD ORDER

While Europe and Asia grow closer, the United States is retrenching along old battle lines. In the view of much of the U.S. security establishment, post-Soviet Russia remains America's biggest security threat. Vladimir Putin, they say, longs to reestablish the Soviet Union, or failing that, at least the Russian Empire, with Russia's wars in Georgia (2008) and in Ukraine (2014), its intervention in Syria after 2014, and its diabolical meddling in the U.S. 2016 election all signs of Russia's ruthless aggression. We have entered a New Cold War—or so we are told.

В то время как Европа и Азия сближаются, Соединенные Штаты отступают на прежних рубежах. По мнению значительной части американского истеблишмента в сфере безопасности, постсоветская Россия остается главной угрозой безопасности Америки. Владимир Путин, говорят они, стремится восстановить Советский Союз, а если не получится, то хотя бы Российскую империю. Войны России в Грузии (2008) и на Украине (2014), интервенция в Сирии после 2014 года и ее дьявольское вмешательство в выборы в США в 2016 году – все это признаки безжалостной агрессии России. Мы вступили в новую холодную войну – или, по крайней мере, так нам говорят.

How far, sadly, we have come from Mikhail Gorbachev's vision of a unified, peaceful, and integrated European home that extended from the North Sea in the west to the Pacific Ocean in Russia's Far East. I believe that we should not give up on that brighter vision. We should understand, indeed, that it was U.S. misguided actions at least as much as Russia's renewed aggression that led us from Gorbachev's vision of a common European home to the new Cold War today.

Как же далеко, к сожалению, мы ушли от видения Михаила Горбачева о едином, мирном и интегрированном европейском доме, простирающемся от Северного моря на западе до Тихого океана на Дальнем Востоке России. Я считаю, что мы не должны отказываться от этого светлого видения. Мы должны понимать, что именно ошибочные действия США, как минимум в той же степени, что и возобновившаяся агрессия России, привели нас от горбачёвского видения общего европейского дома к новой холодной войне сегодня.

I know. I watched many of the mistakes close at hand.

Я знаю. Я наблюдал многие ошибки своими глазами.

To understand Gorbachev's vision, we must go back to the age of the Romanov tsars, part of Europe's Age of Empire. While the Western European powers expanded into Africa and Asia, European Russia expanded its empire into its near neighborhood in Eastern Europe, Western Asia, and Central Asia. Russia became the largest land empire in the world (although it was rebuffed as a naval power after losing its warm-water port at Sevastopol in the Crimean War with Britain and France).

Чтобы понять видение Горбачёва, мы должны вернуться к эпохе царей Романовых, части эпохи европейской империи. В то время как западноевропейские державы расширялись в Африку и Азию, европейская Россия расширяла свою империю, охватывая своих ближайших соседей в Восточной Европе, Западной и Центральной Азии. Россия стала крупнейшей сухопутной империей в мире (хотя она и была отвергнута как военно-морская держава после потери незамерзающего порта Севастополь в Крымской войне с Великобританией и Францией).

Russia's industrialization came late compared with Western Europe, part of the general pattern by which European industrialization diffused gradually from west to east during the nineteenth century, yet Russia still had the means to extend its power relative to the weaker and more sparsely populated regions of Central Asia. Russia's expansionism generated conflicts with other European powers and nationalist movements in Eastern Europe, the Balkans, and Western Asia, and with an expansionist Japan in Russia's Far East.

Индустриализация России произошла позже, чем в Западной Европе, что было частью общей тенденции, по которой европейская индустриализация постепенно распространялась с запада на восток в течение XIX века, и тем не менее у России всё ещё были возможности распространить своё влияние на более слабые и малонаселённые регионы Центральной Азии. Экспансионизм России породил конфликты с другими европейскими державами и националистическими движениями в Восточной Европе, на Балканах и в Западной Азии, а также с экспансионистской Японией на Дальнем Востоке России.

Russian industrial growth picked up in the decade before World War I, but like the other empires of Europe, the Romanov empire was brought down by the war, with the Bolsheviks seizing power in 1917, winning a brutal civil war, and establishing the Soviet Union in 1923. Until World War II, the Soviet Union pursued "socialism in one country," under the increasingly brutal totalitarian regime led by Josef Stalin. In 1939, the Soviet Union disgracefully agreed with Nazi Germany to divide up Poland, only to be invaded by Germany two years later. The Soviet Union bore the brunt of Europe's land war, suffering 20 million military casualties and 20 million more civilian deaths before marching into Berlin in May 1945.

Российский рост ускорился в десятилетие перед Первой мировой войной, но, как и другие европейские империи, империя Романовых была разрушена войной: большевики захватили власть в 1917 году, одержали победу в жестокой гражданской войне и основали Советский Союз в 1923 году. До Второй мировой войны Советский Союз стремился к «социализму в одной стране» под всё более жестоким тоталитарным режимом во главе с Иосифом Сталиным. В 1939 году Советский Союз позорно согласился с нацистской Германией на раздел Польши, но два года спустя был атакован Германией. Советский Союз принял на себя основную тяжесть сухопутной войны в Европе, потеряв 20 миллионов военных и ещё 20 миллионов мирных жителей, прежде чем войти в Берлин в мае 1945 года.

The Cold War followed quickly after. In the predominant U.S. view, the Cold War occurred for one reason and one reason only: the persistent attempt by the Soviet Union to gain control over postwar Western Europe, just as it had over Eastern Europe, and eventually over the world. The United States created NATO to defend against what it viewed as Soviet aggression and expansionism.

Вскоре последовала Холодная война. По мнению преобладающей точки зрения США, Холодная война произошла по одной-единственной причине: постоянные попытки Советского Союза установить контроль над послевоенной Западной Европой, так же как он уже контролировал Восточную Европу, а в конечном итоге и весь мир. Соединённые Штаты создали НАТО для защиты от того, что они считали советской агрессией и экспансионизмом.

Not surprisingly, the view from the Soviet side was somewhat different. From the Soviet perspective, the Soviet Union remained vulnerable to an invasion from the West, as had occurred twice in 150 years, first by Napoleon and second by Hitler. The Soviet Union demanded safety from a resurgent Germany, while the United States was more intent on reviving West Germany and remilitarizing it than on solving the

Soviet Union's security concerns. Even worse from the Soviet perspective, the United States under Eisenhower flirted with the idea of a nuclear-armed Germany.

Неудивительно, что взгляд с советской стороны был несколько иным. С советской точки зрения, Советский Союз оставался уязвимым для вторжения с Запада, как это уже случалось дважды за 150 лет: сначала со стороны Наполеона, а затем со стороны Гитлера. Советский Союз требовал безопасности от возрождающейся Германии, в то время как Соединённые Штаты были больше озабочены возрождением Западной Германии и её ремилитаризацией, чем решением проблем безопасности Советского Союза. Ещё хуже, с советской точки зрения, Соединённые Штаты при Эйзенхауэре заигрывали с идеей Германии, вооружённой ядерным оружием.

I noted earlier that George Kennan, the State Department's Russia expert in the 1940s and the original author of the U.S. containment policy vis-à-vis Soviet expansionism, did not see the Soviet Union as intent on war with the West. He believed that practical solutions could be found to ease Cold War tensions, and notably floated the idea of a neutral (non-NATO), demilitarized, and unified Germany as an answer to the Soviet Union's security concerns. Kennan had no illusions about Russian repression, and Stalin's particularly reprehensible brand of mass repression and killings. Nonetheless, Kennan believed that peaceful coexistence, and even the end of the Cold War, was possible through diplomatic and essentially nonmilitary means.

Я уже отмечал, что Джордж Кеннан, эксперт Госдепартамента по России в 1940-х годах и первоначальный автор политики сдерживания США в отношении советского экспансионизма, не считал, что Советский Союз намерен воевать с Западом. Он считал, что можно найти практические решения для смягчения напряжённости холодной войны, и, в частности, выдвигал идею нейтральной (не входящей в НАТО), демилитаризованной и объединённой Германии как ответа на опасения Советского Союза в области безопасности. Кеннан не питал иллюзий относительно российских репрессий и особенно предосудительных массовых репрессий и убийств, проводимых Сталиным. Тем не менее, Кеннан верил, что мирное сосуществование и даже окончание холодной войны возможны дипломатическими и, по сути, невоенными средствами.

In line with Kennan's general approach, John F. Kennedy's decision to deprive West Germany of access to NATO's nuclear weapons was a powerful step forward in easing Cold War tensions, as I describe in detail in my book *To Move the World*.¹ Kennedy indeed succeeded in easing Cold War tensions, and in negotiating the Partial Nuclear Test Ban Treaty with his Soviet counterpart Nikita Khrushchev, and this in turn paved the way for the policy of détente under Nixon. The Soviet Union would keep its planned economy and one-party rule, but the two sides would coexist peacefully. Nixon, Ford, and Carter pursued détente, reaching various arms agreements and other treaty arrangements. From the Soviet point of view, Ronald Reagan represented a dangerous throwback to Western aggression vis-à-vis the Soviet Union, not only placing new nuclear weapons systems in Europe but also speaking provocatively of the possibility of war.

В соответствии с общим подходом Кеннана, решение Джона Ф. Кеннеди лишить Западную Германию доступа к ядерному оружию НАТО стало мощным шагом вперед к ослаблению напряженности холодной войны, что я подробно описал в своей книге «*To Move the World*»¹. Кеннеди действительно преуспел в ослаблении напряженности холодной войны и в переговорах с советским коллегой Никитой Хрущевым по Договору о частичном запрещении ядерных испытаний, что, в свою очередь, проложило путь политике разрядки при Никсоне. Советский Союз сохранил бы плановую экономику и однопартийную систему, но обе стороны мирно сосуществовали бы. Никсон, Форд и Картер стремились к разрядке, достигнув различных соглашений о вооружениях и других договорных соглашениях. С советской точки зрения, Рональд Рейган представлял собой опасный возврат к западной агрессии в отношении Советского Союза, не только размещая новые системы ядерного оружия в Европе, но и провокационно говоря о возможности войны.

Mikhail Gorbachev came to power in 1985 intent on ending the Cold War while reinvigorating the socialist system, promoting the political and economic reform package termed perestroika. Many Americans, and much of the U.S. security apparatus, attributed Gorbachev's reforms to the economic pressures caused

by Reagan's renewed arms race. Other observers, myself included, ascribed Gorbachev's efforts to his recognition of the need for deep reforms of the Soviet economy and viewed Reagan's militarism as both unnecessary and dangerously provocative. Yet for U.S. hard-liners, the message of Gorbachev's reforms was just the opposite: if the United States kept up military pressure, the Soviet Union would fold its hand. The hard-liners felt further vindicated when Gorbachev decided in 1989 to allow, indeed encourage, political multiparty democratization in Eastern Europe.

Михаил Горбачев пришел к власти в 1985 году, намереваясь положить конец холодной войне, одновременно возрождая социалистическую систему и продвигая пакет политических и экономических реформ, названный перестройкой. Многие американцы и значительная часть аппарата безопасности США связывали реформы Горбачева с экономическим давлением, вызванным возобновлением гонки вооружений Рейганом. Другие наблюдатели, включая меня, связывали усилия Горбачева с признанием им необходимости глубоких реформ советской экономики и считали милитаризм Рейгана как ненужным, так и опасно провокационным. Однако для американских сторонников жесткой линии послание реформ Горбачева было прямо противоположным: если Соединенные Штаты продолжат военное давление, Советский Союз сдастся. Сторонники жесткой линии почувствовали себя еще более оправданными, когда в 1989 году Горбачев решил разрешить, а точнее, поощрять, политическую многопартийную демократизацию в Восточной Европе.

These differences in interpreting the Gorbachev era mattered then and still matter now. The way we understand this history informs our visions for the future. In my view, Gorbachev was pointing to a new order in Europe in which the security needs of Western Europe, Eastern Europe, and the Soviet Union would be met by ending the economic divisions, moving forward with economic and technological integration, and reversing the arms race. In the hard-liners' view, by contrast, renewed armament had worked, and Russia's economic downward spiral in the late 1980s was the opportunity to win the Cold War, sweep Eastern Europe into the NATO security umbrella, and leave Russia to suffer the consequences of decades of its socialist folly and expansionism.

Эти различия в интерпретации эпохи Горбачева имели значение тогда и имеют значение сейчас. Наше понимание этой истории формирует наше видение будущего. На мой взгляд, Горбачёв указывал на новый порядок в Европе, в котором потребности безопасности Западной Европы, Восточной Европы и Советского Союза будут удовлетворены путём устранения экономического разделения, продвижения экономической и технологической интеграции и обращения вспять гонки вооружений. С точки зрения сторонников жёсткой линии, напротив, возобновление вооружения сработало, и экономический спад России в конце 1980-х годов стал возможностью выиграть холодную войну, включить Восточную Европу в зону безопасности НАТО и оставить Россию страдать от последствий десятилетий её социалистической глупости и экспансионизма.

Poland was the first country to install a noncommunist government, in 1989. I became economic adviser to the government that same year. My vision then was that Poland would quickly rejoin the European Community (later renamed the European Union) as a "normal" mixed economy and democracy, as indeed occurred when Poland joined the European Union in 2004. I wrote the first plan on how the economic transformation could be made to enable Poland's "return to Europe."² I saw Poland's steps as the forerunner of Russia's similar reforms. I very much believed in Gorbachev's purpose and vision, that a shared economic space could extend from Rotterdam in the west to Vladivostok in the east.

Польша стала первой страной, приведшей к власти некоммунистическое правительство в 1989 году. В том же году я стал экономическим советником правительства. Мое видение тогда состояло в том, что Польша быстро присоединится к Европейскому сообществу (позже переименованному в Европейский союз) как «нормальная» смешанная экономика и демократия, как это действительно произошло, когда Польша вступила в Европейский союз в 2004 году. Я написал первый план о том, как можно было бы осуществить экономическую трансформацию, чтобы обеспечить «возвращение Польши в Европу».² Я видел шаги Польши как предвестника аналогичных реформ в России. Я

очень верил в цель и видение Горбачева, что общее экономическое пространство может простираться от Роттердама на западе до Владивостока на востоке.

In 1990 and 1991, I tried to help Gorbachev with a plan similar to Poland's. Poland was receiving timely financial assistance from the United States and other Western nations, and I expected the same to be available to the Soviet Union. Such assistance would need to include a "standstill" on Soviet debt payments; an eventual write-off (cancellation) of part of the Soviet debt to the West; and ample grants from the West, as in the Marshall Plan, to help the Soviet Union rebuild and modernize its economy on market principles.

В 1990 и 1991 годах я пытался помочь Горбачеву с планом, аналогичным польскому. Польша получала своевременную финансовую помощь от Соединенных Штатов и других западных стран, и я ожидал, что то же самое будет доступно Советскому Союзу. Такая помощь должна была бы включать «мораторий» на выплаты по советским долгам; возможное списание (аннулирование) части советского долга Западу; и обильные гранты от Запада, как в Плане Маршалла, чтобы помочь Советскому Союзу восстановить и модернизировать свою экономику на рыночных принципах.

In the spring of 1991, I worked with Gorbachev's economic adviser Grigory Yavlinsky and with colleagues at Harvard and MIT to prepare a "Grand Bargain," in which the Soviet Union would receive significant funding (\$30 billion per year) to restructure its economy, while undertaking political reforms and democratization. The plan was quickly shot down by the White House in the summer of 1991. Gorbachev made a fervent and detailed appeal to the West for economic partnership and support at the G7 Summit in London in July 1991. When this appeal failed, Gorbachev returned home to a coup attempt in August. Russia and the other republics gained political ascendance, and the Soviet Union went into a vertiginous collapse, finally disbanding peacefully in December 1991.

Весной 1991 года я работал с экономическим советником Горбачёва Григорием Явлинским и коллегами из Гарварда и Массачусетского технологического института над подготовкой «Большой сделки», в рамках которой Советский Союз получал бы значительное финансирование (30 миллиардов долларов в год) для реструктуризации экономики, одновременно проводя политические реформы и демократизацию. Этот план был быстро отвергнут Белым домом летом 1991 года. Горбачёв обратился к Западу с пламенным и подробным призывом к экономическому партнёрству и поддержке на саммите «Большой семёрки» в Лондоне в июле 1991 года. Когда этот призыв провалился, Горбачёв вернулся домой и в августе предпринял попытку переворота. Россия и другие республики обрели политическое влияние, а Советский Союз погрузился в головокружительный крах, окончательно мирно распавшись в декабре 1991 года.

By September, Russian president Boris Yeltsin was reaching out to me and others to help mobilize urgent financial support from the West. Yet this too was not to be. Every recommendation that I made to the White House and the IMF was immediately and decisively shot down. There would be no standstill on debt servicing; there would be no fund to stabilize the currency; there would be no package of assistance for restructuring; there would be no debt reduction. For Poland, yes. For Russia, nyet.

К сентябрю президент России Борис Ельцин обращался ко мне и другим, чтобы мобилизовать срочную финансовую поддержку с Запада. Однако и этому не суждено было сбыться. Все мои рекомендации Белому дому и МВФ были немедленно и решительно отвергнуты. Не будет никакой приостановки обслуживания долга; не будет фонда для стабилизации валюты; не будет пакета помощи для реструктуризации; не будет сокращения долга. Для Польши – да. Для России – нет.

It's hard to know, before the White House, State Department, and Pentagon archives are eventually opened to historians, the exact motivations for America's rejection of basic financial support measures for Russia. The simplest theory is that U.S. support for Eastern Europe was politically popular in the United States (especially given the number of Polish-Americans, Hungarian-Americans, and other hyphenated groups) while support for Russia was not. Another simple theory is confusion: that George H. W. Bush did not really understand the economic and financial challenges facing Russia. Yet perhaps the most realistic

theory is that the countries in Eastern Europe were viewed by American strategists and political leaders as possible new NATO members, while Russia was viewed as the continuing enemy, on the other side of the continued divide. In essence, the problem was one of imagination: thinking of Russia as a partner and even ally was just too hard for American leaders steeped in Cold War thinking.

Трудно сказать, пока архивы Белого дома, Госдепартамента и Пентагона не будут наконец открыты для историков, точные мотивы отказа Америки от базовых мер финансовой поддержки России. Самая простая теория заключается в том, что поддержка США Восточной Европы была политически популярна в Соединенных Штатах (особенно учитывая численность поляков, венгров и других групп), в то время как поддержка России – нет. Другая простая теория – это путаница: Джордж Буш-старший не до конца понимал экономические и финансовые проблемы, с которыми столкнулась Россия. Однако, пожалуй, наиболее реалистичная теория заключается в том, что американские стратеги и политические лидеры рассматривали страны Восточной Европы как возможных новых членов НАТО, в то время как Россия – как постоянный враг, находящийся по другую сторону сохраняющегося раскола. По сути, проблема была в воображении: американским лидерам, погруженным в мировоззрение времён холодной войны, было слишком сложно думать о России как о партнёре и даже союзнике.

Without access to the help that had so aided Poland and other Eastern European nations, Russia's crisis turned into a rout. Russia ran out of reserves, so the central bank printed rubles to address critical imbalances. The West failed to provide assistance. Inflation soared. Russia's reformers, and their advisers (including myself), took the blame. My deep frustration was to watch Russia sink deeper into crisis while the United States and Europe stood by, immobile, impassive, and unreactive.

Без доступа к помощи, которая так помогла Польше и другим восточноевропейским странам, российский кризис обернулся полным разгромом. У России закончились резервы, и Центральный банк напечатал рубли для устранения критических дисбалансов. Запад не оказал помощи. Инфляция резко выросла. Российские реформаторы и их советники (включая меня) взяли вину на себя. Меня глубоко огорчало, что Россия всё глубже погружается в кризис, в то время как Соединённые Штаты и Европа стоят в стороне, неподвижные, бесстрастные и безучастные.

Uncontrolled crises go from bad to worse. Quack theories abound. Political discontent multiplies. Reform measures are discredited. Crooks take the places of reformers. When the presidency passed from George H. W. Bush to Bill Clinton, I had hopes that U.S. support would rally, that the United States would move from impassivity to action. Those hopes were dashed. Clinton was inexperienced, uninterested, and inward looking. After the first year of the Clinton presidency, at the end of 1993, I stepped down from advising the Russian government. My three years of pleading for Western help had come to naught.

Неконтролируемые кризисы становятся всё хуже и хуже. Появляется множество шарлатанских теорий. Политическое недовольство множится. Реформаторские меры дискредитированы. Мошенники занимают место реформаторов. Когда президентство перешло от Джорджа Буша-старшего к Биллу Клинтону, я надеялся, что поддержка США усилится, что Соединённые Штаты перейдут от безразличия к действиям. Эти надежды не оправдались. Клинтон был неопытным, незаинтересованным и замкнутым. После первого года президентства Клинтон, в конце 1993 года, я отошёл от консультирования российского правительства. Мои три года просьб о помощи к Западу сошли на нет.

For the remainder of the 1990s, the United States remained largely impassive to Russia's long-term development needs, but actively attuned to Russian oil contracts and ways to get rich from them. Russia became the Wild East, a place for American adventurers and con artists to plunder rather than a place to aid. Notorious policy scams, such as Russia's "shares for loans" deal, created a new group of super-rich Russian oligarchs, with the United States looking on or actually joining in the scam. By 1998, the edifice of shambolic financing and privatization tumbled in on itself, with Russia succumbing to the global financial crisis that had started in East Asia in 1997 and later spread to Russia.

В течение оставшейся части 1990-х годов Соединённые Штаты оставались в значительной степени безразличными к долгосрочным потребностям России в развитии, но активно реагировали на российские нефтяные контракты и способы обогащения на них. Россия превратилась в Дикий Восток, место грабежа для американских авантюристов и мошенников, а не место, где можно оказать помощь. Печально известные политические аферы, такие как российская сделка «акции в обмен на кредиты», создали новую группу сверхбогатых российских олигархов, в которой Соединённые Штаты наблюдали за этим или даже сами участвовали в этой схватке. К 1998 году здание хаотичного финансирования и приватизации рухнуло, и Россия стала жертвой мирового финансового кризиса, начавшегося в Восточной Азии в 1997 году и позднее распространившегося на Россию.

When Vladimir Putin succeeded Boris Yeltsin in 2000, Putin still expressed the hope for improved relations with the United States and Europe. Yet the following decade would poison the well. The U.S. lack of assistance to Russia in the early 1990s had been the first snub. American complicity in the rise of the oligarchs was the second grievance. The third cause of rupture was U.S. military policy, notably the expansion of NATO to the East and increased U.S. meddling in the Middle East.

Когда Владимир Путин сменил Бориса Ельцина в 2000 году, он всё ещё выражал надежду на улучшение отношений с Соединёнными Штатами и Европой. Однако следующее десятилетие отравило эту надежду. Недостаточная помощь США России в начале 1990-х годов стала первым поводом для недовольства. Соучастие Америки в возвышении олигархов стало второй причиной. Третьей причиной разрыва стала военная политика США, в частности, расширение НАТО на Восток и усиление вмешательства США в дела Ближнего Востока.

When Gorbachev gave the green light to German reunification in 1990, he reached an explicit agreement with NATO that it would not expand into the territory of East Germany. The spirit of the agreement, according to Gorbachev, was that NATO would not expand to the east, but Gorbachev did not get that in writing. Indeed, Gorbachev later declared that the idea of NATO's eastward expansion did not come up in detail because it was not realistically under consideration or foreseen in 1990. Yet that changed with the dissolution of the Soviet Union. Rather than declaring NATO passé, as it was created in the first place to defend against a Soviet invasion of Western Europe, the United States and its NATO allies took the opportunity to move NATO's military alliance eastward toward Russia.

Когда Горбачёв дал зелёный свет воссоединению Германии в 1990 году, он достиг чёткого соглашения с НАТО о том, что альянс не будет расширяться на территорию Восточной Германии. Суть соглашения, по словам Горбачёва, заключалась в том, что НАТО не будет расширяться на восток, но Горбачёв не добился этого письменно. Более того, Горбачёв позже заявил, что идея расширения НАТО на восток не обсуждалась подробно, поскольку в 1990 году она не рассматривалась и не предвиделась. Однако всё изменилось с распадом Советского Союза. Вместо того чтобы объявить НАТО устаревшим, поскольку оно было создано в первую очередь для защиты от советского вторжения в Западную Европу, Соединённые Штаты и их союзники по НАТО воспользовались возможностью и переместили военный альянс НАТО на восток, в сторону России.

The expansion of NATO toward the Russian borders is shown in the map in figure 5.1. In 1999, NATO welcomed the Czech Republic, Hungary, and Poland as new members. That might have been acceptable to Russia, but it was followed by several more gulps. In 2004, NATO added Bulgaria, Estonia, Latvia, Lithuania, Romania, Slovakia, and Slovenia as members. Putin was irate, asking at the 2007 Munich Security Conference: "Against whom is this [NATO] expansion intended? And what happened to the assurances our Western partners made after the dissolution of the Warsaw Pact?"³

Расширение НАТО к российским границам показано на карте на рисунке 5.1. В 1999 году НАТО приветствовало Чешскую Республику, Венгрию и Польшу в качестве новых членов. Это могло бы быть приемлемым для России, но за этим последовало еще несколько глотков. В 2004 году НАТО приняло в свои ряды Болгарию, Эстонию, Латвию, Литву, Румынию, Словакию и Словению. Путин был в ярости, задавая вопрос на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 года: «Против

кого направлено это расширение [НАТО]? И что случилось с гарантиями, которые наши западные партнеры дали после роспуска Варшавского договора?»³

But worse was to come. Against the advice and wishes of some NATO members, President George W. Bush decided in 2008 to offer NATO membership to Georgia and Ukraine. This offer, I believe, crossed Putin's red line. Georgia is Russia's immediate neighbor in the underbelly of the Caucasus. Ukraine lies directly athwart Europe and Russia; it is a vital buffer against European invasion, home to Russia's Black Sea naval port, and vital hub of Russia's military industry. The idea that either Georgia or Ukraine would join NATO was unacceptable to Putin. I imagine he saw it as akin to an American president's view were Mexico or Canada invited by China to join a military alliance.

Но худшее было впереди. Вопреки советам и желаниям некоторых членов НАТО, президент Джордж Буш-младший в 2008 году решил предложить членство в НАТО Грузии и Украине. Это предложение, я считаю, перешло красную линию Путина. Грузия является непосредственным соседом России в подбрюшье Кавказа. Украина расположена прямо поперек Европы и России; Это жизненно важный буфер против европейского вторжения, местонахождение российского военно-морского порта на Черном море и важнейший центр российской военной промышленности. Мысль о том, что Грузия или Украина вступят в НАТО, была неприемлема для Путина. Полагаю, он считал это чем-то вроде позиции американского президента, если бы Китай пригласил Мексику или Канаду присоединиться к военному альянсу.

Here again it's helpful to recall the security dilemma. While NATO portrays itself as a defense alliance and claims that Russia has nothing to fear from NATO enlargement, to believe that Russia also sees things this way is utterly naïve. What might look defensive to NATO surely looks offensive to Russia, especially as NATO continues to deploy new weapons systems that Russia finds threatening, to engage in new overseas missions such as the NATO-led overthrow of Libya's Moammar Khadafy in 2011, and to expand to new countries. Albania and Croatia joined in 2009, and Montenegro in 2017.

Здесь снова полезно вспомнить о дилемме безопасности. Хотя НАТО позиционирует себя как оборонительный альянс и утверждает, что России нечего бояться расширения НАТО, полагать, что Россия тоже смотрит на вещи таким образом, крайне наивно. То, что может показаться оборонительным для НАТО, несомненно, выглядит оскорбительным для России, особенно учитывая, что НАТО продолжает разворачивать новые системы вооружений, которые Россия считает угрожающими, участвовать в новых зарубежных миссиях, таких как свержение Муаммара Каддафи в Ливии под руководством НАТО в 2011 году, и расширяться на новые страны. Албания и Хорватия присоединились в 2009 году, а Черногория — в 2017 году.

Russia countered the push toward NATO enlargement with wars in Georgia (2008) and Ukraine (2014); I don't think these two Russian wars, hundreds of miles apart, were coincidental; they were triggered by the prospect that these two countries, right on Russia's borders and deeply intertwined with Russia's economic and security interests, would suddenly become members of NATO. Were Ukraine to join NATO and the European Union, Russia's military base in Sevastopol, on the Crimean Peninsula, would flip into NATO hands. In the end, Putin's actions stopped the advance of NATO to these countries, but not the intention in the minds of American exceptionalists. The tensions with Russia, now including Western sanctions against the Russian economy and the Putin regime, remain very high. Putin, in turn, raised the stakes significantly by Russia's meddling in the 2016 U.S. election.

Россия противодействовала стремлению к расширению НАТО войнами в Грузии (2008) и на Украине (2014). Не думаю, что эти две российские войны, разгоревшиеся в сотнях миль друг от друга, были случайностью; они были спровоцированы перспективой того, что эти две страны, находящиеся на границе с Россией и тесно переплетенные с её экономическими и оборонными интересами, внезапно станут членами НАТО. Если бы Украина вступила в НАТО и Европейский союз, российская военная база в Севастополе на Крымском полуострове перешла бы в руки НАТО. В конечном итоге действия Путина остановили продвижение НАТО в эти страны, но не заложили основу для намерений американских сторонников исключительности. Напряженность в отношениях с Россией, включая западные санкции против российской экономики и режима Путина,

остаётся очень высокой. Путин, в свою очередь, значительно повысил ставки вмешательством России в выборы в США в 2016 году.

U.S. policies in the Middle East after 2001 further inflamed the tensions. According to former NATO commander Wesley Clark, America's wars in the Middle East have been designed, in part, to deprive Russia of influence and friendly regimes in Iraq, Syria, and Libya. Putin repeatedly railed against America's regime-change tactics, regarding them as directly destabilizing to the Middle East, hostile to Russia's interests in the region, and a potential forerunner of similar actions by the United States against Russia itself.

Политика США на Ближнем Востоке после 2001 года ещё больше обострила напряжённость. По словам бывшего командующего НАТО Уэсли Кларка, войны Америки на Ближнем Востоке были отчасти направлены на то, чтобы лишить Россию влияния и дружественных ей режимов в Ираке, Сирии и Ливии. Путин неоднократно выступал против американской тактики смены режимов, считая её прямой дестабилизацией обстановки на Ближнем Востоке, враждебной интересам России в регионе и потенциальным предвестником аналогичных действий Соединённых Штатов против самой России.

By now the situation has become one of almost nonstop tit-for-tat retaliation. U.S. actions spur Russian counteractions, which in turn spur further American responses such as sanctions against the Russian regime, followed by further Russian responses such as cyber-meddling in the 2016 U.S. elections. Trust has disappeared, hard-liners on both sides call for escalation, and recriminations fly in both directions. Americans claim that Putin is trying to recreate the Russian Empire; Putin claims that the United States is trying to establish military dominance over Russia. Hard-liners on one side point to the hard-liners on the other for their proof.

К настоящему времени ситуация превратилась в практически непрерывную систему ответных действий. Действия США провоцируют ответные действия России, которые, в свою очередь, провоцируют дальнейшие американские ответные действия, такие как санкции против российского режима, за которыми следуют дальнейшие действия России, такие как кибервмешательство в выборы в США в 2016 году. Доверие исчезло, сторонники жёсткой линии с обеих сторон призывают к эскалации, и взаимные обвинения летят с обеих сторон. Американцы утверждают, что Путин пытается воссоздать Российскую империю; Путин утверждает, что Соединённые Штаты пытаются установить военное господство над Россией. Оправдывая свою позицию, сторонники жёсткой линии с одной стороны указывают на сторонников жёсткой линии с другой стороны.

The real solution to this spiraling conflict is to retrace our steps to Gorbachev's vision. There is no fundamental reason why economic cooperation and demilitarization could not stretch from the Atlantic to the Pacific across Russia and Central Asia. Indeed, the rise of China makes this more likely. Russia stands to benefit from the growing economic integration of Eurasia. As China recognizes, cooperation across Eurasia would indeed benefit all parts of the Eurasian landmass. Europe, Russia, China, India, and other parts of Eurasia could work together to connect renewable energy, telecommunications, transport grids, watershed management, environmental protection, and other infrastructure and services. These are all areas of potential massive mutual gain.

Реальное решение этого растущего конфликта — вернуться к видению Горбачева. Нет никаких фундаментальных причин, по которым экономическое сотрудничество и демилитаризация не могли бы простирались от Атлантики до Тихого океана через Россию и Центральную Азию. Более того, усиление Китая делает это более вероятным. Россия выиграет от растущей экономической интеграции Евразии. Как признает Китай, сотрудничество в Евразии действительно принесет пользу всем частям евразийского континента. Европа, Россия, Китай, Индия и другие части Евразии могли бы работать вместе, чтобы объединить возобновляемые источники энергии, телекоммуникации, транспортные сети, управление водоразделами, охрану окружающей среды и другие объекты инфраструктуры и услуг. Все это области потенциальной огромной взаимной выгоды.

While the United States doubles down on its exceptionalist foreign policy—indeed, pushing for an exceptionalism ever more extreme, with its strains of protectionism and racism—the rest of the world is recognizing the promise of an internationalist approach. We can learn the hard way by staying the current course and falling further and further behind. Or we can embrace a new foreign policy with sustainable development at its heart. The first step in doing so will be to disentangle ourselves from unnecessary wars and break our addiction to regime change, matters I'll turn to in part II.

В то время как Соединённые Штаты усиливают свою политику исключительности, стремясь к ещё более радикальной исключительности, с присущими ей протекционизмом и расизмом, остальной мир осознаёт потенциал интернационалистского подхода. Мы можем учиться на горьком опыте, придерживаясь нынешнего курса и всё больше отставая. Или же мы можем принять новую внешнюю политику, в основе которой лежит устойчивое развитие. Первым шагом к этому станет избавление от ненужных войн и избавление от зависимости от смены режимов, о чём я расскажу во второй части.

Part II

AMERICA'S WARS

It has required our finest historians, such as John Coatsworth and Harry S. Strout, to remind us that U.S.-led “regime change” has been a central pillar, perhaps the defining feature, of American foreign policy for centuries. Outstanding pundits and analysts such as Andrew Bacevich and Stephen Kinzer have filled in much of the detailed and often shocking narrative. Americans like to think of themselves as a peaceful society, but in truth America has been relentlessly at war from the very founding of the first colonies to the present day.

Потребовались наши лучшие историки, такие как Джон Коутсворт и Гарри С. Страут, чтобы напомнить нам, что «смена режима» под руководством США на протяжении веков была центральным столпом, возможно, определяющей чертой американской внешней политики. Выдающиеся эксперты и аналитики, такие как Эндрю Басевич и Стивен Кинцер, дополнили значительную часть подробного и зачастую шокирующего повествования. Американцам нравится считать себя миролюбивым обществом, но на самом деле Америка непрестанно воевала с самого основания первых колоний и до наших дней.

As the world's richest and most powerful nation, America has pursued a foreign policy based on the forcible overthrow of regimes deemed by U.S. security officials and politicians to be hostile to U.S. public or private interests. The CIA, established in 1947 as both an intelligence agency and a secret army for the U.S. president, has been involved in dozens of regime-change interventions, often leading to chaos, and rarely leading to the ostensible purpose: a stable government that is friendly to U.S. interests. Even when that goal is seemingly achieved in the short run, such as the U.S. and U.K. “successful” overthrow of the elected Iranian government in 1953, after which the United States installed the Shah of Iran, the anti-U.S. blowback came violently and relentlessly a quarter century later with the Iranian Revolution.

Будучи самой богатой и могущественной страной мира, Америка проводила внешнюю политику, основанную на насильственном свержении режимов, которые, по мнению американских силовиков и политиков, враждебны государственным или частным интересам США. ЦРУ, созданное в 1947 году как разведывательное агентство и тайная армия президента США, участвовало в десятках операций по смене режимов, часто приводя к хаосу и редко к достижению заявленной цели: установлению стабильного правительства, дружественного интересам США. Даже когда эта цель, казалось бы, достигалась в краткосрочной перспективе, как, например, «успешное» свержение США и Великобританией законно избранного иранского правительства в 1953 году, после чего Соединённые Штаты привели к власти шаха Ирана, ответный удар по США последовал с жестокостью и безжалостностью четверть века спустя, в Иранской революции.

America's attention has focused on different regions of the world in different generations. During the first half of the twentieth century, the United States was engaged in both world wars, but also in countless military interventions and regime-change operations in Latin America. These contributed to regional instability, failures of economic reform, and eventually to the anti-American Cuban Revolution that followed decades of U.S. militarism, corruption, and high-handedness vis-à-vis Cuba. In the 1950s to 1970s, America's foreign policy attention focused mainly on Southeast Asia, with the wars and bloodletting in Cambodia, Laos, and Vietnam. In the 1960s to 1980s, the United States once again intervened heavily in Latin America, fomenting military coups and destabilization operations such as the Contra wars in Central America in the mid-1980s.

Внимание Америки было сосредоточено на разных регионах мира в разные поколения. В первой половине XX века Соединённые Штаты участвовали в обеих мировых войнах, а также в бесчисленных военных интервенциях и операциях по смене режимов в Латинской Америке. Это способствовало региональной нестабильности, провалу экономических реформ и, в конечном итоге, антиамериканской Кубинской революции, последовавшей за десятилетиями американского милитаризма, коррупции и произвола по отношению к Кубе. В 1950–1970-х годах внешнеполитическое внимание Америки было сосредоточено главным образом на Юго-Восточной Азии, включая войны и кровопролитие в Камбодже, Лаосе и Вьетнаме. В 1960–1980-х годах Соединенные Штаты вновь активно вмешивались в дела Латинской Америки, провоцируя военные перевороты и дестабилизирующие операции, такие как войны «контрас» в Центральной Америке в середине 1980-х годов.

Since 1979, America's warmaking attention has focused predominantly on the Muslim Middle East, West Asia, and Central Asia. The United States has been engaged in almost nonstop violence in the region since the CIA began to insinuate jihadist forces into Afghanistan, in a successful gambit to provoke a Soviet invasion of that country. Since the Afghanistan war in the 1980s, America has fought two wars in Iraq, supported Iraq in its 1980s war against Iran, supported the Israeli military in several conflicts, and then after the terrorist attacks of 9/11, launched invasions of Afghanistan in 2001 and Iraq in 2003. The United States was also in the forefront of NATO's attack on Libya's Moammar Khadafy in 2011 and Syria's Bashar al-Assad from 2011 until today.

С 1979 года внимание Америки в военных действиях было сосредоточено преимущественно на мусульманском Ближнем Востоке, Западной и Центральной Азии. Соединенные Штаты были вовлечены в практически непрерывное насилие в регионе с тех пор, как ЦРУ начало перебрасывать джихадистские силы в Афганистан, успешно реализуя гамбит, чтобы спровоцировать советское вторжение в эту страну. После войны в Афганистане в 1980-х годах Америка вела две войны в Ираке, поддерживала Ирак в войне против Ирана в том же году, поддерживала израильскую армию в нескольких конфликтах, а затем, после терактов 11 сентября, начала вторжение в Афганистан в 2001 году и в Ирак в 2003 году. Соединенные Штаты также находились в авангарде наступления НАТО на Муаммара Каддафи в Ливии в 2011 году и на Башара Асада в Сирии с 2011 года и по настоящее время.

America's wars in the Middle East have had several overlapping motives: oil interests, Israel's strategic interests, U.S. and Saudi opposition to Iranian and Russian influence in the region, and others. Yet the overriding lesson is that these wars are failing to solve deeper political crises, but are leading to calamitous losses of life, property, culture, and well-being.

Войны Америки на Ближнем Востоке имели несколько пересекающихся мотивов: нефтяные интересы, стратегические интересы Израиля, противодействие США и Саудовской Аравии иранскому и российскому влиянию в регионе и другие. Однако главный урок заключается в том, что эти войны не решают более глубокие политические кризисы, а приводят к катастрофическим потерям среди населения, имуществу, культурному наследию и благосостоянию.

In this section, I describe the dangers of U.S. exceptionalism based on wars of choice and violent regime change. Such a foreign policy is contrary to the UN Charter and in violation of international law. On a practical level, it often leads to terrorism, instability, and war. My main conclusion is that the U.S. military

should withdraw from the region as it finally did successfully and prudently from Southeast Asia in the 1970s and Central America in the 1980s.

В этом разделе я описываю опасности исключительности США, основанной на войнах по выбору и насильственной смене режимов. Такая внешняя политика противоречит Уставу ООН и нарушает международное право. На практике она часто приводит к терроризму, нестабильности и войнам. Мой главный вывод заключается в том, что американские военные должны уйти из региона, как это было успешно и осмотрительно сделано в Юго-Восточной Азии в 1970-х годах и в Центральной Америке в 1980-х годах.

In the case of North Korea, that country's fears of U.S.-led regime change are a major impetus to North Korea's development of nuclear weapons and ballistic-missile delivery systems. Without prudence and caution, the ensuing escalation with North Korea could lead to nuclear Armageddon. Unfortunately, Trump's new National Security Strategy points to a continuation of U.S. hubris, a lack of attention to global diplomacy, and the risk of a costly arms race that could spill over into more open conflict.

В случае с Северной Кореей страх этой страны перед сменой режима под руководством США является основным стимулом к разработке ядерного оружия и систем доставки баллистических ракет. Без осторожности и рассудительности последующая эскалация конфликта с Северной Кореей может привести к ядерному Армагеддону. К сожалению, новая Стратегия национальной безопасности Трампа свидетельствует о сохраняющейся гордыне США, невнимании к глобальной дипломатии и риске дорогостоящей гонки вооружений, которая может перерасти в более открытый конфликт.

6 American Imperialism and “Wars of Choice”

American imperialism has always existed hand-in-hand with American exceptionalism. Since the idea of manifest destiny took hold in the nineteenth century, the United States has looked to expand its presence and its influence not just from shore to shore, but also to nations around the world. Viewing America as an empire—and by “empire” I mean a state that uses force to impose rulers on another country—we can better understand that the many wars and conflicts we now find ourselves embroiled in are not wars of necessity, but of choice.

Американский империализм всегда существовал рука об руку с американской исключительностью. С тех пор, как в XIX веке утвердилась идея предопределения, Соединенные Штаты стремились расширить свое присутствие и влияние не только за пределы континента, но и на страны по всему миру. Рассматривая Америку как империю (а под «империей» я подразумеваю государство, использующее силу для навязывания правителей другой стране), мы можем лучше понять, что многочисленные войны и конфликты, в которые мы сейчас вовлечены, — это войны не по необходимости, а по выбору.

Perhaps the most distinctive characteristic of the American empire is that it was a latecomer to imperial rule. While the European powers, especially Britain and France, were building their far-flung overseas empires in the nineteenth century, the United States was still engaged in its genocidal wars against Native Americans and its Civil War. America's overseas empire building began almost like clockwork in the 1890s, once the United States finally stretched from coast to coast, thereby “closing the frontier” in North America. The next step was overseas empire.

Возможно, самая отличительная черта американской империи заключается в том, что она поздно пришла к имперскому правлению. В то время как европейские державы, особенно Великобритания и Франция, строили свои обширные заморские империи в XIX веке, Соединенные Штаты все еще вели геноцидные войны против коренных американцев и Гражданскую войну. Строительство заморской империи Америкой началось практически как по маслу в 1890-х годах, когда Соединенные Штаты наконец простирались от побережья до побережья, тем самым «закрывая границу» в Северной Америке. Следующим шагом стала заморская империя.

As a latecomer empire, the United States repeatedly found itself taking up the imperial cloak from a former European imperial power. President William McKinley took America to war against Spain in 1898, grabbing Puerto Rico, Cuba, and the Philippines. It did so in the name of supporting local freedom fighters against the Spanish Empire, only to betray those freedom fighters immediately by installing U.S.-backed regimes (in Cuba) or direct rule (in Puerto Rico and the Philippines). McKinley annexed Hawaii the same year, against the wishes of most native Hawaiians.

Будучи империей, появившейся поздно, Соединённые Штаты неоднократно перенимали имперский плащ у бывшей европейской империалистической державы. Президент Уильям Мак-Кинли повёл Америку войной против Испании в 1898 году, захватив Пуэрто-Рико, Кубу и Филиппины. Он сделал это во имя поддержки местных борцов за свободу против Испанской империи, но тут же предал этих борцов, установив поддерживаемые США режимы (на Кубе) или прямое правление (в Пуэрто-Рико и на Филиппинах). В том же году Мак-Кинли аннексировал Гавайи, вопреки желанию большинства коренных гавайцев.

From 1898 until the end of World War II, the United States had few prospects for expanding its imperial reach, since the British and French empires were still expanding— most notably, after World War I, into the Middle East. But World War II bled Europe dry. Though Britain was a victor in the war, and France was liberated, neither country had the economic, financial, military, or political wherewithal to hold onto their overseas empires, especially since freedom movements in their colonies were engaged in terrorism and guerilla warfare to gain their independence. Britain and France peacefully granted independence to some of their colonies but in other cases fought bloody wars against the independence movements (as the French did in Algeria and Vietnam), almost always losing in the end.

С 1898 года и до конца Второй мировой войны у Соединённых Штатов было мало перспектив для расширения своего имперского влияния, поскольку Британская и Французская империи всё ещё расширялись, особенно после Первой мировой войны, на Ближний Восток. Но Вторая мировая война истощила Европу. Хотя Великобритания одержала победу в войне, а Франция была освобождена, ни одна из стран не обладала экономическими, финансовыми, военными или политическими ресурсами для удержания своих заморских империй, особенно учитывая, что освободительные движения в их колониях вели террористическую и партизанскую войну ради обретения независимости. Великобритания и Франция мирно предоставили независимость некоторым своим колониям, но в других случаях вели кровопролитные войны против движений за независимость (как это делали французы в Алжире и Вьетнаме), почти всегда в конечном итоге проигрывая.

After World War II, the United States asserted global leadership, including through indirect rule. Empires are most visible when they rule directly through conquest and annexation, such as in the U.S. conquests of Hawaii, the Philippines, and Puerto Rico at the end of the nineteenth century. Yet empires also rule indirectly, when they use force, covert or overt, to depose a government they deem hostile and replace it with a government of their design that they intend to keep under their control. Indirect rule—and especially regime-change tactics—has been the more typical U.S. approach. There are dozens of cases in which the CIA or the U.S. military has overthrown governments in Latin America, Asia, Africa, and the Middle East, with the aim of indirect rule.

После Второй мировой войны Соединённые Штаты утвердили своё мировое лидерство, в том числе посредством косвенного управления. Империи наиболее заметны, когда они правят напрямую, путём завоеваний и аннексий, как, например, при захвате США Гавайев, Филиппин и Пуэрто-Рико в конце XIX века. Однако империи также правят косвенно, применяя силу, скрытую или явную, для свержения правительства, которое они считают враждебным, и замены его созданным ими правительством, которое они намерены держать под своим контролем. Косвенное управление, и особенно тактика смены режима, были более типичным подходом для США. Существуют десятки случаев, когда ЦРУ или американские военные свергали правительства в Латинской Америке, Азии, Африке и на Ближнем Востоке с целью установления непрямого управления.

America's postwar empire building coincided with the Cold War. More often than not, the United States justified its overseas wars and CIA-led coups as necessary to defend itself and its allies against the Soviet Union. American leaders shunned the language of empire and direct rule. Yet the simple fact is that the United States very often had its own narrow interests at heart: oil wealth in the Middle East (such as Iran, 1953); valuable farmlands and industry in Latin America (such as Guatemala, 1954); and U.S. military bases across the world.

Послевоенное имперское строительство Америки совпало с холодной войной. Зачастую Соединённые Штаты оправдывали свои зарубежные войны и руководимые ЦРУ перевороты необходимостью защиты себя и своих союзников от Советского Союза. Американские лидеры избегали языка империи и прямого правления. Однако простой факт заключается в том, что Соединённые Штаты очень часто руководствовались собственными узкими интересами: нефтяными богатствами на Ближнем Востоке (например, Иран, 1953 год); ценными сельскохозяйственными угодьями и промышленностью в Латинской Америке (например, Гватемала, 1954 год); и военными базами США по всему миру.

The United States often found itself fighting a continuation of earlier imperial wars. Vietnam is a clear case in point. Following World War II, Vietnamese freedom fighters under Ho Chi Minh battled French imperial rule to establish an independent Vietnam. When the Vietnamese defeated the French in a key battle in 1954 and France decided to withdraw, the United States stepped into the fight against the Vietnamese independence fighters, a costly and bloody war that lasted until the U.S. withdrawal in 1975. By that point, more than a million Vietnamese had died at U.S. hands and more than 50,000 American soldiers had lost their lives for no reason. The U.S. warmaking also spread disastrously to neighboring Laos and Cambodia.

Соединённые Штаты часто оказывались втянутыми в продолжение предыдущих империалистических войн. Вьетнам — яркий тому пример. После Второй мировой войны вьетнамские борцы за свободу под предводительством Хо Ши Мина боролись с французским имперским правлением, чтобы создать независимый Вьетнам. Когда вьетнамцы победили французов в ключевом сражении в 1954 году, и Франция решила вывести войска, Соединённые Штаты вступили в борьбу против вьетнамских борцов за независимость. Эта дорогостоящая и кровопролитная война продолжалась до вывода войск США в 1975 году. К тому моменту от рук США погибло более миллиона вьетнамцев, а более 50 000 американских солдат лишились жизни без всякой причины. Военные действия США также катастрофически распространились на соседние Лаос и Камбоджу.

In the Middle East, the United States also took up the preceding wars of imperial Britain and France. America's motives were essentially the same: to secure Mideast oil and to project military power in Western Asia, the Eastern Mediterranean, and the Indian Ocean. In 1953, the CIA teamed up with Britain's MI6 to overthrow the elected government of Iran in order to secure Iran's oil for Britain and the United States (another instance of indirect rule). This was Britain's last imperial hurrah in the region, as the United States took the lead from that point onward.

На Ближнем Востоке Соединённые Штаты также продолжили предыдущие войны империалистов Великобритании и Франции. Мотивы Америки были, по сути, теми же: обеспечить себе ближневосточную нефть и проецировать военную мощь в Западную Азию, Восточное Средиземноморье и Индийский океан. В 1953 году ЦРУ объединилось с британской службой МИ-6, чтобы свергнуть законно избранное правительство Ирана и обеспечить поставки иранской нефти Великобритании и Соединённым Штатам (ещё один пример непрямого управления). Это был последний имперский рывок Великобритании в регионе, поскольку с этого момента США взяли на себя ведущую роль.

While there are select examples of war ushering in peace— America's shining nobility in World War II and its positive, though flawed, role in the Korean War—we should not let this obscure America's many disastrous wars of choice, when the United States went to war for terrible reasons and ended up causing

havoc at home and abroad. Take President Lyndon Johnson's escalation of the war in Vietnam in 1964, done mainly to protect himself against right-wing charges that he was "weak on communism."

Хотя существуют отдельные примеры того, как война предвещала мир — блестящее благородство Америки во Второй мировой войне и её позитивная, хотя и небезупречная, роль в Корейской войне, — мы не должны позволять этому затмевать многочисленные катастрофические войны, которые Америка вела по собственному выбору, когда Соединённые Штаты вступали в войну по ужасным причинам и в конечном итоге сеяли хаос как внутри страны, так и за рубежом. Взять, к примеру, эскалацию войны во Вьетнаме президентом Линдоном Джонсоном в 1964 году, предпринятую главным образом для того, чтобы защитить себя от обвинений правых в его «слабости перед коммунизмом».

Empires trapped in regional wars can choose to fight on or more wisely acknowledge that the imperial adventure is both futile and self-destructive. King George III was wise to give up in 1781; fighting the Americans wasn't worth the effort, even if it was possible militarily. The United States was wise to finally give up the war in Cambodia, Laos, and Vietnam in 1975. America's decision to cut its losses saved not only Southeast Asia but the United States as well. The United States was similarly wise to curtail its CIA-led coups throughout Latin America, as a prelude to peace in the region.

Империи, застрявшие в региональных войнах, могут решить продолжать борьбу или, что более разумно, признать, что имперская авантюра бесполезна и саморазрушительна. Король Георг III поступил мудро, сдавшись в 1781 году; борьба с американцами не стоила усилий, даже если бы это было возможно в военном отношении. Соединённые Штаты поступили мудро, окончательно отказавшись от войны в Камбодже, Лаосе и Вьетнаме в 1975 году. Решение Америки сократить свои потери спасло не только Юго-Восточную Азию, но и Соединённые Штаты. Соединённые Штаты поступили столь же мудро, прекратив руководимые ЦРУ перевороты по всей Латинской Америке, что стало прелюдией к миру в регионе.

And yet the United States is now ensnared in a perpetual, indeed expanding Middle East war. To examine the political histories of Lebanon, Iraq, Iran, Afghanistan, Syria, Libya, Yemen, and Israel-Palestine after 1950 is to observe the United States engaged in the intrigues, wars, CIA-led coups, and military overthrows that had been the handiwork of Britain and France during earlier decades. The CIA toppled governments in the Middle East on countless occasions. When lamenting the entrenched conflict in the region, media pundits tended to overlook the U.S. role in this instability.

И всё же Соединённые Штаты сейчас втянуты в перманентную, фактически расширяющуюся войну на Ближнем Востоке. Изучая политическую историю Ливана, Ирака, Ирана, Афганистана, Сирии, Ливии, Йемена и Израиля-Палестины после 1950 года, мы видим, как Соединённые Штаты были вовлечены в интриги, войны, руководимые ЦРУ перевороты и военные перевороты, которые были делом рук Великобритании и Франции в предыдущие десятилетия. ЦРУ бесчисленное количество раз свергало правительства на Ближнем Востоке. Сетую на затянувшийся конфликт в регионе, медиа-эксперты склонны упускать из виду роль США в этой нестабильности.

President George W. Bush took America to war against the Taliban-led government of Afghanistan in 2001 and against Iraq's Saddam Hussein in 2003, according to the remarkably naïve neoconservative game plan to rid the greater Middle East of regimes hostile to U.S. interests. The American imperial vision proved to be a fantasy, and the U.S.-led violence came to naught—worse than naught—in terms of U.S. interests.

Президент Джордж Буш-младший в 2001 году повёл Америку войной против возглавляемого Талибаном правительства Афганистана и против Саддама Хусейна в Ираке в 2003 году, следуя удивительно наивному неоконсервативному плану по избавлению Большого Ближнего Востока от режимов, враждебных интересам США. Американское имперское видение оказалось фантазией, и насилие, возглавляемое США, сошло на нет — даже хуже, чем на нет — с точки зрения интересов США.

The issue is not whether an imperial army can defeat a local one. It usually can, just as the United States did quickly in Afghanistan and in Iraq. The issue is whether it gains anything by doing so. Following such a “victory,” the imperial power faces unending heavy costs in terms of policing, political instability, guerilla war, and terrorist blowback.

Вопрос не в том, может ли имперская армия победить местную. Обычно это возможно, как это быстро сделали Соединённые Штаты в Афганистане и Ираке. Вопрос в том, выигрывает ли она что-либо от этого. После такой «победы» имперская власть сталкивается с бесконечными и тяжёлыми издержками в виде поддержания порядка, политической нестабильности, партизанской войны и ответного удара террористов.

There are also countless bloody cases in which the United States and local allies tried and failed to overthrow a government and instead fomented a prolonged war. The ongoing war in Syria is a case in point.

Существует также бесчисленное множество кровавых случаев, когда Соединённые Штаты и их местные союзники пытались, но не смогли свергнуть правительство, и вместо этого разжигали затяжную войну. Продолжающаяся война в Сирии — яркий тому пример.

Our intervention in Syria in support of a rebellion against Bashar al-Assad was ostensibly done on humanitarian grounds. Yet we know from WikiLeaks and other sources that U.S. strategists were looking for a way to topple Assad for years before 2011, hoping that economic instability and IMF-backed austerity would do the job. The United States and Saudi Arabia wanted him out because of Iran’s backing of the regime. When the Arab Spring erupted in early 2011, the Obama administration seized on it as an opportunity to nudge Assad out the door.

Наше вмешательство в Сирию в поддержку восстания против Башара Асада было якобы совершено по гуманитарным соображениям. Однако из WikiLeaks и других источников мы знаем, что американские стратеги годами до 2011 года искали способ свергнуть Асада, надеясь, что экономическая нестабильность и поддерживаемые МВФ меры жёсткой экономии справятся с этой задачей. Соединённые Штаты и Саудовская Аравия хотели его отставки из-за поддержки режима Ираном. Когда в начале 2011 года разразилась Арабская весна, администрация Обамы воспользовалась ею как возможностью вытеснить Асада за дверь.

When Assad showed his staying power, President Obama ordered the CIA to coordinate efforts with Saudi Arabia and Turkey to defeat the regime through support for anti-regime fighters on the ground. Thus, the quick exit of Assad once dreamed of by U.S. strategists turned into a full-blown regional war, with the United States, Saudi Arabia, Turkey, Russia, and Iran all competing for power through proxy fighters including jihadist groups. With backing from Iran and Russia, Assad could not be removed.

Когда Асад продемонстрировал свою стойкость, президент Обама приказал ЦРУ координировать усилия с Саудовской Аравией и Турцией для разгрома режима посредством поддержки антиправительственных боевиков на местах. Таким образом, быстрый уход Асада, о котором когда-то мечтали американские стратеги, превратился в полномасштабную региональную войну, в которой США, Саудовская Аравия, Турция, Россия и Иран боролись за власть через своих марионеточных бойцов, включая джихадистские группировки. При поддержке Ирана и России Асада невозможно было сместить.

The U.S.-led intervention in Libya was also allegedly for humanitarian purposes, to protect civilian populations against Moammar Khadafy. While Khadafy was eventually toppled, his removal required a NATO-led war over several months and, as in Syria, the civilian population ended up suffering horrific harms. Whether the overthrows have succeeded or failed, the long-term consequences have almost always been violence and instability.

Вмешательство США в Ливию также якобы преследовало гуманитарные цели – защиту мирного населения от Муаммара Каддафи. Хотя Каддафи в конечном итоге был свергнут, его свержение

потребовало многомесячной войны под руководством НАТО, и, как и в Сирии, мирное население в итоге пострадало от ужасных последствий. Независимо от того, увенчались ли перевороты успехом или нет, долгосрочными последствиями почти всегда были насилие и нестабильность.

The United States is now ensnared in a perpetual, indeed expanding Middle East war, with drones and air strikes increasingly replacing ground troops. In the past, U.S. ground troops committed atrocities, such as My Lai in Vietnam, that were seared into the national conscience. Now that we have drone strikes and bombing runs (as in Syria and Yemen), most of the killings are out of sight, beyond the media's reach. In any event, the U.S. public is completely habituated to war. The U.S. destruction of hospitals, wedding parties, or prayer meetings with dozens or hundreds of civilian casualties hardly registers a moment's notice.

Соединённые Штаты оказались в ловушке перманентной, по сути, расширяющейся войны на Ближнем Востоке, где беспилотники и авиаудары всё чаще заменяют сухопутные войска. В прошлом американские сухопутные войска совершали зверства, такие как бойня в Сонгми во Вьетнаме, которые навсегда остались в памяти нации. Теперь, когда у нас есть беспилотники и бомбардировки (как в Сирии и Йемене), большинство убийств скрыто от глаз, вне досягаемости СМИ. В любом случае, американская общественность полностью привыкла к войне. Разрушение США больниц, свадебных торжеств или молитвенных собраний с десятками или сотнями жертв среди мирного населения едва ли заметят хоть на мгновение.

The United States is trapped in the Middle East by its own pseudo-intellectual constructions. During the Vietnam War, the “domino theory” claimed that if the United States withdrew from Vietnam, communism would sweep Asia. The new domino theory is that if the United States were to stop fighting in the Middle East, Islamic terrorists such as ISIS would soon be at our doorstep.

Соединённые Штаты оказались в ловушке на Ближнем Востоке из-за собственных псевдоинтеллектуальных построений. Во время войны во Вьетнаме «теория домино» утверждала, что если Соединённые Штаты выведут войска из Вьетнама, коммунизм охватит Азию. Новая теория домино заключается в том, что если Соединённые Штаты прекратят военные действия на Ближнем Востоке, исламские террористы, такие как ИГИЛ, вскоре окажутся у нас на пороге.

The truth is almost the opposite. ISIS is a ragtag army of perhaps 30,000 troops in a region in which the large nations—including Saudi Arabia, Iran, Iraq, and Turkey— have standing armies that are vastly larger and better equipped. I argued for years that the regional powers could easily drive ISIS out of the territories it held in Syria and Iraq if the regional powers chose to do so, and indeed that proved to be the case in 2017, when both Iraq and Syria retook ISIS territory. The U.S. military presence in the Middle East is actually the main recruiting tool for ISIS and other terrorist groups. Young people stream into Syria and Iraq to fight the imperial enemy.

Правда почти противоположна. ИГИЛ — это разношёрстная армия численностью около 30 000 человек, расположенная в регионе, где крупные страны, включая Саудовскую Аравию, Иран, Ирак и Турцию, имеют регулярные армии, значительно превосходящие по численности и лучше оснащенные. Я годами утверждал, что региональные державы могли бы легко вытеснить ИГИЛ с территорий в Сирии и Ираке, которые оно удерживало, если бы они сами этого захотели, и это действительно подтвердилось в 2017 году, когда и Ирак, и Сирия вернули себе территорию ИГИЛ. Военное присутствие США на Ближнем Востоке фактически является основным инструментом вербовки для ИГИЛ и других террористических группировок. Молодежь устремляется в Сирию и Ирак, чтобы сражаться с имперским врагом.

Terrorism is a frequent consequence of imperial wars and imperial rule. Local populations are unable to defeat the imperial powers, so they impose high costs through terror instead. Consider the terrorism used by Jewish settlers against the British Empire and local Palestinians in their fight for Israel's independence and territory; or Serbian terrorism deployed against the Hapsburg Empire; or Vietnamese terrorism used against the French and United States in Vietnam's long war for independence; or American terrorism, for that matter, that independence fighters used against the British in America's war of independence.

Терроризм – частое следствие имперских войн и имперского правления. Местное население неспособно победить имперские державы, поэтому они вместо этого навязывают им высокие издержки посредством террора. Вспомните терроризм, используемый еврейскими поселенцами против Британской империи и местных палестинцев в их борьбе за независимость и территорию Израиля; или сербский терроризм, направленный против Габсбургской империи; или вьетнамский терроризм, направленный против Франции и США в долгой войне за независимость Вьетнама; или, если уж на то пошло, американский терроризм, который борцы за независимость использовали против британцев в войне за независимость Америки.

This is of course not to condone terrorism. Indeed, my point is to condemn imperial rule and to argue for political solutions rather than the oppression, war, and terror that come in its wake. Imperial rulers—whether the British in pre-independence America, the Americans in Cuba and the Philippines after 1898, the French and Americans in Vietnam, or the United States in the Middle East in recent decades—foment violent reactions that destroy peace, prosperity, good governance, and hope. The real solutions to these conflicts lie in diplomacy and political justice, not in imperial rule, repression, and terror.

Конечно, это не оправдание терроризма. На самом деле, моя цель – осудить имперское правление и выступить за политические решения, а не за угнетение, войну и террор, которые оно несет с собой. Имперские правители – будь то британцы в Америке до обретения независимости, американцы на Кубе и Филиппинах после 1898 года, французы и американцы во Вьетнаме или Соединенные Штаты на Ближнем Востоке в последние десятилетия – разжигают насильственные реакции, которые разрушают мир, процветание, благое управление и надежду. Реальные решения этих конфликтов лежат в дипломатии и политической справедливости, а не в имперском правлении, репрессиях и терроре.

So while our current logic compels us to continue ongoing conflicts in order to avoid the spread of terrorism, we should just avoid wars of choice in the first place. If you doubt that they are “of choice,” consider that in these cases—the Spanish American War, the Vietnam War, and the Mideast wars—the United States attacked the other countries first, not in self-defense, as in World War II. The sinking of the USS Maine in Havana Harbor in 1898, most likely caused by an onboard explosion in the ship's coal bunkers, became a cause for war when the sinking was attributed to Spain. Lyndon B. Johnson expanded the war in Vietnam on the pretext that North Vietnam had attacked the USS Maddox in the Gulf of Tonkin, but Johnson knew that the claim was false. Nor had Saddam, Assad, or Khadafy attacked the United States. The claim that Khadafy was about to commit genocide against his people was propaganda. In the case of Iraq, the pretext was Saddam's nonexistent weapons of mass destruction.

Поэтому, хотя наша нынешняя логика вынуждает нас продолжать текущие конфликты во избежание распространения терроризма, нам следует в первую очередь избегать войн по выбору. Если вы сомневаетесь в их «выборе», подумайте, что в этих случаях — в испано-американской войне, войне во Вьетнаме и войнах на Ближнем Востоке — Соединенные Штаты первыми нападали на другие страны, а не в целях самообороны, как во Второй мировой войне. Гибель линкора «Мэн» в гавани Гаваны в 1898 году, скорее всего, вызванная взрывом в угольных бункерах корабля, стала поводом к войне, когда вину за потопление приписали Испании. Линдон Б. Джонсон расширил масштабы войны во Вьетнаме под предлогом того, что Северный Вьетнам атаковал линкор «Мэддокс» в Тонкинском заливе, но Джонсон знал, что это утверждение ложно. Ни Саддам, ни Асад, ни Каддафи не нападали на Соединенные Штаты. Утверждение о том, что Каддафи собирался совершить геноцид против своего народа, было пропагандой. В случае с Ираком предлогом послужило несуществующее оружие массового поражения Саддама.

Since the birth of the United Nations in 1945, such wars of choice are actually against international law. The UN Charter allows for wars of self-defense and military actions agreed upon by the UN Security Council. The UN Security Council may approve military interventions to protect civilian populations from the crimes of their own government under the doctrine of “Responsibility to Protect.” No country can go it alone other than in self-defense.

С момента создания Организации Объединённых Наций в 1945 году подобные войны по собственному выбору фактически противоречат международному праву. Устав ООН допускает войны в целях самообороны и военные действия, согласованные Советом Безопасности ООН. Совет Безопасности ООН может одобрить военное вмешательство для защиты гражданского населения от преступлений своего правительства в соответствии с доктриной «ответственности за защиту». Ни одна страна не может действовать в одиночку, кроме как в целях самообороны.

Many Americans dismiss the UN Security Council on the grounds that Russia will veto every needed action. Yet this is absolutely not the case. Russia and China indeed agreed to a military intervention in Libya in 2011 in order to protect Libya's civilian population. But then NATO used that UN resolution as a pretext to actually topple Khadafy, not merely to protect the civilian population. Russia and China also recently teamed up with the United States to achieve the nuclear agreement with Iran, to adopt the Paris Climate Agreement, and to adopt the Sustainable Development Goals. Diplomacy is feasible. Getting one's way all the time is not.

Многие американцы игнорируют Совет Безопасности ООН, утверждая, что Россия наложит вето на любые необходимые действия. Однако это совершенно не так. Россия и Китай действительно согласились на военное вмешательство в Ливию в 2011 году для защиты гражданского населения Ливии. Но затем НАТО использовало эту резолюцию ООН как предлог для фактического свержения Каддафи, а не просто для защиты гражданского населения. Россия и Китай также недавно объединили усилия с США для достижения ядерного соглашения с Ираном, принятия Парижского соглашения по климату и принятия Целей устойчивого развития. Дипломатия возможна. Постоянно добиваться своего — нет.

There's a good reason such wars are illegal: they have been disasters, one after the next. In the Spanish-American war, the United States gained an empire and fertile farmland in Cuba, but also decades of political instability there and in the Philippines, eventually resulting in Philippine independence and an anti-American revolution in Cuba. In World War I, the U.S. intervention turned the tide toward the victory of France and the United Kingdom over Germany and the Ottoman Empire, only to be followed by a disastrous peace settlement, instability in Europe and the Middle East, and the rise of Hitler in the ensuing chaos fifteen years later. In Vietnam, the war led to 55,000 Americans dead, 1 million or more Vietnamese killed, genocide in next-door Cambodia, destabilization of the U.S. economy, and, eventually, complete U.S. withdrawal.

Есть веская причина, по которой такие войны незаконны: они обернулись катастрофами одна за другой. В испано-американской войне Соединенные Штаты получили империю и плодородные сельскохозяйственные земли на Кубе, но также десятилетия политической нестабильности там и на Филиппинах, что в конечном итоге привело к независимости Филиппин и антиамериканской революции на Кубе. В Первой мировой войне вмешательство США переломило ход событий к победе Франции и Великобритании над Германией и Османской империей, за которой последовало катастрофическое мирное урегулирование, нестабильность в Европе и на Ближнем Востоке и приход Гитлера к власти в последовавшем хаосе пятнадцать лет спустя. Во Вьетнаме война привела к гибели 55 000 американцев, более миллиона вьетнамцев, геноциду в соседней Камбодже, дестабилизации экономики США и, в конечном итоге, к полному выводу американских войск.

In Afghanistan, Iraq, and Libya, the regimes were quickly defeated by U.S.-led forces, but peace and stability proved elusive. All of these countries have been wracked by continuing war, terrorism, and U.S. military engagement. And in Syria, the United States was not even successful in toppling Assad— and led to the entry of ISIS into Syria.

В Афганистане, Ираке и Ливии режимы были быстро разгромлены войсками под руководством США, но мир и стабильность оказались недостижимыми. Все эти страны охвачены продолжающейся войной, терроризмом и военным вмешательством США. А в Сирии Соединённым Штатам даже не удалось свергнуть Асада, что привело к вторжению ИГИЛ в Сирию.

It's not so hard to rev up the American public to fight a war, even a horribly misguided one, if the government claims falsely that the United States is under attack or is acting in the service of some grand humanitarian cause. Yet these have been the pretexts, not the reasons, for the wars of choice.

Не так уж сложно подтолкнуть американскую общественность к войне, пусть даже совершенно бессмысленной, если правительство ложно утверждает, что Соединённые Штаты подвергаются нападению или действуют в интересах какой-то великой гуманитарной цели. Однако именно эти заявления стали предлогом, а не причиной для войн по собственному выбору.

There is one foreign policy goal that matters above all the others, and that is to keep the United States out of a new war, whether in Syria, North Korea, or elsewhere. In 2017 alone, President Trump struck Syria with Tomahawk missiles, bombed Afghanistan with the most powerful nonnuclear bomb in the U.S. arsenal, and sent an armada toward nuclear-armed North Korea. We could easily find ourselves in a rapidly escalating war, one that could pit the United States directly against nucleararmed countries of China, North Korea, and Russia.

Есть одна цель внешней политики, которая важнее всех остальных: не допустить участия Соединённых Штатов в новой войне, будь то в Сирии, Северной Корее или где-либо ещё. Только в 2017 году президент Трамп нанёс удар по Сирии ракетами «Томагавк», бомбил Афганистан самой мощной неядерной бомбой в арсенале США и направил армаду в сторону Северной Кореи, обладающей ядерным оружием. Мы легко можем оказаться втянутыми в быстро обостряющуюся войну, в которой Соединенные Штаты могут напрямую столкнуться с ядерными странами: Китаем, Северной Кореей и Россией.

Such a war, if it turned nuclear and global, could end the world. Even a nonnuclear war could end democracy in the United States, or the United States as a unified nation. Who thought the Soviet Union's war in Afghanistan would end the Soviet Union itself? Which of the belligerents at the start of World War I foresaw the catastrophic end of four giant empires—Hohenzollern (Prussia), Romanov (Russia), Ottoman, and Hapsburg—as a result of the war?

Такая война, если она станет ядерной и глобальной, может положить конец миру. Даже неядерная война может положить конец демократии в Соединенных Штатах или Соединенным Штатам как единому государству. Кто мог подумать, что война Советского Союза в Афганистане положит конец самому Советскому Союзу? Кто из воюющих сторон в начале Первой мировой войны предвидел катастрофический конец четырех гигантских империй — Гогенцоллернов (Пруссия), Романовых (Россия), Османской империи и Габсбургов — в результате этой войны?

There are actions we can undertake to prevent new wars and covert engagements. As a first step, the CIA should be drastically restructured, to be solely an intelligence agency rather than an unaccountable secret army of the president. When the CIA was created in 1947, it was given the two very different roles of intelligence and covert operations. Truman was alarmed about this dual role, and time has proved him right. The CIA has been a vital success when it provides key intelligence, but an unmitigated disaster when it serves as the president's secret army. We need to end the military functions of the CIA, yet Trump has recently expanded the CIA's warmaking powers by giving the agency the authority to target drone strikes without Pentagon approval.

Мы можем предпринять действия для предотвращения новых войн и тайных операций. В качестве первого шага следует радикально реструктурировать ЦРУ, чтобы оно стало исключительно разведывательным агентством, а не безответственной секретной армией президента. Когда ЦРУ было создано в 1947 году, ему были отведены две совершенно разные роли: разведка и тайные операции. Трумэн был встревожен этой двойной ролью, и время подтвердило его правоту. ЦРУ добилось жизненного успеха, предоставляя ключевые разведданные, но превратилось в настоящую катастрофу, когда стало секретной армией президента. Нам необходимо положить конец военным функциям ЦРУ, однако Трамп недавно расширил военные полномочия ЦРУ, предоставив агентству право наносить удары с беспилотников без одобрения Пентагона.

Second, it is vital for Congress to reestablish its decisionmaking authority over war and peace. That is its constitutional role, indeed perhaps its most important constitutional role as a bulwark of democratic government. Yet Congress has almost completely abandoned this responsibility. When Trump brandishes the sword toward North Korea or drops bombs on Afghanistan, Iraq, Syria, and Yemen, Congress is mute, neither investigating nor granting nor revoking any legislative authority for such actions. This is Congress's greatest dereliction of duty. Congress needs to wake up before Trump launches an impetuous and potentially calamitous war against nuclear-armed North Korea.

Во-вторых, Конгрессу крайне важно восстановить свои полномочия по принятию решений в вопросах войны и мира. Это его конституционная роль, возможно, самая важная конституционная роль оплота демократического правления. Однако Конгресс практически полностью отказался от этой ответственности. Когда Трамп замахивается мечом на Северную Корею или сбрасывает бомбы на Афганистан, Ирак, Сирию и Йемен, Конгресс молчит, не расследуя, не предоставляя и не отзывая никаких законодательных полномочий на подобные действия. Это величайшее нарушение Конгрессом своих обязанностей. Конгрессу необходимо проснуться, прежде чем Трамп развяжет безудержную и потенциально катастрофическую войну против ядерной Северной Кореи.

Third, it is essential to break the secrecy over U.S. foreign policy-making. Most urgently, we need an inquest into U.S. involvement in Syria in order for the public to understand how we arrived at the current morass. Since Congress is unlikely to undertake this, and since the executive branch would of course never do so, the responsibility lies with civil society, especially academia and other policy experts, to coalesce around an information-gathering and -reporting function.

В-третьих, крайне важно снять завесу тайны над внешней политикой США. В первую очередь нам необходимо провести расследование вмешательства США в сирийский конфликт, чтобы общественность поняла, как мы оказались в нынешнем тупике. Поскольку Конгресс вряд ли этим займется, а исполнительная власть, конечно же, никогда этого не сделает, ответственность лежит на гражданском обществе, особенно на академических кругах и других политических экспертах, которые должны объединиться вокруг функции сбора и представления информации.

Fourth, we need urgently to return to global diplomacy within the UN Security Council, as I'll consider further in part IV.

В-четвертых, нам необходимо срочно вернуться к глобальной дипломатии в рамках Совета Безопасности ООН, о чем я подробнее расскажу в части IV.

Finally, the United States must get out of those conflicts it's already involved in. This means an immediate end to its fighting in the Middle East and a turn to UN-based diplomacy for real solutions and security. The Turks, Arabs, and Persians have lived together as organized states for around 2,500 years. The United States has meddled unsuccessfully in the region for sixty-five years. It's time to let the locals sort out their problems, without their being inflamed by outside powers, and supported by the good offices of the United Nations, including peacekeeping and peace-building efforts. Just recently, the Arabs once again wisely and rightly reiterated their support for a two-state solution between Israelis and Palestinians if Israel withdraws from the conquered territories. America's unhelpful interventions are sure to fail. As we'll see in the next chapter, the complex history of this region—made all the more complex through foreign meddling—requires that the states involved take the lead. We should support their decisions with diplomacy, not war.

Наконец, Соединенным Штатам необходимо выйти из тех конфликтов, в которые они уже вовлечены. Это означает немедленное прекращение боевых действий на Ближнем Востоке и обращение к дипломатии ООН для поиска реальных решений и обеспечения безопасности. Турки, арабы и персы живут вместе как организованные государства уже около 2500 лет. Соединенные Штаты безуспешно вмешиваются в дела региона уже шестьдесят пять лет. Пришло время позволить местным жителям решать свои проблемы без без разжигания их внешними силами и при поддержке добрых услуг Организации Объединённых Наций, включая миротворческие и миростроительные усилия. Совсем недавно арабы вновь мудро и справедливо заявили о своей

поддержке решения о создании двух государств между израильтянами и палестинцами при условии ухода Израиля с захваченных территорий. Неэффективные вмешательства Америки обречены на провал. Как мы увидим в следующей главе, сложная история этого региона, усложнённая иностранным вмешательством, требует от заинтересованных государств взять на себя инициативу. Мы должны подкреплять их решения дипломатией, а не войной.

7 ENDING THE ISRAELI-PALESTINIAN CONFLICT

Peace between Jews and Arabs in Israel and Palestine (Gaza and the West Bank) has been elusive for a century. The United States has repeatedly aimed at brokering a peace deal, only to see the negotiations crash in a new round of enmity and violence. When Donald Trump unilaterally recognized Jerusalem as Israel's capital in December 2017, over the strenuous objections of the other UN Security Council members and the UN General Assembly, the Palestinian Authority denounced the United States, abandoned the quarter-century of negotiations under the Oslo Agreement, and asserted that the Palestinians would never allow the United States to play the role of peace mediator again.

Мир между евреями и арабами в Израиле и Палестине (в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан) был неуловим на протяжении столетия. Соединенные Штаты неоднократно пытались выступить посредником в мирном соглашении, но переговоры терпели крах из-за нового витка враждебности и насилия. Когда Дональд Трамп в одностороннем порядке признал Иерусалим столицей Израиля в декабре 2017 года, несмотря на решительные возражения других членов Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи ООН, Палестинская администрация осудила Соединенные Штаты, отказалась от четвертьвековых переговоров в рамках Соглашения Осло и заявила, что палестинцы никогда больше не позволят Соединенным Штатам играть роль посредника в мирном урегулировании.

The truth is that such enmity has been present ever since the 1917 Balfour Declaration, by which the British Empire declared a Jewish homeland in the Ottoman region of Palestine. When the Ottoman Empire was defeated in World War I and subsequently collapsed, the British Empire took control of Palestine in 1920 and began to implement the Balfour Declaration, admitting Jewish settlers in large numbers into the British mandate. Since then, Arabs and Jews in Palestine (and after 1948, Israel) have clashed repeatedly and remorselessly. As with so many other conflict zones, the European imperial power (in this case Britain) turned the mess over to the United States after World War II. Since then, the United States has claimed to be acting as a broker and mediator between the two parties. In practice, the United States has been the guarantor and financier of Israel's security, and the Palestinians have repeatedly rejected U.S. peace offers as one-sided in favor of Israel.

Правда заключается в том, что эта враждебность существовала с момента принятия Декларации Бальфура 1917 года, в которой Британская империя объявила еврейский родиной Османскую часть Палестины. После поражения Османской империи в Первой мировой войне и последующего распада, в 1920 году Британская империя взяла под свой контроль Палестину и начала реализацию Декларации Бальфура, приняв в большом количестве еврейских поселенцев в подмандатную территорию Великобритании. С тех пор арабы и евреи в Палестине (а после 1948 года и в Израиле) неоднократно и безжалостно конфликтовали. Как и во многих других зонах конфликта, европейская империалистическая держава (в данном случае Великобритания) передала этот конфликт Соединённым Штатам после Второй мировой войны. С тех пор Соединённые Штаты заявляли о своей роли посредника и брокера между двумя сторонами. На практике Соединённые Штаты были гарантом и источником финансирования безопасности Израиля, а палестинцы неоднократно отвергали мирные предложения США, считая их односторонними в пользу Израиля.

For the past one hundred years, one can track four positions in the often desperate clash of interests.

За последние сто лет можно выделить четыре позиции в этом зачастую отчаянном столкновении интересов.

The first, held by Arab hard-liners today, is that the Jewish homeland of the Balfour Declaration, and later the state of Israel, are products of European imperialism, specifically the British Empire, and a violation of basic Arab rights. This position calls for an end to the state of Israel, and for the hardest hard-liners the dismantling and departure of the Jewish community.

Первая позиция, которой придерживаются сегодняшние арабские сторонники жёсткой линии, заключается в том, что еврейская родина, обозначенная в Декларации Бальфура, а позднее и государство Израиль, являются порождением европейского империализма, в частности Британской империи, и нарушают основные права арабов. Эта позиция призывает к прекращению существования государства Израиль, а самые ярые сторонники жёсткой линии – к роспуску и уходу еврейской общины.

The second, held by Jewish hard-liners today, is that the Jewish state marks the return of the Jewish people to the state promised them by God. The exile is over, and the Jews have returned to their biblical homeland. The Arabs have no claims to the Jews' God-given lands and should be encouraged to leave the Jewish lands entirely, or at most to live in Jewish-controlled enclaves akin to the Bantustans of apartheid South Africa.

Вторая позиция, которой придерживаются сегодняшние еврейские сторонники жёсткой линии, заключается в том, что еврейское государство знаменует собой возвращение еврейского народа в государство, обещанное ему Богом. Изгнание закончилось, и евреи вернулись на свою библейскую родину. Арабы не претендуют на земли, дарованные евреям Богом, и их следует поощрять полностью покинуть еврейские земли или, в крайнем случае, жить в контролируемых евреями анклавах, подобных бантустанам в Южной Африке времён апартеида.

The third, apparently held by majorities of both Jewish Israelis and Arabs, according to countless opinion surveys over several decades, is that the region that was once Ottoman Palestine and later the British Mandatory Region should be divided into two states, Israel and Palestine, living peacefully with each other, with Jerusalem the capital of both countries (Arab-majority East Jerusalem in the case of Palestine). This, of course, is the "two-state solution." The predominant idea, enshrined in UN declarations and the Oslo peace process, is that the division of the two states should occur along the boundaries of Israel before the 1967 war, with minor and mutually agreed small variations.

Третий вариант, которого, по всей видимости, придерживается большинство как израильских евреев, так и арабов, согласно бесчисленным опросам общественного мнения, проводившимся на протяжении нескольких десятилетий, заключается в том, что регион, который когда-то был Османской Палестиной, а затем Британским подмандатным регионом, должен быть разделён на два государства, Израиль и Палестину, мирно сосуществующих друг с другом, при этом Иерусалим должен стать столицей обеих стран (в случае Палестины — Восточного Иерусалима с арабским большинством). Это, конечно же, «решение о двух государствах». Преобладающая идея, закреплённая в декларациях ООН и мирном процессе в Осло, заключается в том, что разделение двух государств должно произойти по границам Израиля до войны 1967 года с небольшими и взаимно согласованными изменениями.

The fourth, considered a radical and idealistic vision by many or most, is a one-state solution with Jews and Arabs living side by side, with national (ethnic) rights for each community. Just as Belgium is divided between the Flemish and Walloons, the single binational state would be divided between Jews and Arabs.

Четвёртый вариант, который многие, если не большинство, считают радикальным и идеалистическим, – это решение с единым государством, где евреи и арабы живут бок о бок, с национальными (этническими) правами для каждой общины. Подобно тому, как Бельгия разделена между фламандцами и валлонами, единое двунациональное государство будет разделено между евреями и арабами.

Depending on one's point of view, then, the Israel-Palestine conflict is (a) a fundamental clash of religious claims, Bible versus Koran; (b) a legacy of European imperialism; or (c) an issue in need of urgent, practical, mutual accommodation. In a real sense, of course, it is all of the above, since there are ardent advocates of each of these perspectives. There is a fourth perspective as well, the politics of regional power. Just as Britain's control of Mandatory Palestine was part of Britain's overarching imperial strategy for the Middle East and the Indian Ocean, America's role in the conflict is part of America's grand strategy as well, a piece of the exceptionalist world map. U.S. exceptionalism has made U.S. mediation ineffective at the least, and duplicitous in practice, failing to insist on the mutual accommodations by both sides that could lead to peace.

Таким образом, в зависимости от точки зрения, израильско-палестинский конфликт – это (а) фундаментальное столкновение религиозных убеждений, Библия против Корана; (б) наследие европейского империализма; или (в) проблема, требующая безотлагательного, практического и взаимного урегулирования. В реальном смысле, конечно, это все вышеперечисленное, поскольку существуют ярые сторонники каждой из этих точек зрения. Существует и четвертая точка зрения – политика региональной власти. Подобно тому, как контроль Великобритании над подмандатной Палестиной был частью всеобъемлющей имперской стратегии Великобритании на Ближнем Востоке и в Индийском океане, роль Америки в этом конфликте также является частью большой стратегии Америки, частью карты мира, основанной на исключительности. Исключительность США сделала посредничество США как минимум неэффективным, а на практике – двуличным, поскольку не удалось добиться взаимных уступок с обеих сторон, которые могли бы привести к миру.

As in so many other parts of the Middle East, and indeed other parts of the world, the roots of today's crisis go back to duplicitous dealings by the European imperial powers during and after World War I. Let us therefore return to the situation a century ago, to better understand possible solutions for today and the future.

Как и во многих других частях Ближнего Востока, да и вообще в других частях мира, корни сегодняшнего кризиса кроются в двуличных действиях европейских империалистов во время и после Первой мировой войны. Поэтому давайте вернёмся к ситуации столетней давности, чтобы лучше понять возможные решения для сегодняшнего дня и будущего.

The lands that today are Israel, Gaza, and the West Bank were over the course of the past 3,000 years parts of the biblical Jewish kingdoms of Israel and Judah, Assyria, Babylonia, Persia, Greek (Selucid) empire, Hasmonean (Jewish) dynasty, Roman empire, Byzantium, various Muslim caliphates, Crusader Kingdom, Egyptian Mamluks, and starting in 1517, the Ottoman Empire for four centuries. During the Ottoman period, the region of Palestine was settled overwhelmingly by Arabs. Small numbers of religious Jews lived in Jerusalem for centuries, and greater numbers of Jewish emigrants began to arrive at the end of the nineteenth century following the anti-Jewish pogroms in Russia. The idea of a renewed Jewish homeland in the Jews' biblical lands was revived at the end of the nineteenth century by Theodor Herzl, the Vienna-based founder of modern Zionism.

Территории, которые сегодня занимают Израиль, Газа и Западный берег реки Иордан, на протяжении последних 3000 лет входили в состав библейских еврейских царств Израиля и Иудеи, а также Ассирии, Вавилонии, Персии, Греческой империи Селевкидов, династии Хасмонеев (иудейской), Римской империи, Византии, различных мусульманских халифатов, королевства крестоносцев, египетских мамлюков и, начиная с 1517 года, Османской империи на протяжении четырёх веков. В период Османской империи территория Палестины была преимущественно заселена арабами. Небольшое количество религиозных евреев проживало в Иерусалиме на протяжении веков, а в конце XIX века после антиеврейских погромов в России сюда начало прибывать больше еврейских эмигрантов. Идея возрождения еврейского государства на библейских землях евреев была возрождена в конце XIX века Теодором Герцлем, основателем современного сионизма, жившим в Вене.

During World War I, Britain planned for the postwar takeover of the Ottoman lands, including the lands of Israel and Palestine, which after the war and up to the time of Israel's independence in 1948 would become known as Mandatory Palestine (so named for the League of Nations mandate giving Britain control over the area). British colonial strategists identified four main British interests regarding Ottoman Palestine. The first was to secure the eastern flank of the Suez Canal, which was the British Empire's major trade route to Asia and its lifeline to British India. The second was to secure an Eastern Mediterranean port for Middle East oil, notably for the oil anticipated to come from British-controlled Mosul (now in Iraq). The third was to divide the Mideast spoils with Britain's main wartime ally, France. And the fourth aim was to dangle promises regarding Palestine to other parties in order to gain support for Britain's war effort.

Во время Первой мировой войны Великобритания планировала послевоенный захват османских земель, включая земли Израиля и Палестины, которые после войны и вплоть до обретения Израилем независимости в 1948 году стали известны как Подмандатная Палестина (названная так по мандату Лиги Наций, предоставлявшему Великобритании контроль над этой территорией). Британские колониальные стратеги выделили четыре основных британских интереса в отношении Османской Палестины. Первым из них было обеспечение безопасности восточного фланга Суэцкого канала, который был основным торговым путем Британской империи в Азию и жизненно важным путем в Британскую Индию. Вторая цель заключалась в обеспечении доступа к порту Восточного Средиземноморья для ближневосточной нефти, в частности, для нефти, которая, как предполагалось, должна была поступать из контролируемого Великобританией Мосула (ныне находящегося на территории Ирака). Третья цель заключалась в разделе ближневосточной добычи с главным военным союзником Великобритании, Францией. Четвёртая цель заключалась в том, чтобы предлагать другим сторонам обещания относительно Палестины, чтобы заручиться поддержкой военных усилий Великобритании.

For the fourth purpose, winning the war, Britain promised the land of what would soon become Mandatory Palestine three times over in contradictory commitments. Britain's first promise was the secret 1916 Sykes-Picot Treaty with France to divide the territory between Britain and France. Britain's second promise, in the McMahon-Hussein Correspondence, was to pledge the land to the Arabs in return for their revolt against the Turkish Ottoman overlords. The third promise, the Balfour Declaration, called for the creation of a Jewish homeland in Palestine. The goal, according to historians, was in part to entice the United States to back the British war efforts, and even to entice the Bolshevik leadership (imagined by Britain to be pro-Jewish) to come onside as well.

Для достижения четвёртой цели, победы в войне, Великобритания трижды обещала земли, которые вскоре стали Подмандатной Палестиной, причём с противоречивыми обязательствами. Первым обещанием Великобритании был секретный договор Сайкса-Пико 1916 года с Францией о разделе территории между Великобританией и Францией. Вторым обещанием Великобритании, содержащимся в переписке Мак-Магона и Хусейна, была передача этих земель арабам в обмен на их восстание против турецко-османских поработителей. Третье обещание, Декларация Бальфура, призывало к созданию еврейского государства в Палестине. Цель, по мнению историков, отчасти состояла в том, чтобы побудить Соединённые Штаты поддержать британские военные усилия и даже склонить большевистское руководство (которое, по мнению Великобритании, было настроено проеврейски) также встать на их сторону.

Not surprisingly, these utterly contradictory commitments gave rise to the unending strife that has now lasted a full century. The world still reels from this remarkable episode of British imperial duplicity. In a similar way, the world still suffers from like-mannered machinations of the British and French regarding the post-Ottoman provinces of today's Lebanon, Iraq, and Syria.

Неудивительно, что эти совершенно противоречивые обязательства породили бесконечную борьбу, которая длится уже целое столетие. Мир до сих пор не оправился от этого примечательного эпизода британской имперской двуличности. Аналогичным образом мир до сих

пор страдает от подобных же махинаций британцев и французов в отношении постосманских провинций – нынешних Ливана, Ирака и Сирии.

From the moment that World War I ended, the Arabs demanded the fulfillment of the promised reward for their fight against the Turks. Meanwhile, the Jews similarly demanded their homeland in Palestine. The famous Jewish quip that the new Jewish homeland was a “land without a people for a people without a land” was never remotely true. Nor was there ever Arab acquiescence in Britain’s diplomatic sleight of hand, promising Arab lands to both Arabs and Jews. The centurylong contest between Jews and Arab Palestinians for political control and ownership over the land thus ensued.

С момента окончания Первой мировой войны арабы требовали исполнения обещанной награды за борьбу с турками. Тем временем евреи также требовали себе родину в Палестине. Знаменитая еврейская шутка о том, что новая еврейская родина – это «земля без народа для народа без земли», никогда не была правдой. Арабы также никогда не соглашались на дипломатические ухищрения Великобритании, обещавшей арабские земли как арабам, так и евреям. Так началась вековая борьба между евреями и арабскими палестинцами за политический контроль и владение этой землёй.

During the Mandatory period (1923–1948), during which Britain had administrative control over Palestine and a responsibility of “tutelage” of the region, Britain faced unending difficulties in managing the bitterly conflicting claims of the Jews and Palestinians. Riots, intercommunal violence, and struggles over Jewish immigration to Palestine bedeviled the British mandate. The Arabs bitterly, and largely successfully, resisted Jewish migration, even as Nazism threatened the Jews’ very survival in Europe. Jews perished in unimaginable numbers because the immigration route to Palestine was blocked by the British in the face of Arab resistance.

В период мандата (1923–1948), когда Великобритания осуществляла административный контроль над Палестиной и несла ответственность за «опеку» над регионом, Великобритания сталкивалась с бесконечными трудностями в удовлетворении остро противоречивых претензий евреев и палестинцев. Беспорядки, межобщинное насилие и борьба за еврейскую иммиграцию в Палестину омрачали британский мандат. Арабы яростно и в целом успешно сопротивлялись еврейской миграции, даже несмотря на то, что нацизм угрожал самому существованию евреев в Европе. Евреи гибли в невообразимых количествах, поскольку путь иммиграции в Палестину был заблокирован британцами перед лицом арабского сопротивления.

At the end of the World War II, the sentiments of the United Kingdom and the United States were initially for a one-state solution. An Anglo-American Committee of Inquiry in 1946 called for increased Jewish immigration of Holocaust survivors in the context of essentially a single state: “In order to dispose, once and for all, of the exclusive claims of Jews and Arabs to Palestine, we regard it as essential that a clear statement of principle should be made that Jew shall not dominate Arab and Arab shall not dominate Jew in Palestine.”¹

В конце Второй мировой войны Великобритания и Соединенные Штаты изначально выступали за решение проблемы с одним государством. Англо-американский комитет по расследованию в 1946 году призвал к увеличению еврейской иммиграции из числа переживших Холокост в условиях, по сути, единого государства: «Чтобы раз и навсегда избавиться от исключительных притязаний евреев и арабов на Палестину, мы считаем необходимым четко заявить о принципе, согласно которому евреи не должны доминировать над арабами, а арабы не должны доминировать над евреями в Палестине».

Two years later, in 1947, the newly constituted UN General Assembly passed a nonbinding resolution recommending a two-state solution based on the partition of Palestine between Arabs and Jews, with Jerusalem becoming an international city. The Arab countries, and several others, heatedly rejected this recommendation and instead called for self-determination by the existing population of Palestine, which was predominantly Arab at the time. Britain unilaterally announced that it would end its mandate over Palestine in May 1948, signaling its imminent departure. In the lead-up to Britain’s withdrawal from

Palestine, President Truman called for a temporary UN trusteeship until the issues of sovereignty could be peacefully resolved.

Два года спустя, в 1947 году, вновь созданная Генеральная Ассамблея ООН приняла необязательную резолюцию, рекомендующую решение о создании двух государств, основанное на разделе Палестины между арабами и евреями, с превращением Иерусалима в международный город. Арабские страны и ряд других решительно отвергли эту рекомендацию и вместо этого призвали к самоопределению существующего населения Палестины, которое в то время преимущественно состояло из арабов. Великобритания в одностороннем порядке объявила о прекращении своего мандата на Палестину в мае 1948 года, что стало сигналом к её скорому уходу. В преддверии вывода британских войск из Палестины президент Трумэн призвал к временной опеке ООН до тех пор, пока вопросы суверенитета не будут решены мирным путём.

When Britain's mandate ended, Israel immediately and unilaterally declared its independence and then was victorious in the ensuing war to defend its claim. In the course of the 1948 war, many Arab families fled their homelands and countless others were violently pushed out of their homes through the use of Israeli terror and force. In this way arose the Palestinian refugees who up to today claim the right of return to their homeland in Palestine.

После окончания срока действия британского мандата Израиль немедленно и в одностороннем порядке провозгласил свою независимость, а затем одержал победу в последовавшей войне, отстаивая свои права. В ходе войны 1948 года многие арабские семьи покинули свои родные земли, а бесчисленное множество других были насильственно изгнаны из своих домов в результате израильского террора и применения силы. Так появились палестинские беженцы, которые до сих пор заявляют о праве на возвращение на свою родину в Палестину.

The history therefore shows that the competing claims by the Palestinians and Jews have raged for a century, and that both the one-state and two-state solutions have been tabled at various times. Israel has established "facts on the ground," as it were, to achieve control over most of the territory of mandatory Palestine, part of which is Israel of the 1967 borders and the rest, the territories captured by Israel in the 1967 war.

История, таким образом, показывает, что конкурирующие претензии палестинцев и евреев бушевали на протяжении столетия, и что решения как с одним государством, так и с двумя государствами предлагались в разное время. Израиль установил «факты на местах», так сказать, чтобы добиться контроля над большей частью территории подмандатной Палестины, часть которой принадлежит Израилю в границах 1967 года, а остальная часть — территориям, захваченным Израилем в войне 1967 года.

Practical politicians on both the Israeli and Palestinian sides, and in the United States, have argued for several decades for a two-state solution, based largely on a return by Israel to the borders as they existed before the 1967 Six-Day War, with some agreed border adjustments in Jerusalem and other places. Yet that two-state prospect has failed so far, in no small part because the Israeli government actively encouraged Jewish settlement in the West Bank; Jewish West Bank settlers now number around 400,000 and constitute a very powerful if not decisive force in Israeli politics.

Практичные политики как с израильской, так и с палестинской стороны, а также в Соединенных Штатах, на протяжении нескольких десятилетий выступали за решение о двух государствах, основанное в основном на возвращении Израиля к границам, существовавшим до Шестидневной войны 1967 года, с некоторыми согласованными корректировками границ в Иерусалиме и других местах. Однако эта перспектива двух государств до сих пор не осуществилась, во многом потому, что израильское правительство активно поощряло еврейское поселение на Западном берегу; Еврейские поселенцы на Западном берегу реки Иордан в настоящее время насчитывают около 400 000 человек и представляют собой очень мощную, если не решающую, силу в израильской политике.

Some analysts have recently argued that the settler position is now so entrenched that a two-state solution has become practically impossible. Others argue that a two-state solution is still possible, though just barely, and that the slim remaining prospects for a two-state solution will soon disappear as the Jewish population in the West Bank continues to grow. As a result, the one-state solution has garnered renewed interest in both its variants: a binational solution and a Jewish-nationalist variant.

Некоторые аналитики недавно утверждали, что позиция поселенцев настолько укоренилась, что решение о создании двух государств стало практически невозможным. Другие утверждают, что решение о создании двух государств все еще возможно, хотя и с трудом, и что оставшиеся слабые перспективы для решения о создании двух государств вскоре исчезнут, поскольку еврейское население Западного берега продолжает расти. В результате решение о создании одного государства вновь привлекло внимание к обоим его вариантам: двунациональному и еврейско-националистическому.

A binational one-state solution, similar to the Belgian model, could have practical appeal and viability. The Arab and Jewish communities would be self-governing regarding religion, local policing, family, and other intracommunity law, and broadly speaking, in municipal affairs if one community or the other predominates. There would have to be constitutional agreements on national security, foreign policy, internal migration, and the endlessly knotty issue of the return of Palestinian refugees.

Двунациональное решение о создании одного государства, аналогичное бельгийской модели, может быть привлекательным и жизнеспособным на практике. Арабская и еврейская общины будут самоуправляемы в вопросах религии, местной полиции, семьи и других внутриобщинных законов, а также, в целом, в муниципальных делах, если одна из общин будет преобладать. Необходимы будут конституционные соглашения по вопросам национальной безопасности, внешней политики, внутренней миграции и бесконечно запутанного вопроса возвращения палестинских беженцев.

None of this would be easy, but it could be possible. Nothing in the Holy Land has been easy for at least the past 3,000 years. The Middle East is indeed in the middle of competing claims: by religion (Jewish, Christian, Muslim), ethnicity (Arab, Turkish, Persian, Jewish, Druze, Kurd, other), and geopolitics (Iran, Saudi Arabia, Turkey, Russia, the United States, the European Union, and others). Compromise among competing interests is the sine qua non for any kind of peace arrangement.

Ничто из этого не будет лёгким, но вполне осуществимым. Ничто на Святой Земле не даётся легко, по крайней мере, последние 3000 лет. Ближний Восток действительно находится в центре конфликта притязаний: религиозных (иудеи, христиане, мусульмане), этнических (арабы, турки, персы, евреи, друзы, курды и другие) и геополитических (Иран, Саудовская Аравия, Турция, Россия, США, Европейский Союз и другие). Компромисс между противоборствующими интересами — неременное условие любого мирного соглашения.

Hard-liners argue for a very different one-state solution, in which Palestinian political rights would be severely limited. This one-state vision is one of apartheid: Arabs living as second-class citizens under Jewish control. Sensible Israelis and true friends of Israel should understand that most of the world will never accept such a solution, and it would prove deeply corrosive to Israel's democratic norms and the moral code of the Jewish people. It might be possible to impose for a while out of sheer force, but it will lead to hatred, backlash, and political illegitimacy. It cannot be a peaceful equilibrium.

Сторонники жёсткой линии выступают за совершенно иное решение, предусматривающее одногосударственное решение, при котором политические права палестинцев будут серьёзно ограничены. Это видение одного государства – это концепция апартеида: арабы живут как граждане второго сорта под еврейским контролем. Разумные израильтяне и истинные друзья Израиля должны понимать, что большая часть мира никогда не примет такое решение, и оно окажется глубоко разрушительным для демократических норм Израиля и моральных устоев еврейского народа. Возможно, какое-то время можно будет навязывать это решение силой, но это

приведёт к ненависти, ответной реакции и политической нелегитимности. Мирного равновесия достичь невозможно.

The Israeli government accuses the UN Security Council and UN General Assembly of anti-Israeli virulence. It's true that votes in the UN run strongly against Israel's settlement and occupation policies, but they also run strongly for a peaceful, two-state solution. The UN member states are not so much against Israel as they are against Israel's occupation policies, and the attempt by some Israeli hard-liners to create an apartheid state by annexing lands conquered in 1967, an action that would be starkly in violation of international law. The UN votes against Israeli settlements (as in December 2016) reflect a widely shared interpretation of international law, including the Fourth Geneva Convention of 1949, that bars settlements by an occupying power in territories occupied in war. The adoption in December 2016 by the Knesset (the Israeli parliament) of a law allowing the expropriation of privately owned Palestinian land triggered similar global opprobrium and even the revulsion of mainstream political parties and legal experts in Israel itself.

Израильское правительство обвиняет Совет Безопасности ООН и Генеральную Ассамблею ООН в антиизраильской ярости. Действительно, голоса в ООН решительно выступают против политики Израиля в области поселений и оккупации, но они также решительно выступают за мирное решение, основанное на создании двух государств. Государства-члены ООН выступают не столько против Израиля, сколько против его оккупационной политики и попыток некоторых израильских сторонников жесткой линии создать государство апартеида путем аннексии земель, завоеванных в 1967 году, что было бы грубым нарушением международного права. Голосование ООН против израильских поселений (как и в декабре 2016 года) отражает широко распространенное толкование международного права, включая Четвертую Женевскую конвенцию 1949 года, которая запрещает оккупирующей державе строительство поселений на территориях, оккупированных в ходе войны. Принятие в декабре 2016 года Кнессетом (израильским парламентом) закона, разрешающего экспроприацию палестинских земель, находящихся в частной собственности, вызвало аналогичное глобальное осуждение и даже отвращение со стороны основных политических партий и юристов в самом Израиле.

Trump's unilateral recognition of Jerusalem as the capital of Israel in December 2017 brought about a similar international rebuke of both the United States and Israel (which gleefully but naïvely applauded Trump's move). Under international law and countless decisions by the UN, the final status of Jerusalem should be decided by negotiation, not unilateral action by the United States or Israel. Trump's action was therefore rebuked in the UN Security Council by a vote of 14–1 against the United States, and in the UN General Assembly by a vote of 128 to 9, with 35 abstentions, and that despite a threat by the United States to cut off aid to countries that voted against the U.S. action.

Одностороннее признание Трампом Иерусалима столицей Израиля в декабре 2017 года вызвало аналогичную международную критику как в адрес Соединенных Штатов, так и Израиля (которые с радостью, но наивно приветствовали этот шаг Трампа). Согласно международному праву и бесчисленным решениям ООН, окончательный статус Иерусалима должен быть определен путём переговоров, а не односторонними действиями Соединённых Штатов или Израиля. Поэтому действия Трампа были подвергнуты резкой критике в Совете Безопасности ООН 14 голосами против 1 против Соединённых Штатов и в Генеральной Ассамблее ООН 128 голосами против 9 при 35 воздержавшихся, и это несмотря на угрозу Соединённых Штатов прекратить помощь странам, проголосовавшим против действий США.

Many Israeli religious hard-liners cite the Jewish belief in God's covenant to the Jewish people promising the land of Israel exclusively to the Jews. Yet such claims are doubly problematic. One obvious difficulty is that conflicting claims by Jews and Arabs based on differing religious convictions result in irreconcilable positions that lead repeatedly to tragedy, suffering, and stalemate rather than peace. Fortunately, the majority of both Jews and Arabs agree on the feasibility of compromise and mutual accommodation, rather than the all-or-nothing, negative-sum struggles envisaged by the religious hard-liners on both sides.

Многие израильские религиозные деятели, придерживающиеся жёсткой линии, ссылаются на веру иудеев в завет Бога с еврейским народом, обещавший землю Израиля исключительно евреям. Однако подобные утверждения вдвойне проблематичны. Одна из очевидных проблем заключается в том, что противоречивые заявления евреев и арабов, основанные на различных религиозных убеждениях, приводят к непримиримым позициям, которые неизменно приводят к трагедиям, страданиям и тупику, а не к миру. К счастью, большинство как евреев, так и арабов согласны с возможностью компромисса и взаимного согласия, а не с борьбой по принципу «все или ничего», которую представляют себе сторонники жесткой линии с обеих сторон.

There is another deep reason for worry within the perspective of Jewish belief itself. The Jewish Scriptures, it is argued by many devout Jews, do not demonstrate an unconditional Jewish hold on the lands promised by God to the Jewish people. The great prophetic texts of the Jewish people (for example, in the books of the prophets Hosea, Amos, Jeremiah, and Isaiah) describe how the iniquity of the Jewish kingdoms of Israel and Judah in the days of the First Temple of Jerusalem would eventually lead to their conquest by foreign powers. These great Jewish prophets underscored that the threat to the survival of the Jewish states of those days lay not in the military power of Assyria and Babylonia but in the decline of moral reverence by the Jewish people. The Jewish states, declared the prophets, would be lost because of internal iniquity, not external force.

Есть еще одна серьезная причина для беспокойства, связанная с самой еврейской верой. Многие набожные евреи утверждают, что еврейские Писания не подтверждают безусловного права евреев на земли, обещанные Богом еврейскому народу. Великие пророческие тексты еврейского народа (например, книги пророков Осии, Амоса, Иеремии и Исаяи) описывают, как беззаконие еврейских царств Израиля и Иудеи во времена Первого Иерусалимского Храма в конечном итоге привело к их завоеванию иностранными державами. Эти великие еврейские пророки подчеркивали, что угроза существованию еврейских государств того времени заключалась не в военной мощи Ассирии и Вавилонии, а в упадке морального благоговения еврейского народа. Еврейские государства, как утверждали пророки, будут уничтожены из-за внутреннего беззакония, а не из-за внешней силы.

Those prophetic teachings should resonate today for Israel's closest friends, including the United States. Israel's threats today are not only, or perhaps even mainly, external, for Israel is militarily strong; arguably, the direst threat lies in the weakening of Israel's resilience, unity, and morale if it turns away from the requirements of justice, including toward the Palestinian people. Israelis and Palestinians remain challenged by British actions a century ago: the promise of the same land to two peoples. If a hard-line one-state solution is a moral and practical dead end, and if Israel won't countenance a binational solution, the Israeli government should quickly reinvigorate the two-state solution before it's too late.

Эти пророческие учения должны быть актуальны сегодня для самых близких друзей Израиля, включая Соединённые Штаты. Угрозы, исходящие от Израиля сегодня, не только, а возможно, и в основном, исходят извне, поскольку Израиль силён в военном отношении; возможно, самая серьёзная угроза заключается в ослаблении стойкости, единства и морального духа Израиля, если он отвернётся от требований справедливости, в том числе по отношению к палестинскому народу. Израильтяне и палестинцы по-прежнему сталкиваются с вызовом, вызванным действиями Великобритании столетней давности: обещанием одной и той же земли двум народам. Если жёсткое решение с одним государством — это моральный и практический тупик, и если Израиль не одобряет двунациональное решение, израильскому правительству следует как можно скорее возродить идею двух государств, пока не стало слишком поздно.

Trump's belligerence toward the Palestinians and his unilateral actions in declaring Jerusalem the capital of Israel have only made compromise and trust that much harder to achieve. We will have to clean up after Trump's rash and irresponsible actions as a prelude to a just solution for the peoples of Israel and Palestine.

Агрессивность Трампа по отношению к палестинцам и его односторонние действия по объявлению Иерусалима столицей Израиля лишь значительно затруднили достижение компромисса и доверия. Нам придется расчищать пространство после необдуманных и безответственных действий Трампа в качестве прелюдии к справедливому решению для народов Израиля и Палестины.

8 NORTH KOREA AND THE DOOMSDAY CLOCK

The most chilling concern about Donald Trump is the worldwide fear that he puts our very survival at risk. This is not loose talk or partisanship. It was recently expressed by the most thoughtful experts who monitor the risks to our survival: the Science and Security Board of the Bulletin of the Atomic Scientists, who are the keepers of the Doomsday Clock.¹

Самая пугающая проблема, связанная с Дональдом Трампом, — это страх, который во всём мире ставит под угрозу само наше выживание. Это не пустые слова и не партийная ангажированность. Недавно об этом заявили самые вдумчивые эксперты, отслеживающие риски для нашего выживания: Совет по науке и безопасности Бюллетеня учёных-атомщиков, которые и являются хранителями Часов Судного дня.¹

On January 26, 2017, just a week after Donald Trump was sworn into office as the new president of the United States, the scientists who orchestrated the clock announced that the world was “Two and a half minutes to midnight,” where midnight signifies the end of civilization. They cited Trump’s “ill-considered comments about expanding and even deploying the American nuclear arsenal” as well as his “expressed disbelief in the scientific consensus on global warming.” A year later, in January 2018, the group inched the clock forward another thirty seconds, just two minutes to midnight—to global catastrophe. This is the closest it has been to midnight since 1953, when the United States and the Soviet Union first exploded the new thermonuclear weapons, powerful enough to end all human life on the planet.

26 января 2017 года, всего через неделю после вступления Дональда Трампа в должность нового президента Соединённых Штатов, учёные, создавшие эти часы, объявили, что до полуночи осталось «две с половиной минуты», что означает конец цивилизации. Они сослались на «необдуманные заявления Трампа о расширении и даже развёртывании американского ядерного арсенала», а также на его «высказанное недоверие научному консенсусу по вопросу глобального потепления». Год спустя, в январе 2018 года, группа перевела стрелки часов ещё на тридцать секунд вперёд, до полуночи осталось всего две минуты — до глобальной катастрофы. Это самое близкое к полуночи время с 1953 года, когда Соединённые Штаты и Советский Союз впервые провели взрыв нового термоядерного оружия, достаточно мощного, чтобы уничтожить всё человечество на планете.

As we see in the timeline in figure 8.1, we are now as close to doom as we were in 1953, when both the United States and Russia first possessed thermonuclear weapons capable of destroying the world. “To call the world’s nuclear situation dire is to understate the danger and its immediacy,” the Bulletin said. The Doomsday Clock was created seventy years ago, in the early days of the Cold War and the nuclear weapons race between the United States and the Soviet Union. For the first time in human history, mankind possessed the means of causing not only great carnage and suffering, but also the very destruction of humanity. The early generation of atomic scientists recognized the profound and unprecedented dangers of the new weapons and sought to warn the world. In the first edition of the clock, in 1947, they set the time to seven minutes before midnight, nuclear Armageddon. As the Cold War intensified, and atomic bombs gave way to vastly more powerful thermonuclear bombs, the minute hand moved five minutes closer to midnight.

Как видно на временной шкале на рисунке 8.1, сейчас мы так же близки к гибели, как и в 1953 году, когда и Соединённые Штаты, и Россия впервые обладали термоядерным оружием, способным уничтожить мир. «Называть ядерную ситуацию в мире катастрофической — значит недооценивать опасность и её непосредственность», — говорилось в «Бюллетене». Часы Судного дня были

созданы семьдесят лет назад, в начале холодной войны и гонки ядерных вооружений между Соединёнными Штатами и Советским Союзом. Впервые в истории человечества человечество получило возможность не только вызвать огромную бойню и страдания, но и уничтожить всё человечество. Раннее поколение учёных-атомщиков осознало глубокую и беспрецедентную опасность нового оружия и стремилось предупредить мир. В первом издании часов, в 1947 году, они установили время на семь минут до полуночи, ядерного Армагеддона. По мере обострения холодной войны, когда атомные бомбы уступили место значительно более мощным термоядерным, минутная стрелка приблизилась на пять минут к полуночи.

When President Kennedy came into office, in his inaugural address he powerfully expressed the existential paradox of modernity: "For man holds in his mortal hands the power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life." We never came closer to the end than in the Cuban Missile Crisis of October 1962, when mistakes by both the United States and the Soviet Union led the world to the very brink of nuclear war. Many of the military advisers on Kennedy's Executive Committee would have led us into thermonuclear war. The Kennedy brothers, John and Robert, with their cool heads and profound sense of responsibility, saved us despite their advisers, not because of them. We should all shudder when contemplating an Executive Committee meeting in our time.

Когда президент Кеннеди вступил в должность, в своей инаугурационной речи он убедительно выразил экзистенциальный парадокс современности: «Ибо в смертных руках человека находится сила, способная искоренить все формы человеческой нищеты и все формы человеческой жизни». Мы никогда не были ближе к концу, чем во время Карибского кризиса в октябре 1962 года, когда ошибки как Соединённых Штатов, так и Советского Союза поставили мир на грань ядерной войны. Многие военные советники в Исполнительном комитете Кеннеди привели бы нас к термоядерной войне. Братья Кеннеди, Джон и Роберт, с их хладнокровием и глубоким чувством ответственности, спасли нас вопреки своим советникам, а не благодаря им. Нам всем стоит содрогаться, представляя себе заседание Исполнительного комитета в наше время.

Then in 1963, brilliant diplomacy by Kennedy, supported by the moral leadership of Pope John XXIII and the bold statesmanship of Nikita Khrushchev, led to the signing of the Partial Nuclear Test Ban Treaty. Humanity was spared (possibly at great personal cost—some think that right-wingers took such offense to JFK's peace initiative that the president was assassinated as a result; there is real plausibility to that view). The minute hand of the Doomsday Clock moved back to twelve minutes before midnight, a margin of safety.

Затем, в 1963 году, блестящая дипломатия Кеннеди, поддержанная моральным лидерством Папы Иоанна XXIII и смелой государственной мудростью Никиты Хрущёва, привела к подписанию Договора о частичном запрещении ядерных испытаний. Человечество было спасено (возможно, ценой больших личных потерь — некоторые считают, что правые настолько оскорбились мирной инициативой Джона Кеннеди, что в результате президент был убит; эта точка зрения вполне обоснована). Минутная стрелка Часов Судного дня вернулась на отметку в двенадцать минут до полуночи, что стало своего рода запасом прочности.

With America's escalation of the Vietnam War under Lyndon Johnson, the minute hand began to move once again toward midnight, while Richard Nixon's détente with the Soviet Union again reduced tensions and put the minute hand back to twelve minutes before midnight. Then tensions escalated with Ronald Reagan's new arms buildup, until Soviet president Mikhail Gorbachev launched perestroika, culminating in the end of the Cold War and the end of the Soviet Union itself in 1991. Humanity had, it seemed, reached a moment of relative safety; the minute hand stood that year at seventeen minutes before midnight.

С эскалацией Америкой войны во Вьетнаме при Линдоне Джонсоне минутная стрелка снова начала двигаться к полуночи, в то время как разрядка напряженности в отношениях Ричарда Никсона с Советским Союзом вновь снизила напряженность и вернула минутную стрелку на двенадцать минут до полуночи. Затем напряженность возросла из-за нового наращивания вооружений Рональдом Рейганом, пока советский президент Михаил Горбачев не начал

перестройку, кульминацией которой стало окончание холодной войны и распад Советского Союза в 1991 году. Казалось, человечество достигло момента относительной безопасности: минутная стрелка в том году показывала семнадцать минут до полуночи.

Yet if ever a historic opportunity for safety was squandered, this was it. Every U.S. president since then—Bill Clinton, George W. Bush, and Barack Obama—has contributed to a decline of global safety, with the minute hand moving from seventeen minutes before midnight to just three minutes before midnight last year, even before Donald Trump became president. And after just a few days in office came another thirty-second jump of the minute hand toward midnight.

Но если когда-либо и была упущена историческая возможность обеспечить безопасность, то это был именно этот случай. Каждый президент США с тех пор – Билл Клинтон, Джордж Буш-младший и Барак Обама – вносил свой вклад в снижение глобальной безопасности: минутная стрелка в прошлом году, ещё до того, как Дональд Трамп стал президентом, переместилась с семнадцати минут до полуночи до трёх минут до полуночи. А всего через несколько дней после вступления Трампа в должность минутная стрелка снова подскочила на тридцать секунд к полуночи.

What went wrong between 1991 and now? Two grave mistakes were made. The first was the failure to capitalize on the end of the Cold War by establishing a trustworthy relationship between the United States and Russia, as detailed in chapter 5. The second mistake was to turn a blind eye to the second existential threat: human-induced global warming. While the danger of nuclear weapons was easy enough to perceive (though also easy to forget day to day), the existential threat from human-induced climate change was far more difficult. To understand it requires at least a basic awareness of quantum physics, the Earth's physical dynamics, and Earth's climate and economic history. Our presidents and Congress have lacked that. They understand money from lobbyists—oil and gas companies—not quantum physics.

Что пошло не так с 1991 года по настоящее время? Были допущены две серьёзные ошибки. Первая заключалась в неспособности воспользоваться окончанием холодной войны и установить доверительные отношения между Соединёнными Штатами и Россией, как подробно описано в главе 5. Вторая ошибка заключалась в игнорировании второй экзистенциальной угрозы: антропогенного глобального потепления. Хотя опасность ядерного оружия было легко осознать (хотя и легко забыть о ней изо дня в день), экзистенциальная угроза, исходящая от антропогенного изменения климата, была гораздо сложнее. Чтобы понять это, необходимы хотя бы базовые знания квантовой физики, физической динамики Земли, а также истории её климата и экономики. Нашим президентам и Конгрессу этого не хватает. Они понимают, что такое деньги лоббистов – нефтегазовых компаний, – а не квантовую физику.

There are dire risks associated with our continued burning of coal, oil, and gas. When these fossil fuels are burned, they emit carbon dioxide into the atmosphere. Carbon dioxide has the special quantum-mechanical property that it absorbs infrared radiation and thereby acts as a kind of atmospheric “greenhouse” for Earth, causing the planet to warm. This is of course clear to atmospheric chemists, but not to most politicians. The science and Earth history also make clear that we are recklessly gambling with future survival. The ocean level could rise by twenty feet or more as a result of even slight further increases in temperature. Only a fool would say that because such an outcome is not completely certain, we should simply continue to burn fossil fuels at the maximum rate.

Продолжение сжигания угля, нефти и газа несёт в себе серьёзные риски. При сжигании этих ископаемых видов топлива в атмосферу выбрасывается углекислый газ. Углекислый газ обладает особым квантово-механическим свойством: он поглощает инфракрасное излучение и, таким образом, действует как своего рода «парник» в атмосфере Земли, вызывая её нагревание. Это, конечно, понятно специалистам по химии атмосферы, но не большинству политиков. Наука и история Земли также ясно показывают, что мы безрассудно рискуем своим будущим выживанием. Уровень океана может подняться на шесть метров и более даже в результате даже незначительного дальнейшего повышения температуры. Только глупец может сказать, что, поскольку такой исход не вполне очевиден, нам следует просто продолжать сжигать ископаемое топливо на максимальной скорости.

The Bulletin made clear that the failure to act on climate change was a major reason for moving the Doomsday Clock forward in 2017, noting that Trump's "nominees to head the Energy Department and the Environmental Protection Agency dispute the basics of climate science." In 2018, moving the minute hand another thirty seconds toward midnight, they wrote: "The nations of the world will have to significantly decrease their greenhouse gas emissions to keep climate risks manageable, and so far, the global response has fallen far short of meeting this challenge."²

В бюллетене ясно указывалось, что бездействие в борьбе с изменением климата стало одной из основных причин перевода Часов Судного дня в 2017 году, отмечая, что «кандидаты Трампа на посты глав Министерства энергетики и Агентства по охране окружающей среды оспаривают основы климатологии». В 2018 году, переместив минутную стрелку ещё на тридцать секунд к полуночи, авторы написали: «Странам мира придётся значительно сократить выбросы парниковых газов, чтобы сохранить климатические риски управляемыми, и до сих пор глобальные меры реагирования были далеки от решения этой задачи».²

Trump and his cabinet are in denial. Trump has completely turned his administration's environmental policies over to the oil and gas industry. The State Department is now in the hands of ExxonMobil; the Environmental Protection Agency is in the hands of politicians like Scott Pruitt, long financed by the fossil-fuel industry. The word on Capitol Hill is simple: The mega-billionaire Koch brothers, who own the nation's largest private fossil-fuel company, own Congress, or at least the Republican side.

Трамп и его кабинет министров отрицают реальность. Трамп полностью передал экологическую политику своей администрации нефтегазовой отрасли. Госдепартамент теперь находится в руках ExxonMobil; Агентство по охране окружающей среды находится в руках таких политиков, как Скотт Прюитт, долгое время финансируемых за счёт индустрии ископаемого топлива. Ситуация на Капитолийском холме проста: мегамиллиардеры братья Кох, владеющие крупнейшей в стране частной компанией по добыче ископаемого топлива, контролируют Конгресс или, по крайней мере, республиканскую сторону.

When it comes to nuclear weapons, the issue is not denial but inconsistency. Trump has casually suggested that Japan and Korea should become nuclear powers; that a new nuclear arms race is welcome; and that the use of nuclear weapons (e.g., in regard to ISIS) is not "off the table." Yet, for every statement such as these, there are equal and opposite statements as well. There is, in short, casualness, inconsistency, and incoherence.

Когда речь заходит о ядерном оружии, проблема не в отрицании, а в непоследовательности. Трамп мимоходом заявил, что Япония и Корея должны стать ядерными державами; что новая гонка ядерных вооружений приветствуется; и что применение ядерного оружия (например, в отношении ИГИЛ) не исключено. Однако на каждое подобное заявление есть равноценные и противоположные утверждения. Короче говоря, налицо легкомысленность, непоследовательность и невнятность.

Trump is impetuous, unstable, and inexperienced. His foreign policies swing wildly from day to day. He makes threats, such as attacking North Korea or conflict with Iran, that could have horrific, indeed catastrophic, consequences. American arrogance and President Donald Trump's delusional worldview have brought the world to the brink of nuclear war. Before it is too late, American citizens must make overwhelmingly clear that we do not want millions of Americans or others to perish in a reckless attempt by the Trump administration to overthrow the North Korean or Iranian regime or denuclearize North Korea by force.

Трамп импульсивен, нестабилен и неопытен. Его внешняя политика колеблется изо дня в день. Он выдвигает угрозы, такие как нападение на Северную Корею или конфликт с Ираном, которые могут иметь ужасающие, поистине катастрофические, последствия. Американское высокомерие и бредовое мировоззрение президента Дональда Трампа поставили мир на грань ядерной войны. Пока не стало слишком поздно, граждане Америки должны ясно заявить, что мы не хотим, чтобы миллионы американцев или других людей погибли в результате безрассудной попытки

администрации Трампа свергнуть северокорейский или иранский режим или силой провести денуклеаризацию Северной Кореи.

We would rather accept a nuclear-armed North Korea that is deterred by America's overwhelming threat of force than risk a U.S.-led war of choice, one that would almost surely involve nuclear weapons. Yet in 2017, then-National Security Adviser H. R. McMaster explicitly said that Trump rejects "accept and deter." The dangers are exceedingly high.

Мы бы скорее согласились на ядерное оружие Северной Кореи, сдерживаемое подавляющей угрозой применения силы со стороны Америки, чем рисковать войной по собственному выбору под руководством США, которая почти наверняка будет связана с ядерным оружием. Однако в 2017 году тогдашний советник по национальной безопасности Герберт Макмастер прямо заявил, что Трамп отвергает политику «принятия и сдерживания». Опасность чрезвычайно высока.

"Accept and deter" would not be appeasement. Though negotiations and sanctions could conceivably induce the North to relinquish its nuclear weapons, the odds remain low and North Korea's nuclear weapons are likely to remain for many years to come. "Accept and deter" is therefore likely to be the moral and practical requirement of survival. Appeasement would be the case if North Korea were demanding the surrender of the United States or South Korea, but that's not the case. North Korea argues that it needs nuclear arms to protect the regime from the threat of a U.S. attack. According to North Korea, it seeks a "military equilibrium," not a surrender of the United States or South Korea.

«Принятие и сдерживание» не было бы умиротворением. Хотя переговоры и санкции, вероятно, могли бы побудить Северную Корею отказаться от своего ядерного оружия, шансы на это остаются низкими, и ядерное оружие Северной Кореи, вероятно, сохранится ещё долгие годы. Поэтому «принятие и сдерживание», вероятно, является моральным и практическим требованием выживания. Умиротворение было бы уместно, если бы Северная Корея требовала капитуляции от Соединённых Штатов или Южной Кореи, но это не так. Северная Корея утверждает, что ей необходимо ядерное оружие для защиты режима от угрозы нападения США. По заявлению Северной Кореи, она стремится к «военному равновесию», а не к капитуляции США или Южной Кореи.

Sad to say, North Korea's fears of a U.S.-led overthrow are realistic from North Korea's perspective. Creating the conditions for North Korea's eventual denuclearization would require trust-building over many years of patient diplomacy and interaction, including U.S. diplomatic recognition of North Korea.

К сожалению, опасения Северной Кореи по поводу свержения режима под руководством США реалистичны с точки зрения Северной Кореи. Создание условий для возможной денуклеаризации Северной Кореи потребует укрепления доверия в течение многих лет терпеливой дипломатии и взаимодействия, включая дипломатическое признание Северной Кореи США.

The United States faces a trap of its own making. For decades, this country has forcibly overthrown regimes it deemed hostile to U.S. interests. North Korea fears that it is next.

Соединенные Штаты столкнулись с ловушкой, которую сами же и создали. Десятилетиями эта страна насильственно свержала режимы, которые считала враждебными интересам США. Северная Корея опасается, что станет следующей.

Wars can happen accidentally, especially in situations like this, when there is so much mistrust, misunderstanding, and inflexible posturing.

Войны могут возникать случайно, особенно в подобных ситуациях, когда вокруг так много недоверия, непонимания и негибких позиций.

Recently, three regimes that ended their nuclear programs were subsequently attacked by nuclear powers. Saddam Hussein's nuclear weapons program came to an end after the first Gulf War, in 1990; Saddam was overthrown by the United States in 2003. Moammar Khadafy ended his nuclear program in

December 2003 and was overthrown by U.S.-backed forces in 2011. Ukraine surrendered its nuclear forces in 1994 in return for security guarantees, but was subsequently attacked by Russia in 2014.

Недавно три режима, завершившие свои ядерные программы, впоследствии подверглись нападению со стороны ядерных держав. Ядерная программа Саддама Хусейна была прекращена после первой войны в Персидском заливе в 1990 году; Саддам был свергнут Соединёнными Штатами в 2003 году. Муаммар Каддафи завершил свою ядерную программу в декабре 2003 года и был свергнут поддерживаемыми США силами в 2011 году. Украина отказалась от своих ядерных сил в 1994 году в обмен на гарантии безопасности, но впоследствии подверглась нападению со стороны России в 2014 году.

Since the early 1990s, North Korea has repeatedly demanded security guarantees from the United States—including diplomatic recognition, economic measures, and other steps—in exchange for ending its drive toward a nuclear arsenal. Several agreements were in fact reached on the idea of guaranteeing North Korean security in return for denuclearization, yet all of the agreements subsequently collapsed. A very insightful and balanced account of these failed attempts is provided in a Brookings Institution report by a senior Chinese foreign policy expert, Fu Ying, chair of the Foreign Affairs Committee of the National People's Congress of China.

С начала 1990-х годов Северная Корея неоднократно требовала от Соединённых Штатов гарантий безопасности, включая дипломатическое признание, экономические меры и другие шаги, в обмен на прекращение своего стремления к созданию ядерного арсенала. Было достигнуто несколько соглашений о гарантиях безопасности Северной Кореи в обмен на денуклеаризацию, однако впоследствии все они были сорваны. Весьма пронизательный и сбалансированный анализ этих неудачных попыток представлен в докладе Института Брукинга, подготовленном старшим экспертом по внешней политике Китая Фу Ин, председателем Комитета по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей.

Mutual distrust is the basic reason for repeated failures. The United States again and again dragged its feet on granting diplomatic recognition and economic assistance to North Korea, despite explicit promises to do so. North Korea, for its part, violated the spirit if not the letter of the agreements, using covert means at times to skirt agreed nuclear safeguards. Both sides have been trapped in the security dilemma, in which defensive actions by one are seen as offensive by the other. The result is a terrifying arms race and downward spiral toward nuclear war.

Взаимное недоверие — основная причина повторяющихся неудач. Соединенные Штаты снова и снова затягивали предоставление дипломатического признания и экономической помощи Северной Кореи, несмотря на четкие обещания сделать это. Северная Корея, со своей стороны, нарушала дух, если не букву соглашений, порой используя скрытые средства, чтобы обойти согласованные ядерные гарантии. Обе стороны оказались в ловушке дилеммы безопасности, в которой оборонительные действия одной из них воспринимаются другой как наступательные. Результатом становится ужасающая гонка вооружений и нисходящая спираль к ядерной войне.

In this tit-for-tat pattern, it is difficult if not impossible to identify who has broken the various accords first. The bottom line is that there is no security agreement for North Korea, and no long-term suspension or abandonment by North Korea of its nuclear program. Now Trump's temperamental instability could trigger a nuclear war through the belief adopted by either side that the other is about to launch a devastating preemptive attack. Add to this the human element—errors such as the mistaken alert of a ballistic missile headed for Hawaii in January 2018—and we see again how terrifying prospects that may seem unreal, even preposterous, are utterly possible if we aren't judicious, cautious, and wise. Unfortunately, Trump is the very opposite: rash, impulsive, and ignorant.

В этой ситуации «око за око» трудно, если не невозможно, определить, кто первым нарушил различные соглашения. Суть в том, что нет соглашения о безопасности для Северной Кореи, и нет долгосрочной приостановки или отказа Северной Кореи от своей ядерной программы. Теперь же

неуравновешенный характер Трампа может спровоцировать ядерную войну, поскольку любая из сторон будет убеждена, что другая готова нанести разрушительный превентивный удар. Добавьте к этому человеческий фактор — ошибки, такие как ошибочное оповещение о баллистической ракете, направлявшейся на Гавайи в январе 2018 года, — и мы снова видим, насколько ужасающие перспективы, которые могут показаться нереальными, даже абсурдными, вполне возможны, если мы не будем рассудительны, осторожны и мудры. К сожалению, Трамп — полная противоположность: безрассудный, импульсивный и невежественный.

The Trump administration has threatened North Korea with war if it fails to denuclearize. Even as Trump has turned from threats to negotiations, there may well be senior U.S. security advisers who believe in the possibility of a quick “decapitation” of the North Korean regime before its nuclear weapons are unleashed. Some advisers may believe that America’s antimissile systems would protect the United States and its allies in the event that North Korea launched its nuclear weapons.

Администрация Трампа угрожает Северной Корее войной, если та не проведёт денуклеаризацию. Даже несмотря на то, что Трамп перешёл от угроз к переговорам, вполне возможно, что высокопоставленные американские советники по безопасности верят в возможность быстрого «обезглавливания» северокорейского режима до того, как будет применено ядерное оружие. Некоторые советники могут полагать, что американские системы противоракетной обороны защитят Соединённые Штаты и их союзников в случае применения Северной Кореей своего ядерного оружия.

In my view, any confidence in a military solution is reckless and immoral. Most expert assessments suggest massive deaths in South Korea, perhaps 20,000 per day, from a conventional war, much less a nuclear war. Most experts believe that the antimissile systems are highly imperfect, with a real possibility of failure.

На мой взгляд, любая уверенность в военном решении безрассудна и безнравственна. Большинство экспертных оценок указывают на массовые потери в Южной Корее, возможно, 20 000 человек в день, в обычной войне, не говоря уже о ядерной. Большинство экспертов считают, что системы противоракетной обороны крайне несовершенны и вполне могут выйти из строя.

If there is one lesson of history, it is to doubt the boastful pronouncements of warmongers. Things go wrong. One’s own weapons systems frequently fail. Treachery, surprise, accidents, errors are the essence of war. And with nuclear war, one doesn’t get a second chance. During the Cuban Missile Crisis, Kennedy’s reckless generals urged a military attack, believing that a nuclear war could be avoided. The truth was that Russian and Cuban troops were already deployed to use battlefield nuclear weapons in the event of a conventional U.S. attack.

Если история и учит чему-то, так это тому, что не стоит доверять хвастливым заявлениям поджигателей войны. Что-то идёт не так. Собственные системы вооружения часто дают сбой. Предательство, внезапность, случайности, ошибки — вот суть войны. А в ядерной войне второго шанса не дается. Во время Карибского кризиса безрассудные генералы Кеннеди настаивали на военном нападении, полагая, что ядерной войны можно избежать. Правда заключалась в том, что советские и кубинские войска уже были развернуты для применения ядерного оружия на поле боя в случае нападения США с применением обычных вооружений.

Perhaps the most important lesson that came out of the Cuban Missile Crisis is the conclusion of President Kennedy in his famous “Peace Speech” of June 1963, which ushered in the Partial Nuclear Test Ban Treaty:

Above all, while defending our own vital interests, nuclear powers must avert those confrontations which bring an adversary to a choice of either a humiliating retreat or a nuclear war. To adopt that kind of course in the nuclear age would be evidence only of the bankruptcy of our policy—or of a collective death-wish for the world.³

Амен.

Возможно, самым важным уроком Карибского кризиса является вывод президента Кеннеди из его знаменитой «Мирной речи» в июне 1963 года, положившей начало Договору о частичном запрещении ядерных испытаний:

Прежде всего, защищая свои собственные жизненно важные интересы, ядерные державы должны избегать тех конфронтаций, которые ставят противника перед выбором: унижительное отступление или ядерная война. Принятие такого курса в ядерный век было бы лишь свидетельством банкротства нашей политики — или коллективным желанием смерти для всего мира.³

Аминь.

Let's not panic. Instead, let's think, plan, and act. To quote Kennedy once more: "Our problems are manmade—therefore, they can be solved by man." The problem of Donald Trump can be solved too, by the institutions of American democracy and the international rule of law.

Давайте не будем паниковать. Вместо этого давайте думать, планировать и действовать. Ещё раз процитируем Кеннеди: «Наши проблемы созданы человеком, поэтому их может решить человек». Проблему Дональда Трампа тоже можно решить с помощью институтов американской демократии и международного правопорядка.

Trump is a bully whose bluster is designed to intimidate and wrong-foot a foe, and in Trump's worldview, just about everybody is a foe. As he has famously explained, in an attitude inherited from his father, there are "killers" and there are "losers." The bluster is designed to put Killer Trump ahead of the losers. The key to survival in the Trump era is to look past the bluster, face down the bullying, and prevent Trump's poorly controlled emotions from guiding the policies of the United States on these life-and-death issues.

Трамп — хулиган, чьё бахвальство призвано запугать и сбить с толку противника, а в мировоззрении Трампа практически все — враги. Как он метко объяснил, в соответствии с установкой, унаследованной от отца, есть «убийцы» и есть «неудачники». Хвастовство призвано поставить Убийцу Трампа выше неудачников. Ключ к выживанию в эпоху Трампа — не обращать внимания на бахвальство, противостоять хулиганству и не позволять плохо контролируемым эмоциям Трампа определять политику Соединённых Штатов в этих жизненно важных вопросах.

The turn from name-calling to negotiation with North Korea gives some reason for hope, but it is all too easy to see how the spectacle of summits could slide back into acrimony, vitriol, and threats. The US demands denuclearization; North Korea demands security, and there is as yet no evidence that the reciprocal demands have been reconciled. With Trump's instability and lack of attention span, anything can happen.

Переход от оскорблений к переговорам с Северной Кореей даёт определённые основания для надежды, но слишком легко представить, как зрелище саммитов может снова скатиться к язвительности, сарказму и угрозам. США требуют денуклеаризации; Северная Корея требует безопасности, и пока нет никаких доказательств того, что взаимные требования были согласованы. Учитывая нестабильность и неспособность Трампа сосредоточиться, может произойти всё, что угодно.

Trump's impulsiveness will need to be checked. This check will come in part from our courts, which must scrutinize the various poorly prepared and ill-considered executive orders that have come from the administration; many will be quashed. Regulatory agencies must also follow rigorous procedures to change existing regulations, all of which are subject to court review and congressional supervision. Another check could come if a few patriotic Republican senators join with the Democrats to put a stop to Trump's mad rush of recklessness. Will Senators John McCain, Lindsey Graham, Susan Collins, Rob Portman, Lisa Murkowski, or Ron Paul, among others, really stand by if Trump brings us to the brink of

nuclear war?

Импульсивность Трампа необходимо будет контролировать. Эта проверка будет частично осуществляться нашими судами, которые должны будут тщательно изучить различные плохо подготовленные и необдуманные указы, исходящие от администрации; многие из них будут отменены. Регулирующие органы также должны следовать строгим процедурам для изменения существующих правил, все из которых подлежат судебному контролю и контролю со стороны Конгресса. Ещё одна проверка может произойти, если несколько патриотически настроенных сенаторов-республиканцев объединятся с демократами, чтобы положить конец безумному безрассудству Трампа. Действительно ли сенаторы Джон Маккейн, Линдси Грэм, Сьюзан Коллинз, Роб Портман, Лиза Мурковски или Рон Пол, среди прочих, будут стоять в стороне, если Трамп поставит нас на грань ядерной войны?

Other checks will come from outside our borders. Trump is rapidly uniting the world—against the United States. Within just two weeks of taking office, Trump had the European Union president listing the Trump administration alongside Russia, China, and the Middle East as threats to the European Union. China's president Xi Jinping has offered to take up the internationalist mantle that Trump is so eager to relinquish. Almost all of the world is also united in urging the handful of nuclear-weapons countries to honor their solemn obligations, under the Nuclear Nonproliferation Treaty, to take concrete steps toward nuclear disarmament, and not to instigate a renewed and dangerous arms race.

Другие проверки будут исходить из-за наших границ. Трамп быстро объединяет мир — против Соединенных Штатов. Всего через две недели после вступления в должность Трамп заставил президента Европейского союза включить администрацию Трампа в список угроз Европейскому союзу наряду с Россией, Китаем и Ближним Востоком. Председатель Китая Си Цзиньпин предложил взять на себя роль интернационалиста, от которой Трамп так стремится отказаться. Почти весь мир также един в призыве к горстке стран, обладающих ядерным оружием, выполнить свои торжественные обязательства в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия, предпринять конкретные шаги к ядерному разоружению и не провоцировать новую и опасную гонку вооружений.

Finally, of course, there is electoral politics. In moments of pessimism, it may seem that Trump will trample American democracy, thereby preventing a course correction in 2020 or earlier. Yet Trump is no Caesar or Augustus, and the United States is no republican Rome on the verge of succumbing to dictatorship. No doubt Trump can do great damage; our institutional checks and balances have been gravely weakened by decades of rule by the military-industrial-intelligence complex. Presidents indeed have the power to launch wars, even secret ones run by the CIA and special ops units that can kill vast numbers of innocents. But it's my sincere hope that the American people, and our political institutions, are not ready to accede to bullies.

Наконец, конечно, есть и электоральная политика. В моменты пессимизма может показаться, что Трамп растопчет американскую демократию, тем самым предотвратив коррекцию курса в 2020 году или ранее. Однако Трамп — не Цезарь и не Август, а Соединенные Штаты — не республиканский Рим на грани падения под диктатуру. Без сомнения, Трамп может нанести большой ущерб; Наша институциональная система сдержек и противовесов серьезно ослаблена десятилетиями правления военно-промышленного и разведывательного комплекса. Президенты действительно имеют право развязывать войны, даже тайные, проводимые ЦРУ и подразделениями специального назначения, которые могут унести жизни огромного числа невинных людей. Но я искренне надеюсь, что американский народ и наши политические институты не готовы уступить натиску тиранов.

The United States has developed a level of wealth, productivity, and technological know-how utterly unimaginable in the past. Yet we put everything at risk through our wanton addiction to war. If we instead used our vast knowledge, economic might, and technological excellence to help cure diseases, end

poverty, protect the environment, and ensure global food security, America would profoundly inspire other nations and do much to secure a new era of global peace.

Соединённые Штаты достигли уровня богатства, производительности труда и технологических знаний, совершенно немислимого в прошлом. Тем не менее, мы подвергаем всё риску из-за нашей безудержной зависимости от войны. Если бы мы вместо этого использовали наши обширные знания, экономическую мощь и технологическое превосходство для лечения болезней, борьбы с нищетой, защиты окружающей среды и обеспечения глобальной продовольственной безопасности, Америка вдохновила бы другие страны и многое сделала бы для обеспечения новой эры глобального мира.

Checks on Trump's recklessness and warmongering cannot come soon enough; as we'll see in the next chapter, his emerging ideas about national security and nuclear weapons are a danger to us all.

Сейчас необходимо остановить безрассудство и милитаризм Трампа; как мы увидим в следующей главе, его новые идеи о национальной безопасности и ядерном оружии представляют опасность для всех нас.

9 TRUMP'S NEW NATIONAL SECURITY STRATEGY

Every few years, the executive branch produces a National Security Strategy (NSS) to describe the administration's national security priorities and strategies to address them. The Trump administration released its first NSS in December 2017.¹ As with past strategies, the Trump strategy is grounded in a naïve and dangerous U.S. exceptionalism. To fully appreciate these dangers, Trump's NSS should be read alongside the new National Defense Strategy of the United States² and Nuclear Forces Posture.³

Каждые несколько лет исполнительная власть выпускает Стратегию национальной безопасности (СНБ), описывающую приоритеты администрации в области национальной безопасности и стратегии их достижения. Администрация Трампа опубликовала свою первую СНБ в декабре 2017 года.¹ Как и предыдущие стратегии, стратегия Трампа основана на наивном и опасном представлении об исключительности США. Чтобы в полной мере оценить эти опасности, СНБ Трампа следует рассматривать в контексте новой Стратегии национальной обороны Соединенных Штатов² и Положения о ядерных силах³.

The dominant tone of the Trump-era documents is bleak: the United States faces a world of hostility. Cooperation has failed. Only a renewed military buildup can succeed. The National Defense Strategy is worth quoting at length:

Today, we are emerging from a period of strategic atrophy, aware that our competitive military advantage has been eroding. We are facing increased global disorder, characterized by decline in the long-standing rules-based international order— creating a security environment more complex and volatile than any we have experienced in recent memory. Inter-state strategic competition, not terrorism, is now the primary concern in U.S. national security.

Доминирующий тон документов эпохи Трампа мрачен: Соединенные Штаты столкнулись с враждебным миром. Сотрудничество провалилось. Только возобновление наращивания военной мощи может привести к успеху. Стратегию национальной обороны стоит процитировать подробно:

Сегодня мы выходим из периода стратегической атрофии, осознавая, что наше конкурентное военное преимущество ослабевает. Мы сталкиваемся с растущим глобальным беспорядком, характеризующимся упадком давнего международного порядка, основанного на правилах, что создает более сложную и нестабильную среду безопасности, чем любая из тех, что мы видели в последнее время. Межгосударственное стратегическое соперничество, а не терроризм, теперь является главной проблемой национальной безопасности США.

China is a strategic competitor using predatory economics to intimidate its neighbors while militarizing features in the South China Sea. Russia has violated the borders of nearby nations and pursues veto power over the economic, diplomatic, and security decisions of its neighbors. As well, North Korea's outlaw actions and reckless rhetoric continue despite United Nation's censure and sanctions. Iran continues to sow violence and remains the most significant challenge to Middle East stability. Despite the defeat of ISIS's physical caliphate, threats to stability remain as terrorist groups with long reach continue to murder the innocent and threaten peace more broadly.⁴

Китай является стратегическим конкурентом, использующим хищническую экономику для запугивания своих соседей и одновременно милитаризации объектов в Южно-Китайском море. Россия нарушила границы соседних стран и добивается права вето на экономические, дипломатические и связанные с безопасностью решения своих соседей. Кроме того, противозаконные действия и безрассудная риторика Северной Кореи продолжают, несмотря на осуждение и санкции ООН. Иран продолжает сеять насилие и остается самым серьезным вызовом стабильности на Ближнем Востоке. Несмотря на разгром физического халифата ИГИЛ, угрозы стабильности сохраняются, поскольку террористические группировки с широким охватом продолжают убивать невинных людей и представлять угрозу миру в более широком смысле.⁴

According to the NSS, China and Russia are not just powerful counterparts, they are adversaries. In the National Defense Strategy, the term is "strategic competitor." In other contexts, such as Trump's 2018 State of the Union Address, they are "revisionist" powers. The NSS says of them the following:

China and Russia challenge American power, influence, and interests, attempting to erode American security and prosperity. They are determined to make economies less free and less fair, to grow their militaries, and to control information and data to repress their societies and expand their influence.⁵

Согласно СНБ, Китай и Россия — не просто могущественные партнеры, они — противники. В Стратегии национальной обороны используется термин «стратегический конкурент». В других контекстах, например, в Послании Трампа Конгрессу о положении страны в 2018 году, они являются «ревизионистскими» державами. В СНБ говорится о них следующее:

Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаясь подрвать безопасность и процветание Америки. Они полны решимости сделать экономику менее свободной и справедливой, нарастить свою вооружённую мощь и контролировать информацию и данные, чтобы подавлять свои общества и расширять своё влияние.⁵

Their goal, in other words, is not just to improve their own lot but to worsen America's. The National Defense Strategy goes even further:

It is increasingly clear that China and Russia want to shape a world consistent with their authoritarian model—gaining veto authority over other nations' economic, diplomatic, and security decisions . . . China and Russia are now undermining the international order from within the system by exploiting its benefits while simultaneously undercutting its principles and "rules of the road."⁶

Другими словами, их цель — не только улучшить собственное положение, но и ухудшить положение Америки. Стратегия национальной обороны идёт ещё дальше:

Становится всё более очевидным, что Китай и Россия хотят сформировать мир, соответствующий их авторитарной модели, — получив право вето на решения других стран в области экономики, дипломатии и безопасности... Китай и Россия теперь подрывают международный порядок изнутри системы, эксплуатируя её преимущества и одновременно подрывая её принципы и «правила дорожного движения».⁶

One of the motifs running through these documents is that the United States naïvely tried the cooperative approach, but that it failed because of the perfidious behavior of America's adversaries:

These competitions require the United States to rethink the policies of the past two decades—policies based on the assumption that engagement with rivals and their inclusion in international institutions and global commerce would turn them into benign actors and trustworthy partners. For the most part, this premise turned out to be false.

Rival actors use propaganda and other means to try to discredit democracy. They advance anti-Western views and spread false information to create divisions among ourselves, our allies, and our partners.⁷

Один из мотивов, проходящих через эти документы, заключается в том, что Соединённые Штаты наивно пытались использовать кооперативный подход, но потерпели неудачу из-за вероломного поведения противников Америки:

Это соперничество требует от Соединённых Штатов переосмысления политики последних двух десятилетий — политики, основанной на предположении, что взаимодействие с соперниками и их включение в международные институты и глобальную торговлю превратит их в добросовестных игроков и надёжных партнёров. По большей части эта предпосылка оказалась ложной. Конкурирующие субъекты используют пропаганду и другие средства, чтобы попытаться дискредитировать демократию. Они продвигают антизападные взгляды и распространяют ложную информацию, чтобы посеять разногласия между нами, нашими союзниками и нашими партнёрами.⁷

The first thing that comes to my mind is Jesus's admonition: "Why do you see the speck that is in your brother's eye, but do not notice the log that is in your own eye?" The U.S. security state is pointing its finger at China and Russia as undermining the global system. Yet which country launched catastrophic wars of "regime change" without requisite UN backing and against the advice of countries around the world? Which country has failed to ratify a UN-backed treaty in nearly a quarter-century (as I'll look at in detail in chapter 15)? Which country is repeatedly taking foreign policy measures strongly repudiated by most other countries, whether Trump's announced withdrawal from the Paris Climate Agreement or the move of America's Israeli embassy from Tel Aviv to Jerusalem over the objections of the other fourteen UN Security Council members?

Первое, что приходит мне на ум, – это наставление Иисуса: «Что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в своём глазу не чувствуешь?» Американское государство безопасности указывает пальцем на Китай и Россию, подрывая мировую систему. Однако какая страна развязала катастрофические войны за «смены режимов» без необходимой поддержки ООН и вопреки рекомендациям стран всего мира? Какая страна почти четверть века не ратифицировала договор, поддержанный ООН (что я подробно рассмотрю в главе 15)? Какая страна постоянно принимает меры внешней политики, решительно осуждаемые большинством других стран, будь то объявленный Трампом выход из Парижского соглашения по климату или перенос американского посольства в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим, несмотря на возражения остальных четырнадцати членов Совета Безопасности ООН?

The NSS's bleak assessment regarding global cooperation is belied by the facts, except of course if the bleakness becomes a self-fulfilling prophecy. The entire world (including the Obama administration) agreed on the future direction of development cooperation by adopting Agenda 2030 and the seventeen Sustainable Development Goals in September 2015, and signing the Paris Climate Agreement in December 2015 just a few weeks later. Most countries of the world, including China and Russia, have signed and ratified several important UN treaties during the past quarter-century, many of which, unfortunately, have been repudiated not by China and Russia but by the United States. On the great questions of military security, including the nuclear arsenal, it is hard to argue that China and Russia have been the instigators of bad behavior. The United States was the first to undermine U.S.-Russian nuclear cooperation by unilaterally abandoning the Anti-Ballistic Missile (ABM) Treaty in 2002 in order to pursue America's missile defense deployment. The United States led the expansion of NATO to Russia's backyard.

Мрачная оценка СНБ относительно глобального сотрудничества опровергается фактами, за исключением, конечно, случаев, когда эта мрачность становится самоисполняющимся пророчеством. Весь мир (включая администрацию Обамы) согласовал будущее направление сотрудничества в области развития, приняв Повестку дня на период до 2030 года и семнадцать Целей устойчивого развития в сентябре 2015 года, а всего через несколько недель подписал Парижское соглашение по климату в декабре 2015 года. Большинство стран мира, включая Китай и Россию, за последнюю четверть века подписали и ратифицировали несколько важных договоров ООН, многие из которых, к сожалению, были денонсированы не Китаем и Россией, а Соединёнными Штатами. Что касается важных вопросов военной безопасности, включая ядерный арсенал, трудно утверждать, что Китай и Россия были зачинщиками недобросовестного поведения. Соединённые Штаты первыми подорвали американо-российское ядерное сотрудничество, в одностороннем порядке отказавшись от Договора по противоракетной обороне (ПРО) в 2002 году, чтобы продолжить развёртывание американской противоракетной обороны. Соединённые Штаты возглавили расширение НАТО на территорию России.

Consistent with exceptionalism, the United States has insisted on military dominance, not merely deterrence, in all regions of the world. When the United States vastly outspends China and Russia in military armaments and those countries respond by increasing their own arms spending, the United States then points an accusing finger. I am reminded of the cartoon in which the little boy runs to his mother crying, "Mommy, mommy, Jimmy hit me back." The other countries are indeed pushing back against U.S. assertions of dominance. That does not make them systems breakers.

В соответствии с принципом исключительности, Соединённые Штаты настаивают на военном доминировании, а не просто на сдерживании, во всех регионах мира. Когда Соединённые Штаты значительно превосходят Китай и Россию по расходам на вооружение, а эти страны в ответ увеличивают свои собственные военные расходы, Соединённые Штаты обвиняют друг друга. Мне вспоминается мультфильм, в котором маленький мальчик бежит к маме с криком: «Мама, мама, Джимми ударил меня в ответ». Другие страны действительно сопротивляются заявлениям США о доминировании. Это не делает их разрушителями системы.

One of the reasons why the National Security Strategy regards cooperation so bleakly is that it largely rejects the very need for cooperation. Instead of looking for global cooperation to decarbonize the world's energy system in order to achieve the globally agreed climate goals, the document instead declares that "U.S. leadership is indispensable to countering an anti-growth energy agenda that is detrimental to U.S. economic and energy security interests." There is not even lip service paid to other environmental challenges such as deforestation, loss of biodiversity, and water scarcity. There is a passing mention, just one sentence, about disease control.

Одна из причин, по которой Стратегия национальной безопасности так мрачно относится к сотрудничеству, заключается в том, что она в значительной степени отрицает саму необходимость сотрудничества. Вместо того чтобы стремиться к глобальному сотрудничеству в целях декарбонизации мировой энергетической системы для достижения согласованных на глобальном уровне целей по борьбе с изменением климата, в документе заявляется, что «лидерство США необходимо для противодействия антиростовой энергетической повестке дня, которая наносит ущерб интересам экономики и энергетической безопасности США». Даже на словах не упоминаются другие экологические проблемы, такие как вырубка лесов, потеря биоразнообразия и нехватка воды. Борьба с болезнями упоминается вскользь, всего одним предложением.

The National Security Strategy accuses China of undermining global cooperation. This is certainly not how China describes its role in the world. President Xi Jinping's speech to the Nineteenth Party Congress in October 2017 offered an important statement of China's viewpoint. Xi spoke of China's overarching goal of national rejuvenation following the disasters of imperialism, foreign invasion, civil war, and economic turmoil that gripped China in the nineteenth and twentieth centuries. He emphasized that China's goals depend on a peaceful and stable international environment:

The dream of the Chinese people is closely connected with the dreams of the peoples of other countries; the Chinese Dream can be realized only in a peaceful international environment and under a stable international order. We must keep in mind both our internal and international imperatives, stay on the path of peaceful development, and continue to pursue a mutually beneficial strategy of opening up. We will uphold justice while pursuing shared interests, and will foster new thinking on common, comprehensive, cooperative, and sustainable security. We will pursue open, innovative, and inclusive development that benefits everyone; boost crosscultural exchanges characterized by harmony within diversity, inclusiveness, and mutual learning; and cultivate ecosystems based on respect for nature and green development. China will continue its efforts to safeguard world peace, contribute to global development, and uphold international order.⁸

В Стратегии национальной безопасности Китай обвиняется в подрыве глобального сотрудничества. Китай, безусловно, не так описывает свою роль в мире. Выступление председателя Си Цзиньпина на XIX съезде партии в октябре 2017 года было важным заявлением о позиции Китая. Си Цзиньпин говорил о главной цели Китая – национальном возрождении после катастроф империализма, иностранного вторжения, гражданской войны и экономических потрясений, охвативших Китай в XIX и XX веках. Он подчеркнул, что цели Китая зависят от мирной и стабильной международной обстановки:

Мечта китайского народа тесно связана с мечтами народов других стран; китайская мечта может быть реализована только в мирной международной обстановке и при стабильном международном порядке. Мы должны помнить о наших внутренних и международных императивах, оставаться на пути мирного развития и продолжать следовать взаимовыгодной стратегии открытости. Мы будем отстаивать справедливость, преследуя общие интересы, и развивать новое мышление в области общей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности. Мы будем стремиться к открытому, инновационному и инклюзивному развитию, приносящему пользу всем; стимулировать межкультурные обмены, характеризующиеся гармонией в условиях многообразия, инклюзивности и взаимного обучения; и развивать экосистемы, основанные на уважении к природе и экологическом развитии. Китай продолжит свои усилия по защите мира во всем мире, внесению вклада в глобальное развитие и поддержанию международного порядка.⁸

He then went on to outline the principles that would guide China's foreign policy, declaring that China "will continue to hold high the banner of peace, development, cooperation, and mutual benefit and uphold its fundamental foreign policy goal of preserving world peace and promoting common development." In this context, Xi issued a call for global cooperation, rejecting balance-of-power politics:

We call on the peoples of all countries to work together to build a community with a shared future for mankind, to build an open, inclusive, clean, and beautiful world that enjoys lasting peace, universal security, and common prosperity. We should respect each other, discuss issues as equals, resolutely reject the Cold War mentality and power politics, and take a new approach to developing state-to-state relations with communication, not confrontation and partnership, not alliance. We should commit to settling disputes through dialogue and resolving differences through discussion, coordinate responses to traditional and non-traditional threats and oppose terrorism in all its forms.⁹

Затем он перешёл к изложению принципов, которыми будет руководствоваться внешняя политика Китая, заявив, что Китай «продолжит высоко нести знамя мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды и будет отстаивать свою основополагающую цель внешней политики — сохранение мира во всём мире и содействие общему развитию». В этом контексте Си Цзиньпин призвал к глобальному сотрудничеству, отвергнув политику баланса сил:

Мы призываем народы всех стран работать вместе над созданием сообщества с единой судьбой для человечества, над созданием открытого, инклюзивного, чистого и прекрасного мира, в котором будут царить прочный мир, всеобщая безопасность и общее процветание. Мы должны уважать друг друга, обсуждать вопросы как равные, решительно отвергать менталитет холодной войны и политику силы и применять новый подход к развитию межгосударственных отношений,

основанный на общении, а не на конфронтации, и партнёрстве, а не на союзничестве. Мы должны стремиться к разрешению споров путем диалога и разрешению разногласий путем обсуждения, координировать меры реагирования на традиционные и нетрадиционные угрозы и противостоять терроризму во всех его формах.⁹

Xi cites One Belt, One Road, China's development assistance, and China's support for the United Nations as specific ways that China is "ready to work with the people of all other countries to build a community with a shared future for mankind."

Си Цзиньпин называет инициативу «Один пояс, один путь», помощь Китая в целях развития и поддержку Китаем Организации Объединенных Наций конкретными примерами того, как Китай «готов работать с народами всех других стран над созданием сообщества с единой судьбой для человечества».

While many countries have serious concerns about China's rising power and how it will be used, Trump's naked assertion of America First has dramatically altered global perceptions of U.S. leadership. According to an early 2018 Gallup report on public approval of the leadership of Germany, the United States, China, and Russia, global confidence in U.S. leadership plummeted from 48 percent in 2016, the final year of the Obama administration, to just 30 percent in 2017.¹⁰ Global public approval of China's leadership held steady at 31 percent. A mid-2017 Pew survey found the same, with confidence in Xi Jinping at 28 percent compared with just 22 percent for Trump.¹¹ If nothing else, America First has set off alarm bells around the world.

Хотя многие страны серьезно обеспокоены растущей мощью Китая и тем, как она будет использоваться, открытое заявление Трампа о том, что «Америка прежде всего», кардинально изменило восприятие лидерства США в мире. Согласно отчету Gallup за начало 2018 года об общественном одобрении руководства Германии, США, Китая и России, уровень доверия к руководству США в мире резко упал с 48% в 2016 году, последнем году правления администрации Обамы, до всего лишь 30% в 2017 году.¹⁰ Уровень одобрения руководством Китая в мире остался на уровне 31%. Опрос Pew, проведенный в середине 2017 года, показал то же самое: доверие к Си Цзиньпину составило 28%, в то время как к Трампу — всего 22%.¹¹ Как минимум, политика «Америка прежде всего» вызвала тревогу по всему миру.

The National Security Strategy and National Defense Strategy are based squarely on the central pillar of American exceptionalism: global military dominance. The National Defense Strategy puts it this way: "For decades the United States has enjoyed uncontested or dominant superiority in every operating domain. We could generally deploy our forces when we wanted, assemble them where we wanted, and operate how we wanted. Today, every domain is contested—air, land, sea, space, and cyberspace." The stated goal is to "remain the preeminent military power in the world," and in particular to maintain "favorable regional balances of power in the Indo-Pacific, Europe, the Middle East, and the Western Hemisphere."¹²

Стратегия национальной безопасности и Стратегия национальной обороны основаны на главном столпе американской исключительности: глобальном военном доминировании. В Стратегии национальной обороны это сформулировано следующим образом: «На протяжении десятилетий Соединённые Штаты обладали неоспоримым или доминирующим превосходством во всех сферах деятельности. Мы могли, как правило, развёртывать наши силы, когда хотели, концентрировать их там, где хотели, и действовать так, как хотели. Сегодня каждая сфера деятельности оспаривается — воздух, суша, море, космос и киберпространство». Заявленная цель — «оставаться ведущей военной державой в мире» и, в частности, поддерживать «благоприятный региональный баланс сил в Индо-Тихоокеанском регионе, Европе, на Ближнем Востоке и в Западном полушарии».¹²

To sustain its military dominance, the United States maintains a costly network of nearly 800 military bases in more than seventy countries around the world, at an estimated annual cost of around \$100 billion as of 2014, according to author David Vine.¹³ (China, as I've mentioned, has only one small overseas base, in Djibouti.) Vine's global map of overseas U.S. military facilities, shown in figure 9.1,

distinguishes between full bases, smaller “lily pads” with fewer than 200 personnel, and suspected but unconfirmed facilities.

Для поддержания своего военного доминирования Соединенные Штаты содержат дорогостоящую сеть из почти 800 военных баз в более чем семидесяти странах мира, ежегодные расходы на которую, по оценкам автора Дэвида Вайна, по состоянию на 2014 год составляли около 100 миллиардов долларов.¹³ (У Китая, как я уже упоминал, есть только одна небольшая зарубежная база — в Джибути.) Глобальная карта зарубежных военных объектов США, составленная Вайном и представленная на рисунке 9.1, различает полноценные базы, небольшие «точки опоры» или перевалочные пункты (“Lily pads” - листы кувшинок, по которым лягушка перепрыгивает с одного на другой, чтобы добраться до цели) с численностью личного состава менее 200 человек и предполагаемые, но неподтвержденные объекты.

The logic (or illogic) of “dominance” compels the U.S. military to keep expanding its geographic presence. NATO expanded eastward even after the Soviet threat disappeared. And after the United States ostensibly ended its combat missions in Afghanistan and Iraq, military bases and personnel remained behind. Most recently, the United States has announced its intention to create a base in Syria as well. Of course, nobody asked the Syrians their view on this. After all, the United States has remained in Guantanamo Bay Naval Base, Cuba, for 115 years despite ardent Cuban protests from the start.

Логика (или нелогичность) «доминирования» вынуждает американские военные силы продолжать расширять своё географическое присутствие. НАТО расширилось на восток даже после исчезновения советской угрозы. И после того, как США якобы завершили свои боевые миссии в Афганистане и Ираке, военные базы и личный состав остались. Совсем недавно США объявили о намерении создать базу и в Сирии. Конечно, никто не спросил мнения сирийцев по этому поводу. В конце концов, США уже 115 лет находятся на военно-морской базе Гуантанамо на Кубе, несмотря на яростные протесты кубинцев с самого начала.

The next big military price tag will be the upgrading of America’s nuclear triad (land, air, and submarine). All signatories to the Nuclear Non-Proliferation Treaty, including the United States, are obligated under Article VI to “pursue negotiations in good faith on effective measures relating to cessation of the nuclear arms race at an early date and to nuclear disarmament, and on a treaty on general and complete disarmament under strict and effective international control.”¹⁴ Yet this has become a dead letter from the point of view of U.S. foreign policy. The new Nuclear Posture Review states, “We must look reality in the eye and see the world as it is, not as we wish it to be.”¹⁵ So much for treaty obligations. The Nuclear Posture Review calls for modernizing U.S. nuclear forces at a cost of around \$1 trillion over the coming thirty years.

Следующей крупной военной статьей расходов станет модернизация американской ядерной триады (наземной, воздушной и подводной). Все страны, подписавшие Договор о нераспространении ядерного оружия, включая Соединенные Штаты, обязаны в соответствии со статьей VI «вести переговоры в духе доброй воли об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем».¹⁴ Однако с точки зрения внешней политики США это стало пустым звуком. В новом «Обзоре ядерной политики» говорится: «Мы должны смотреть реальности в глаза и видеть мир таким, какой он есть, а не таким, каким мы хотим его видеть».¹⁴ Вот вам и все договорные обязательства. «Обзор ядерной политики» призывает к модернизации ядерных сил США стоимостью около 1 триллиона долларов в течение следующих тридцати лет.

The U.S. strategy of military dominance will ultimately prove too costly to sustain now that China is ready to invest heavily to narrow the military gap with the United States. The Chinese believe they must make increased military investments to offset U.S. power, while the United States regards China’s attempt to narrow the military gap with the United States as a dangerous provocation. The security dilemma rears its head once again. If the United States persists in trying to maintain military dominance, we will set off an enormous arms race with China, this time with a country that is four times larger by population and 20

percent larger by outputs than the United States (when GDP is measured at international prices per the IMF).

Американская стратегия военного доминирования в конечном итоге окажется слишком дорогостоящей для поддержания сейчас, когда Китай готов вкладывать значительные средства в сокращение военного разрыва с Соединенными Штатами. Китайцы считают необходимым увеличить военные инвестиции, чтобы компенсировать мощь США, в то время как Соединённые Штаты рассматривают попытки Китая сократить военный разрыв с Соединёнными Штатами как опасную провокацию. Дилемма безопасности вновь поднимает голову. Если Соединённые Штаты будут упорствовать в попытках сохранить военное превосходство, мы развяжем масштабную гонку вооружений с Китаем, на этот раз со страной, которая в четыре раза больше по населению и на 20% больше по объёму производства, чем Соединённые Штаты (если оценивать ВВП по международным ценам, согласно МВФ).

The United States is hastening the day of budgetary reckoning by expanding military spending while also cutting taxes, thereby increasing an already large budget deficit, now estimated to average 4–5 percent of GDP per year during the coming decade. All told, U.S. military spending currently amounts to around 5 percent of GDP if we add together the Pentagon, homeland security, nuclear weapons, the CIA and other intelligence agencies, and the costs of veterans' medical care and other benefits. With federal tax revenues running to only around 17 percent of GDP, the federal budget cannot even now cover the sum of military spending, interest on the debt, and big-ticket social programs such as Social Security and health care, much less the civilian discretionary programs such as job training, education, community development, environmental protection, and civilian research and development. These discretionary programs have already been cut to the bone, thereby weakening the economic foundations of American power.

Соединённые Штаты приближают день бюджетного расплаты, увеличивая военные расходы и одновременно снижая налоги, тем самым увеличивая и без того значительный бюджетный дефицит, который, по оценкам, в среднем составит 4–5% ВВП в год в течение ближайшего десятилетия. В общей сложности военные расходы США в настоящее время составляют около 5% ВВП, если сложить расходы на Пентагон, Министерство внутренней безопасности, ядерное оружие, ЦРУ и другие разведывательные агентства, а также расходы на медицинское обслуживание ветеранов и другие льготы. Поскольку федеральные налоговые поступления составляют всего около 17% ВВП, федеральный бюджет даже сейчас не может покрыть военные расходы, проценты по долгу и масштабные социальные программы, такие как социальное обеспечение и здравоохранение, не говоря уже о гражданских дискреционных программах, таких как профессиональная подготовка, образование, развитие сообществ, охрана окружающей среды и гражданские исследования и разработки. Эти дискреционные программы уже урезаны до минимума, тем самым ослабляя экономические основы американского могущества.

Moreover, America's military predominance is already waning. In 1993, the United States accounted for 49 percent of the military outlays of the twenty largest military spenders.¹⁶ By 2016, the U.S. share had declined to 43 percent. In practical terms, the decline is even larger. If we group the countries according to whether they are military allies of the United States, the decline in military outlays of the United States plus allies is much starker. In 1993, the United States plus its allies accounted for a whopping 94 percent of military outlays of the top-twenty spenders. By 2016, their share of military outlays had declined to 72 percent.¹⁷

Более того, военное превосходство Америки уже идёт на спад. В 1993 году на долю США приходилось 49% военных расходов двадцати стран с наибольшими военными расходами.¹⁶ К 2016 году доля США снизилась до 43%. На практике это снижение ещё больше. Если сгруппировать страны по признаку их военного союзничества, то снижение военных расходов США и их союзников будет гораздо более заметным. В 1993 году на долю США и их союзников

приходилось целых 94% военных расходов двадцати стран с наибольшими военными расходами. К 2016 году их доля в военных расходах снизилась до 72 процентов.¹⁷

The biggest shift was China, which accounted for 2 percent of the military outlays in 1993 but 15 percent in 2016. Russia went from 1 percent of top-twenty military outlays to 5 percent, while Iran went from 0.2 percent to 0.9 percent. It's no wonder that the United States regards China, Iran, and Russia as its main strategic competitors. Their rising military outlays, combined with their geopolitical independence, especially threaten America's military dominance.

Самое большое изменение произошло в Китае, на долю которого приходилось 2 процента военных расходов в 1993 году, но 15 процентов в 2016 году. Россия увеличила свои военные расходы с 1 процента до 5 процентов в двадцатке стран с наибольшими военными расходами, в то время как Иран увеличил их с 0,2 процента до 0,9 процента. Неудивительно, что Соединенные Штаты считают Китай, Иран и Россию своими главными стратегическими конкурентами. Их растущие военные расходы в сочетании с геополитической независимостью особенно угрожают военному доминированию Америки.

One might argue that the United States will keep its military predominance by winning new allies (such as India) and by pushing existing allies to spend more on the military. The United States is of course trying both approaches. In my view, they will have limited effect. India, Pakistan, Russia, and other large economies have their own interests that they will not subordinate for the long term to those of the United States. They may be tactical allies on particular occasions, but in the long term they will pursue their own interests. The same is true of Turkey today, which is a U.S. ally under NATO but a competitor and part-time adversary in the Middle East.

Можно утверждать, что Соединенные Штаты сохранят свое военное превосходство, привлекая новых союзников (таких как Индия) и подталкивая существующих союзников к увеличению военных расходов. Соединенные Штаты, конечно, пробуют оба подхода. На мой взгляд, их эффект будет ограниченным. У Индии, Пакистана, России и других крупных экономик есть свои собственные интересы, которые они не будут подчинять в долгосрочной перспективе интересам Соединенных Штатов. В отдельных случаях они могут быть тактическими союзниками, но в долгосрочной перспективе будут преследовать собственные интересы. То же самое можно сказать и о сегодняшней Турции, которая является союзником США по НАТО, но одновременно конкурентом и противником на Ближнем Востоке.

Some will also predict that the United States will keep its predominance through its technological edge, but that too is a dubious proposition. China's capacity for innovation is soaring, as measured, for example, by the rapid increase in Chinese patents, R&D outlays, scientific publications, and shares of production and sales of commercial technologies. The same will occur with Russia, India, and other countries that are outside of the U.S. alliance. Sadly, one of the ways that America is maintaining high military spending is through cuts in outlays on science and technology. We'll look at the costs of such shortsighted decisions in the next part.

Некоторые также прогнозируют, что Соединённые Штаты сохранят своё превосходство благодаря технологическому превосходству, но это тоже сомнительное предположение. Инновационный потенциал Китая стремительно растёт, о чём свидетельствует, например, быстрый рост числа китайских патентов, расходов на НИОКР, научных публикаций и доли производства и продаж коммерческих технологий. То же самое произойдёт с Россией, Индией и другими странами, не входящими в альянс с США. К сожалению, одним из способов, которым Америка поддерживает высокие военные расходы, является сокращение расходов на науку и технологии. Мы рассмотрим цену таких недалёковидных решений в следующей части.

Part III

U.S. FOREIGN ECONOMIC STATECRAFT

The American economy has shown a mixed performance over the past quarter-century since the end of the Cold War. On the one hand, economic growth has continued, albeit at a rate that was less than the preceding quarter-century (roughly the 1960s through the 1980s). On the other hand, economic inequality soared, jobs were shed in manufacturing, and America divided into two economies—a prosperous one for those with four-year college degrees or more and a stagnant or declining economy for those with less education. I have described this divided economy in two recent books, *The Price of Civilization* (2012)¹ and *Building the New American Economy* (2017).²

Американская экономика за последнюю четверть века, прошедшую после окончания холодной войны, демонстрировала неоднозначную динамику. С одной стороны, экономический рост продолжался, хотя и медленнее, чем в предыдущую четверть века (примерно с 1960-х по 1980-е годы). С другой стороны, резко возросло экономическое неравенство, сократились рабочие места в обрабатывающей промышленности, и Америка разделилась на две экономики: процветающую для тех, у кого было не менее четырех лет высшего образования, и стагнирующую или находящуюся в упадке для тех, у кого меньше образования. Я описал эту разделённую экономику в двух недавних книгах: «Цена цивилизации» (2012)¹ и «Строительство новой американской экономики» (2017)².

Trump's America First policy is partly about economic statecraft. It is based on Trump's belief that the United States has been duped by its trading counterparts, such as China, Germany, and Mexico. Trump's misunderstanding is primitive, as he interprets America's trade deficit with these countries as proof that these countries are subjecting the United States to unfair trade practices. In fact, the U.S. trade deficit is a sign of America's extraordinarily low saving rate, which is itself partly due to excessive military spending and tax cuts that have boosted the federal budget deficit and led to negative rates of government saving.

Политика Трампа «Америка прежде всего» отчасти связана с экономическим государственным управлением. Она основана на убеждении Трампа в том, что Соединённые Штаты были обмануты своими торговыми партнёрами, такими как Китай, Германия и Мексика. Заблуждение Трампа примитивно, поскольку он интерпретирует торговый дефицит Америки с этими странами как доказательство того, что эти страны подвергают Соединённые Штаты несправедливой торговой практике. На самом деле, торговый дефицит США является признаком чрезвычайно низкого уровня сбережений в Америке, что отчасти обусловлено чрезмерными военными расходами и снижением налогов, которые увеличили дефицит федерального бюджета и привели к отрицательным показателям государственных сбережений.

Trump's economic policies are like his personality, impulsive and shortsighted, and likely to damage the working-class constituency he professes to support. Trump's fiscal policies will cause a soaring budget deficit that will eventually weaken America's fiscal standing and undermine the government's ability to invest in the future, including vital investments in science and technology. Trump's trade policies will not bring home millions of manufacturing jobs and might instead cause a trade war in which the United States itself will be among the losers. China's economic statecraft, on the other hand, based on regional integration (One Belt, One Road) and large, long-term investments in cutting-edge technologies, is very likely to boost China's global competitiveness as well as its environmental sustainability.

Экономическая политика Трампа, как и его личность, импульсивна и недальновидна и, вероятно, нанесет ущерб рабочему классу, который он, как утверждается, поддерживает. Фискальная политика Трампа приведет к резкому росту бюджетного дефицита, что в конечном итоге ослабит финансовое положение Америки и подорвет способность правительства инвестировать в будущее, включая жизненно важные инвестиции в науку и технологии. Торговая политика Трампа не принесет США миллионы рабочих мест в производстве, а вместо этого может спровоцировать торговую войну, в которой сами Соединённые Штаты окажутся в числе проигравших. С другой стороны, экономическая политика Китая, основанная на региональной интеграции («Один пояс, один путь») и крупных долгосрочных инвестициях в передовые технологии, весьма вероятно, повысит глобальную конкурентоспособность Китая, а также его экологическую устойчивость.

Trump's protectionism plays to his political base: white, less-educated workers who have lost jobs or wages as the result of globalization. But protectionism is the wrong way to address the real needs of such workers. Much better would be a combination of new job training, expanded wage subsidies through the Earned Income Tax Credit, and other forms of redistribution from the rich to the poor. As I have recently discussed those better alternatives elsewhere,³ I will not repeat the arguments here.

Протекционизм Трампа играет на руку его политической базе: белым, менее образованным работникам, потерявшим работу или заработную плату в результате глобализации. Но протекционизм — неверный способ удовлетворения реальных потребностей таких работников. Гораздо эффективнее было бы сочетание новых программ профессиональной подготовки, расширенного субсидирования заработной платы через налоговый кредит на заработанный доход и других форм перераспределения доходов от богатых к бедным. Поскольку я недавно обсуждал эти альтернативы в другом месте³, я не буду повторять его аргументы здесь.

Trump's nationalism is very poorly timed, as the world needs more global and regional cooperation, not less. The major problems that afflict us—global warming and other environmental threats, the need to upgrade energy infrastructure, rapid shifts in the labor market resulting from artificial intelligence and robotics—argue for solutions that require global and regional cooperation and policies that cannot be implemented by any one country alone, even the United States with its vast economy.

Национализм Трампа крайне несвоевременен, поскольку миру нужно больше глобального и регионального сотрудничества, а не меньше. Основные проблемы, с которыми мы сталкиваемся, — глобальное потепление и другие экологические угрозы, необходимость модернизации энергетической инфраструктуры, быстрые изменения на рынке труда в результате развития искусственного интеллекта и робототехники — требуют решений, требующих глобального и регионального сотрудничества и политики, которую не может реализовать ни одна страна в одиночку, даже Соединенные Штаты с их огромной экономикой.

10 THE ECONOMIC BALANCE SHEET ON “AMERICA FIRST”

President Donald Trump believes an “America First” foreign economic policy would save Americans' income and jobs and would help rebuild the country. For Trump, the economic content of America First is aggressive trade protectionism, a closure of borders to migration, economic sanctions against U.S. adversaries, rejection of China's investments in U.S. companies, and other measures to give the United States a purported advantage in economic power vis-à-vis America's rivals. Putting aside the moral and diplomatic dangers in Trump's brazen assertion of American self-interest above global well-being, there are several dangerous myths in Trump's economic reasoning.

Президент Дональд Трамп считает, что внешнеэкономическая политика «Америка прежде всего» сохранит доходы и рабочие места американцев и поможет восстановить страну. Для Трампа экономическое содержание политики «Америка прежде всего» заключается в агрессивном торговом протекционизме, закрытии границ для мигрантов, экономических санкциях против противников США, отказе от инвестиций Китая в американские компании и других мерах, призванных дать Соединённым Штатам мнимое экономическое преимущество перед конкурентами Америки. Оставляя в стороне моральные и дипломатические риски, связанные с наглым утверждением Трампа о приоритете американских интересов над глобальным благополучием, можно отметить несколько опасных мифов в его экономических рассуждениях.

Trump's most provocative and misguided claims arise in regard to America's international trade and investment policies. He has repeatedly claimed that by getting tough with American firms moving overseas to China and Mexico he will restore American jobs and wealth at home. In this case, Trump has spotted a true phenomenon—the offshoring of jobs—but grossly exaggerated its importance and shot utterly at the wrong target.

Самые провокационные и ошибочные заявления Трампа касаются международной торговой и инвестиционной политики Америки. Он неоднократно заявлял, что, ужесточив политику в отношении американских компаний, выводящих своё производство за рубеж, в Китай и Мексику, он восстановит рабочие места и благосостояние Америки в стране. В данном случае Трамп уловил реальный феномен — офшоринг рабочих мест — но сильно преувеличил его значение и попал в совершенно не туда.

American manufacturing companies have indeed moved jobs to China and Mexico in order to benefit from lower wages for the labor-intensive segments of the production process. A recent study shows that as of 2014, U.S. multinational firms employed around 706,000 manufacturing workers in Mexico and 753,000 in China, or about 1.5 million workers in total, in overseas affiliates in which the U.S. firms have majority ownership.⁴ The Mexican production is directed toward the U.S. market under NAFTA, while the Chinese production is for both the United States and the rest of the world.

Американские производственные компании действительно переместили рабочие места в Китай и Мексику, чтобы получить выгоду от более низкой заработной платы в трудоёмких сегментах производственного процесса. Недавнее исследование показывает, что по состоянию на 2014 год американские транснациональные компании наняли около 706 000 рабочих в Мексике и 753 000 в Китае, что в общей сложности составляет около 1,5 миллиона работников в зарубежных филиалах, в которых американские компании владеют контрольным пакетом акций.⁴ Мексиканская продукция ориентирована на рынок США в рамках НАФТА, в то время как китайская — как на рынок США, так и на весь остальной мир.

Of course, 1.5 million is not a trivial number of workers, but it amounts to just 1 percent of the U.S. labor force. Manufacturing jobs as a whole in the United States are just not that numerous anymore because of the long-term processes of automation. In 1970, manufacturing jobs constituted 25 percent of the workforce; today, they constitute just 8.4 percent. It's not that the manufacturing jobs went overseas; they mostly went the way of smart machines. Yesteryear's assembly workers are today's assembly-line robots. And today's remaining manufacturing workers are tomorrow's artificial intelligence systems.

Конечно, 1,5 миллиона рабочих — это не пустяковое число, но это составляет всего 1 процент от общей численности рабочей силы США. В целом, рабочих мест в обрабатывающей промышленности США уже не так много из-за долгосрочных процессов автоматизации. В 1970 году рабочие места в обрабатывающей промышленности составляли 25% рабочей силы; сегодня их доля составляет всего 8,4%. Дело не в том, что рабочие места в обрабатывающей промышленности ушли за границу; в основном их переняли умные машины. Сборщики прошлого — это роботы на сборочных конвейерах. А оставшиеся рабочие сегодняшнего производства — это завтрашние системы искусственного интеллекта.

There is another fallacy. Reversing the offshoring would not create the same 1.5 million jobs inside the United States. Production is much more capital intensive in the United States than in China and Mexico because of higher U.S. wages. The 1.5 million workers in China and Mexico might translate into 750,000 workers inside the United States. This is just 0.5 percent of the U.S. labor market. And even those supposed job gains overlook the much higher production costs that the U.S.-based companies would incur when the jobs return, causing those firms to lose international competitiveness and to cut back on other employment already in the United States, such as the R&D units that support overseas operations.

Есть ещё одно заблуждение. Отмена офшоринга не создаст те же 1,5 миллиона рабочих мест в Соединённых Штатах. Производство в Соединённых Штатах гораздо более капиталоемкое, чем в Китае и Мексике, из-за более высокой заработной платы в США. 1,5 миллиона рабочих в Китае и Мексике могут обернуться 750 000 рабочих в Соединённых Штатах. Это всего 0,5 процента рынка труда США. И даже эти предполагаемые темпы роста рабочих мест не учитывают значительно более высокие производственные издержки, которые понесут американские компании после восстановления рабочих мест, что приведёт к потере международной конкурентоспособности и сокращению других рабочих мест, уже имеющихся в Соединённых Штатах, например, в подразделениях НИОКР, поддерживающих зарубежные операции.

Of course, some offshore production will never return to the United States. Some of the overseas operations have nothing to do with the U.S. market. And even production for export to the U.S. market is not so easy to cajole back home.

Конечно, часть офшорного производства никогда не вернётся в Соединённые Штаты. Некоторые зарубежные операции не имеют никакого отношения к рынку США. И даже производство для экспорта в США не так-то просто уговорить вернуться домой.

Suppose, for example, that Trump were to follow through on his threat of a “border tax” (or import duty) on goods exported to the United States by U.S. companies operating in China and Mexico. In response, those companies would most likely divest their overseas operations and buy the same products from unaffiliated companies not subject to the border tax. Suppose that Trump were to put tariffs on products coming in from China and Mexico. He would then set off a gigantic trade war that would do great damage to the U.S. and world economy. This trade war may have started in slow motion in early 2018 with Trump’s decision to impose protective tariffs on washing machines and solar panels (January) and steel and aluminum (March). The administration is also aggressively closing the U.S. market to China’s high-tech companies such as Huawei on the grounds of national security.

Предположим, например, что Трамп реализует свою угрозу ввести «пограничный налог» (или импортную пошлину) на товары, экспортируемые в США американскими компаниями, работающими в Китае и Мексике. В ответ эти компании, скорее всего, прекратят свою зарубежную деятельность и будут закупать ту же продукцию у неаффилированных компаний, не облагаемых пограничным налогом. Предположим, что Трамп введет пошлины на товары, поступающие из Китая и Мексики. Это развяжет масштабную торговую войну, которая нанесет огромный ущерб экономике США и мира. Эта торговая война, возможно, началась в замедленном темпе в начале 2018 года с решения Трампа ввести протекционистские пошлины на стиральные машины и солнечные панели (январь), а также на сталь и алюминий (март). Администрация также агрессивно закрывает американский рынок для китайских высокотехнологичных компаний, таких как Huawei, по соображениям национальной безопасности.

What about pronouncements by Ford Motor Company, for example, promising to invest \$700 million in Michigan rather than Mexico? The company declared that the move, portrayed as a response to Trump, would save 700 jobs, or roughly 1 job per \$1 million in investments. At that rate, Trump is not going to get very far for America’s 152 million workers. Indeed, as of January 2018, one year into the Trump program, U.S. employment in motor vehicles and parts manufacturing stood at 955,100, down from 956,700 in January 2017.

А как насчёт заявлений Ford Motor Company, например, об обещании инвестировать 700 миллионов долларов в Мичиган, а не в Мексику? Компания заявила, что этот шаг, представленный как ответ Трампу, позволит сохранить 700 рабочих мест, или примерно одно рабочее место на каждый миллион долларов инвестиций. При таких темпах Трамп вряд ли добьётся значительных успехов для 152 миллионов работников Америки. Действительно, по состоянию на январь 2018 года, через год после начала программы Трампа, занятость в производстве автомобилей и автозапчастей в США составляла 955 100 человек, что ниже 956 700 человек в январе 2017 года.

Instead of blaming China and Mexico for the very real problems facing America’s workers, Trump should be taxing the booming incomes of the capital owners (with their stock valuations at record levels) in order to ease the economic burdens on the workers. Unfortunately, he is doing exactly the opposite: giving yet more tax breaks to corporate capital on the claim that corporate tax cuts will also bring manufacturing jobs back home.

Вместо того, чтобы обвинять Китай и Мексику в реальных проблемах, с которыми сталкиваются американские работники, Трампу следовало бы облагать налогом стремительно растущие доходы владельцев капитала (с рекордно высокой стоимостью их акций), чтобы облегчить экономическое бремя для работников. К сожалению, он делает прямо противоположное: предоставляет

корпоративному капиталу ещё больше налоговых льгот, утверждая, что снижение корпоративных налогов также вернёт рабочие места в производство.

The so-called tax “reform” of December 2017 is actually a tax monstrosity. It cuts the headline corporate tax rate from 35 percent to 21 percent with an estimated revenue loss of around \$1.5 trillion over a decade, or roughly \$150 billion per year. The estimated direct revenue loss plus higher interest payments on the public debt are likely to raise the overall budget deficit by nearly 1 percent of GDP per year during the decade 2018–2027, with the tax savings accruing overwhelmingly to the rich. Today’s young people will inherit a mountain of public debt and debt servicing in the future. The debt/GDP ratio could rise from today’s high ratio of 77 percent to nearly 100 percent by around 2030.

Так называемая налоговая «реформа» декабря 2017 года на самом деле является налоговым чудовищем. Он снижает общую ставку корпоративного налога с 35 процентов до 21 процента с предполагаемой потерей доходов около 1,5 триллиона долларов за десятилетие, или примерно 150 миллиардов долларов в год. Предполагаемая прямая потеря доходов плюс более высокие процентные платежи по государственному долгу, вероятно, увеличат общий дефицит бюджета почти на 1 процент ВВП в год в течение десятилетия 2018–2027 годов, при этом налоговая экономия в подавляющем большинстве достаётся богатым. Сегодняшняя молодежь унаследует гору государственного долга и обслуживания долга в будущем. Соотношение долг/ВВП может вырасти с сегодняшнего высокого соотношения в 77 процентов до почти 100 процентов примерно к 2030 году.

The gains in good new jobs will be very small. Indeed, much of the new investment by business will be in robotics and smart systems to replace workers, not to hire them. The tax cut could easily accelerate the shift away from labor toward capital in many sectors, thereby depressing real wages. Moreover, other nations will now cut their own corporate tax rates to prevent the United States from shifting investments out of those other economies. This will produce a “race to the bottom” in capital taxation. As more and more countries slash their corporate tax rates, no country gets an advantage over the others. Instead, they all lose revenues. The only winners are the richest people in the world, and even there, the “winning” is likely to be short-lived if the result is more political instability and social unrest.

Прирост хороших новых рабочих мест будет очень незначительным. Действительно, большая часть новых инвестиций бизнеса будет направлена на робототехнику и интеллектуальные системы для замены работников, а не на их найм. Снижение налогов может легко ускорить переход от труда к капиталу во многих секторах, тем самым снижая реальную заработную плату. Более того, другие страны теперь будут снижать свои ставки корпоративного налога, чтобы помешать Соединённым Штатам выводить инвестиции из этих экономик. Это приведёт к «гонке на дно» в налогообложении капитала. По мере того, как всё больше стран снижают ставки корпоративного налога, ни одна из них не получает преимущества перед другими. Вместо этого все они теряют доходы. Единственными победителями становятся самые богатые люди мира, и даже там «выигрыш», вероятно, будет кратковременным, если результатом станет усиление политической нестабильности и социальных волнений.

Trump also proposes to offset the tax losses by slashing U.S. spending on foreign aid and on the United Nations. Here lies another great myth. Cutting spending on aid and the UN will save very little in dollar terms, but will cause a huge blow to America’s global interests and national security, not to mention America’s moral standing in the world. Total U.S. foreign aid is around \$33.6 billion per year, roughly 0.18 percent of national income. Thus, even if all foreign aid were eliminated, it would offset around one-fifth of Trump’s corporate tax cut. If anything, the United States should be doing far more, in partnership with other countries; in chapter 16, I’ll look at the important things U.S. foreign aid has accomplished—and all that could be accomplished with just a part of the funds that will go to the tax cuts for the rich.

Трам также предлагает компенсировать налоговые потери, сократив расходы США на иностранную помощь и финансирование ООН. В этом и заключается ещё один большой миф. Сокращение расходов на иностранную помощь и финансирование ООН сэкономит очень мало в долларовом эквиваленте, но нанесёт огромный удар по глобальным интересам и национальной

безопасности Америки, не говоря уже о её моральном авторитете в мире. Общий объём иностранной помощи США составляет около 33,6 млрд долларов в год, что составляет примерно 0,18% национального дохода. Таким образом, даже если вся иностранная помощь будет прекращена, она компенсирует примерно пятую часть снижения корпоративного налога, предложенного Трампом. Напротив, Соединённым Штатам следует делать гораздо больше в партнёрстве с другими странами; в главе 16 я рассмотрю важные результаты, достигнутые благодаря иностранной помощи США, и всё, чего можно было бы достичь, используя лишь часть средств, которые пойдут на снижение налогов для богатых.

Trump also asserts that the United States can achieve great savings by cutting its UN contributions. Here too, the savings are tiny in dollars and recklessly dangerous in their consequences. The United States contributes 22 percent of the UN's regular budget, the largest share of any country. But the regular budget is very modest, just \$5.68 billion for the recent two years 2016–2017, with America's assessed share 22 percent of that, or just \$625 million per year. Trump pushed for \$285 million in cuts for the next two-year UN budget (2018–2019). The savings are thus \$143 million per year, with the U.S. portion at 22 percent of that, or \$31 million per year. That comes out to around 0.02 percent of the annual \$150 billion in tax cuts.

Трамп также утверждает, что Соединённые Штаты могут добиться значительной экономии, сократив свои взносы в ООН. Здесь также экономия в долларах незначительна, а последствия безрассудно опасны. Соединённые Штаты вносят 22% регулярного бюджета ООН, что является самой большой долей среди всех стран. Однако этот регулярный бюджет весьма скромный: всего 5,68 млрд долларов за последние два года, 2016–2017, при этом доля США, подлежащая уплате, составляет 22%, или всего 625 млн долларов в год. Трамп настаивал на сокращении бюджета ООН на 285 млн долларов в течение следующего двухлетнего периода (2018–2019). Таким образом, экономия составит 143 млн долларов в год, при этом доля США составит 22%, или 31 млн долларов в год. Это составляет около 0,02% от ежегодного сокращения налоговых поступлений в размере 150 млрд долларов.

The United States spends another \$7 billion or so per year in so-called “voluntary contributions” for UN agencies such as UNICEF (the UN Children's Fund) and for UN peacekeeping operations. Not only are those additional contributions vital for saving lives and for U.S. and global security, but they are actually cost-saving for the United States as well. In each of these cases, the United States pools its funds with those of many other countries and thereby shares the global burden for peacekeeping, disease control, and other priorities. Many of those other donor countries give a much higher share of their GDP in aid and UN support than does the United States.

Соединённые Штаты тратят еще около 7 млрд долларов в год на так называемые «добровольные взносы» для агентств ООН, таких как ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН), и на миротворческие операции ООН. Эти дополнительные взносы не только жизненно важны для спасения жизней и обеспечения безопасности США и всего мира, но и фактически позволяют Соединённым Штатам экономить средства. В каждом из этих случаев Соединённые Штаты объединяют свои средства с фондами многих других стран и тем самым разделяют глобальное бремя расходов на поддержание мира, борьбу с болезнями и решение других приоритетных задач. Многие из этих стран-доноров выделяют гораздо большую долю своего ВВП на помощь и поддержку ООН, чем Соединённые Штаты.

The main point is this: Even if all U.S. foreign aid and UN contributions were ended, the financial saving to the United States would amount to no more than 0.2 percent of GDP, roughly a quarter or a fifth of the 2017 tax cut, and roughly one-hundredth of the federal government's outlays. The idea that such savings would substantially benefit the American worker or taxpayer is a complete myth, indeed an outright hoax. The result of such budget cutting would be to make the world even more dangerous and unstable and more vulnerable to epidemic diseases and other natural disasters.

Главное заключается в следующем: даже если бы вся помощь США другим странам и взносы в ООН были прекращены, финансовая экономия для Соединённых Штатов составила бы не более

0,2% ВВП, что составляет примерно четверть или пятую часть снижения налогов в 2017 году и примерно одну сотую часть расходов федерального правительства. Идея о том, что такая экономия существенно выиграет от труда американских работников или налогоплательщиков, является полным мифом, откровенной мистификацией. Результатом такого сокращения бюджета станет то, что мир станет еще более опасным и нестабильным, а также более уязвимым для эпидемических заболеваний и других стихийных бедствий.

The bottom line is that “America First” will not solve America's jobs crisis, income inequality, or infrastructure crisis. American companies will bring few if any jobs back from China and Mexico. Slashing U.S. development assistance or outlays for the UN will produce negligible budget savings at a high cost to U.S. global interests. The tax cut will cause a significant rise in the budget deficit with little effect on growth and employment.

Суть в том, что принцип «Америка прежде всего» не решит проблемы кризиса занятости в Америке, неравенства доходов или инфраструктурного кризиса. Американские компании практически не вернут рабочие места из Китая и Мексики. Сокращение помощи США в целях развития или расходов на ООН приведет к незначительной экономии бюджета, но нанесет существенный ущерб глобальным интересам США. Снижение налогов приведет к значительному увеличению бюджетного дефицита, практически не повлияв на экономический рост и занятость.

The key to resolving America's ills depends on greater fairness, decency, and honesty within our own borders, and depends notably on how we share the benefits of advanced technologies such as robotics and artificial intelligence and the booming profits they are producing. The real counterpart of falling American working-class incomes is not the rise of Mexican or Chinese incomes but the soaring profits and incomes now going to the richest 1 percent of Americans. The key solutions for American workers lie right here at home, not in overseas military adventures, new arms races, or selfdefeating trade wars. Yet given Trump's misguided economic populism, that's exactly where we're headed.

Ключ к решению проблем Америки зависит от большей справедливости, порядочности и честности в наших собственных границах и, в частности, от того, как мы распределяем преимущества передовых технологий, таких как робототехника и искусственный интеллект, и стремительно растущую прибыль, которую они приносят. Реальной противоположностью падения доходов американского рабочего класса является не рост доходов в Мексике или Китае, а стремительный рост прибылей и доходов, которые теперь достаются 1% самых богатых американцев. Ключевые решения для американских рабочих лежат здесь, дома, а не в зарубежных военных авантюрах, новых гонках вооружений или обреченных на провал торговых войнах. Однако, учитывая ошибочный экономический популизм Трампа, именно туда мы и направляемся.

11 FOREIGN POLICY POPULISM

Listen to President Trump describe how he will make America great again. He will deport illegal migrants, slash corporate taxes, build a wall, and make Mexico pay. He will punish companies that move jobs abroad, stand up to China's trade juggernaut, deregulate the economy, and end environmental protection.

Послушайте, как президент Трамп описывает, как он снова сделает Америку великой. Он депортирует нелегальных мигрантов, сократит корпоративные налоги, построит стену и заставит Мексику платить. Он накажет компании, которые переводят рабочие места за границу, будет противостоять торговому гиганту Китая, дерегулирует экономику и прекратит защиту окружающей среды.

The ostensible motivation for all this is faster economic growth and more jobs for working-class Americans. Properly viewed, economic growth and decent jobs are longterm challenges requiring a long-term national strategy. The nation's output depends on the productive assets in the economy, defined broadly to include the skills, technological know-how, roads, ports, factories, clean air and water, and even the trust in society that underpin commerce and finance. Economists call these assets the “capital”

of the economy, including human capital (education, job skills, health); infrastructure capital (roads, power, fiber, rail); natural capital (clean air and water, fertile soils, robust biodiversity, a stable climate); intellectual capital (scientific and technological know-how); and social capital (trust among Americans). Long-term improvements in the economy depend on investing in the capital stock in these areas in a balanced and thoughtful way.

Официальная мотивация всего этого — более быстрый экономический рост и больше рабочих мест для американского рабочего класса. При правильном рассмотрении экономический рост и достойные рабочие места — это долгосрочные задачи, требующие долгосрочной национальной стратегии. Объем производства страны зависит от производительных активов в экономике, которые в широком смысле включают навыки, технологические ноу-хау, дороги, порты, заводы, чистый воздух и воду и даже доверие в обществе, которое лежит в основе торговли и финансов. Экономисты называют эти активы «капиталом» экономики, включая человеческий капитал (образование, профессиональные навыки, здравоохранение); инфраструктурный капитал (дороги, электроэнергия, оптоволокно, железные дороги); природный капитал (чистый воздух и вода, плодородные почвы, устойчивое биоразнообразие, стабильный климат); интеллектуальный капитал (научные и технологические ноу-хау); и социальный капитал (доверие среди американцев). Долгосрочные улучшения в экономике зависят от сбалансированного и продуманного инвестирования в основной капитал в этих областях.

With the ongoing brilliant advances in technology, improved ways to impart skills to young people, smart infrastructure such as intercity fast rail and self-driving vehicles, environmental safety through the mass deployment of renewable energy, and a fairer income distribution to rebuild social trust, the American economy could indeed make substantial progress and raise future well-being.

Благодаря продолжающемуся впечатляющему прогрессу в технологиях, совершенствованию способов передачи навыков молодёжи, интеллектуальной инфраструктуре, такой как скоростные междугородние железные дороги и беспилотные автомобили, экологической безопасности за счёт массового внедрения возобновляемых источников энергии и более справедливому распределению доходов для восстановления общественного доверия, американская экономика действительно может добиться существенного прогресса и повысить будущее благосостояние.

A key policy step would be to boost national saving by increasing taxes on capital income, carbon emissions, and consumption spending in order to boost public-sector saving and investment in infrastructure, skills, and technology. (Barack Obama talked about this approach but didn't implement it. He never presented a plan or budget along these lines, even in the early days when he had Democratic majorities in both houses of Congress.)

Ключевым шагом политики было бы стимулирование национальных сбережений путём повышения налогов на доход от капитала, выбросы углерода и потребительские расходы с целью стимулирования сбережений государственного сектора и инвестиций в инфраструктуру, профессиональные навыки и технологии. (Барак Обама говорил об этом подходе, но не реализовал его. Он никогда не представлял план или бюджет в этом направлении, даже в первые годы, когда у него было демократическое большинство в обеих палатах Конгресса.)

This is the opposite of Trump's approach. Trump lives in a world of shortcuts: raising national income not by innovation, skill, and saving, but by grabbing income from somewhere else, such as Mexico, China, the environment, or future generations. Trump is the quintessential impulsive populist. History teaches why such short-termism is doomed to fail.

Это полная противоположность подходу Трампа. Трамп живёт в мире коротких путей: национальный доход увеличивается не за счёт инноваций, навыков и сбережений, а за счёт изъятия доходов из других источников, например, из Мексики, Китая, окружающей среды или будущих поколений. Трамп — типичный импульсивный популист. История учит, почему такой краткосрочный подход обречён на провал.

Almost thirty years ago, while working to end hyperinflation in Latin America, I made a study of Latin American short-termism. I tracked how short-term promises often ended up as long-term disasters in what I termed the “populist cycle,” something like the business cycle but politically caused. In the case of Latin American populists, such as Argentina’s Juan Perón and Venezuela’s Hugo Chavez, their trick was to grab the government’s financial assets and cash flow and, rather than invest them in the future, to distribute them among their followers in cash benefits, higher wages, and expanded public services.

Почти тридцать лет назад, работая над прекращением гиперинфляции в Латинской Америке, я исследовал латиноамериканский краткосрочный подход. Я проследил, как краткосрочные обещания часто оборачивались долгосрочными катастрофами в том, что я назвал «популистским циклом» — чем-то вроде делового цикла, но с политической подоплекой. В случае латиноамериканских популистов, таких как Хуан Перон в Аргентине и Уго Чавес в Венесуэле, их трюк заключался в том, чтобы захватить финансовые активы и денежный поток правительства и, вместо того чтобы инвестировать их в будущее, распределить их между своими сторонниками в виде денежных пособий, повышения заработной платы и расширения государственных услуг.

Some of these short-term benefits can be real. The problem is paying for them in the long term. Over time, the public sector loses its cash reserves and builds up debt. Eventually the debt comes due and no new creditors are ready to lend the government more funds. When the creditors demand repayment, there are no funds available. The government starts printing money, inflation soars, and the debt is defaulted.

Некоторые из этих краткосрочных выгод могут быть реальными. Проблема заключается в том, как за них расплатиться в долгосрочной перспективе. Со временем государственный сектор теряет свои денежные резервы и накапливает долг. В конце концов, наступает срок погашения долга, а новые кредиторы не готовы предоставить правительству дополнительные средства. Когда кредиторы требуют погашения, доступных средств нет. Правительство начинает печатать деньги, инфляция резко возрастает, и долг становится невыполненным.

Post-Chavez Venezuela is essentially in that condition today. The government can’t pay its bills. Inflation is soaring, and foreign exchange is so scarce that Venezuela can’t afford to import food from abroad. Hunger is soaring, and children are dying. Such is the extreme populist cycle of boom followed by bust.

Венесуэла после Чавеса, по сути, находится именно в таком положении сегодня. Правительство не может оплачивать свои счета. Инфляция стремительно растёт, а иностранной валюты так мало, что Венесуэла не может позволить себе импортировать продовольствие из-за рубежа. Голод растёт, дети умирают. Таков экстремальный популистский цикл подъёма, за которым следует спад.

Trump is looking for short-term miracles to give quick gratification to his followers and carry him to reelection in 2020. Like Perón and Chavez, he’ll try to grab what he can, both from foreigners and from future generations. He wants to crow about short-term gains. The question is how far he’ll get and what mess he will leave behind.

Трамп ищет краткосрочных чудес, чтобы быстро удовлетворить своих сторонников и обеспечить себе переизбрание в 2020 году. Подобно Перону и Чавесу, он попытается урвать всё, что сможет, как от иностранцев, так и от будущих поколений. Он хочет ликовать о краткосрочных выгодах. Вопрос в том, как далеко он продвинется и какой хаос оставит после себя.

He isn’t getting very far with Mexico. His demand that Mexico build and pay for a border wall was met with an emphatic no. Then came the suggestion that Trump would slap on a tariff to pay for it, as part of corporate tax reforms. Many businesses operating in Canada and Mexico expressed strong opposition to such a border tax and killed the proposal. Meanwhile, Trump pressures American companies to invest in the United States rather than in Mexico, another kind of grab from Mexico, but aside from winning some headlines, it’s hard to believe that the results will reach any meaningful scale in U.S. jobs created.

Он не продвинулся далеко в отношениях с Мексикой. Его требование, чтобы Мексика построила и оплатила стену на границе, было встречено решительным «нет». Затем появилось предположение, что Трамп введёт пошлину, чтобы покрыть расходы, в рамках реформы корпоративного налогообложения. Многие компании, работающие в Канаде и Мексике, решительно выступили против такого пограничного налога и отклонили предложение. Тем временем Трамп давит на американские компании, чтобы они инвестировали в США, а не в Мексику, что является ещё одним способом переманить их у Мексики, но, помимо появления некоторых заголовков в прессе, трудно поверить, что результаты достигнут сколько-нибудь значительного масштаба в плане создания рабочих мест в США.

The attempt to grab benefits from China looks to be even less successful. The administration arrived in office boasting of the coming trade wars with China. Trump wants to wrong-foot China through multiple pressures on trade, foreign policy, and defense, and then negotiate some kind of winning trade deal to America's advantage. Yet China's President Xi Jinping has made clear that if the United States turns protectionist, China will continue to lead in free trade. And if the United States cuts its support for multilateralism at the UN and elsewhere, China will be pleased to help support the multilateral order. It won't be so easy, after all, to bully China. China's economy is now larger than America's. China is a major consumer of American goods that could easily be sourced elsewhere (buy Airbus rather than Boeing). And China is America's creditor, holding hundreds of billions of dollars of U.S. financial assets and helping to finance America's chronic budget deficits.

Попытка получить выгоду от Китая выглядит ещё менее успешной. Администрация пришла к власти, хвастаясь грядущими торговыми войнами с Китаем. Трамп хочет нанести удар по Китаю, оказывая давление в сфере торговли, внешней политики и обороны, а затем договориться о каком-то выигрышном торговом соглашении в пользу Америки. Однако председатель КНР Си Цзиньпин ясно дал понять, что если США станут протекционистскими, Китай сохранит лидерство в свободной торговле. А если США прекратят поддержку многосторонности в ООН и других организациях, Китай будет рад поддержать многосторонний порядок. В конце концов, запугивать Китай будет не так-то просто. Экономика Китая теперь больше, чем экономика Америки. Китай является крупным потребителем американских товаров, которые легко можно было бы закупить где-то ещё (покупайте Airbus, а не Boeing). Кроме того, Китай является кредитором Америки, владея сотнями миллиардов долларов американских финансовых активов и помогая финансировать хронический бюджетный дефицит Америки.

Trump's grab for short-term income does not end with Mexico and China. The tax cuts enacted in December 2017 are similarly conceived. The tax cuts aim to shift investments from the rest of the world to the U.S. economy, cutting investments and jobs abroad while boosting them in the United States. Yet there are three fundamental limitations to this approach.

Погоня Трампа за краткосрочными доходами не ограничивается Мексикой и Китаем. Снижение налогов, введённое в декабре 2017 года, задумано аналогично. Цель снижения налогов – перенаправить инвестиции из остального мира в экономику США, сократив инвестиции и рабочие места за рубежом и одновременно создав их в Соединённых Штатах. Однако у этого подхода есть три фундаментальных ограничения.

First, America's overtaxation was greatly exaggerated in the lead-up to the tax cut. Many detailed provisions of the pre-2018 tax code (such as accelerated depreciation, deductions for U.S.-based production, expensing of R&D, and the deductibility of interest payments on corporate debt) lowered the effective marginal tax rate on capital below the "headline" rate of 35 percent. As a result, cutting the headline corporate tax rate from 35 to 21 percent will have a much smaller effect on investment incentives than was claimed in the tax cut debate, since the incentives for investment before the tax cuts were already reasonably strong.

Во-первых, чрезмерные налоги в Америке были сильно преувеличены в преддверии снижения налогов. Многие детальные положения налогового кодекса, действовавшего до 2018 года (такие

как ускоренная амортизация, вычеты для производства в США, отнесение расходов на НИОКР к расходам и вычет процентных платежей по корпоративному долгу) снизили эффективную предельную ставку налога на капитал ниже «общего» уровня в 35%. В результате снижение общего уровня ставки корпоративного налога с 35 до 21% окажет гораздо меньшее влияние на инвестиционные стимулы, чем утверждалось в ходе дебатов о снижении налогов, поскольку стимулы для инвестиций и до снижения налогов были достаточно сильными.

Second, other countries will certainly respond to the U.S. corporate tax cuts with a new round of cuts of their own. As mentioned earlier, we are in a global “race to the bottom” in corporate taxation, as each country cuts its corporate tax rate to entice internationally mobile companies to the home shores. As a result, all of the competing countries could end up with near-zero corporate tax rates, unless we are wise enough to cooperate with other countries to stop this race to the bottom.

Во-вторых, другие страны, безусловно, отреагируют на снижение корпоративного налога в США новым раундом собственных сокращений. Как уже упоминалось, мы находимся в глобальной «гонке на дно» в сфере корпоративного налогообложения, поскольку каждая страна снижает свою ставку корпоративного налога, чтобы привлечь международные компании в свои страны. В результате все конкурирующие страны могут оказаться с практически нулевыми ставками корпоративного налога, если мы не проявим достаточно мудрости, чтобы сотрудничать с другими странами, чтобы остановить эту гонку на дно.

Third, the loss of corporate tax revenues will need to be paid for somehow, a point that populists like Trump and the Republican tax cutters in Congress have tried to evade. Trump’s hidden reasoning might be simple: he doesn’t pay taxes, so why should anybody else? Trump will not offset the proposed tax cuts with spending cuts, such as on the military; indeed, he has proposed spending increases on infrastructure and the military.

В-третьих, потерю доходов от корпоративного налога необходимо будет как-то компенсировать, чего популисты, такие как Трамп, и республиканцы, выступающие за снижение налогов в Конгрессе, пытались избежать. Скрытый мотив Трампа, возможно, прост: он не платит налоги, так почему же кто-то другой должен их платить? Трамп не будет компенсировать предлагаемое снижение налогов сокращением расходов, например, на военные нужды; более того, он предложил увеличить расходы на инфраструктуру и армию.

The Trump and Republican plan is to finance the tax cuts mainly by increased budget deficits. That’s a hidden way of making today’s young people pay for tax cuts on behalf of old and rich capitalists. It is the young—the millennials— who will pay higher taxes during their lifetimes to service the mountain of public debt that Trump will leave behind. If Trump won’t be able to grab income so easily from Mexico, from China, and from other competitor nations, will he get away with grabbing wealth from today’s young people? This is probably the central question that Republicans will soon confront at the polls.

План Трампа и республиканцев заключается в том, чтобы финансировать снижение налогов главным образом за счёт увеличения бюджетного дефицита. Это скрытый способ заставить сегодняшнюю молодёжь платить за налоговые льготы в пользу старых и богатых капиталистов. Именно молодёжь – миллениалы – будет платить более высокие налоги в течение своей жизни, чтобы обслуживать гору государственного долга, которую Трамп оставит после себя. Если Трамп не сможет так легко изымать доходы из Мексики, Китая и других стран-конкурентов, сможет ли он избежать наказания за присвоение богатства у сегодняшней молодёжи? Это, вероятно, главный вопрос, с которым республиканцы вскоре столкнутся на выборах.

Trump has spied one more place to grab some income in the short term, and that is from natural capital, the environment.

Трамп присмотрел ещё один источник дохода в краткосрочной перспективе – природный капитал, окружающая среда.

Trump's first new infrastructure projects, he hopes, will be oil and gas pipelines to boost fossil-fuel production, despite the consequences of more global warming. By ruining the climate and despoiling the air and water, Trump aims to grab one more round of profits for his friends in the coal, oil, and gas sectors. He does this in the name of the mining and oil-rig workers, but their employment is already small and falling, as these jobs are increasingly replaced by automation.

Он надеется, что первыми новыми инфраструктурными проектами Трампа станут нефте- и газопроводы для увеличения добычи ископаемого топлива, несмотря на последствия дальнейшего глобального потепления. Разрушая климат и опустошая воздух и воду, Трамп стремится урвать ещё одну порцию прибыли для своих друзей в угольном, нефтяном и газовом секторах. Он делает это от имени горняков и нефтяников, но их занятость уже невелика и продолжает падать, поскольку эти рабочие места всё чаще заменяются автоматизацией.

Trump's antienvironmental populism—destroying the Earth for a trickle of profits today—is perhaps the most insidious and irreversible of all of his populist ploys. Mexico can answer back; China can put its foot down; other countries can plan to match the United States in tax cuts. But who will speak up for the Earth? Who will speak up for our children and grandchildren, who will inherit a degraded planet if Trump gets his way? That will have to be the job for all of us.

Антиэкологический популизм Трампа — уничтожение Земли ради крохотной прибыли сегодня — пожалуй, самый коварный и необратимый из всех его популистских планов. Мексика может ответить; Китай может занять твердую позицию; другие страны могут планировать снижение налогов вслед за Соединёнными Штатами. Но кто заступится за Землю? Кто заступится за наших детей и внуков, которые унаследуют деградировавшую планету, если Трамп добьётся своего? Это задача для всех нас.

An overriding element of economic confusion pervades Trump's America First agenda, and that involves the U.S. trade deficit. Trump and his commerce secretary Wilbur Ross claim that America's trade deficit is an indicator of unfair trade practices by foreign countries, especially Germany and China, two trade surplus countries. Their embrace of this mistaken idea could lead to disaster.

В основе программы Трампа «Америка прежде всего» лежит важнейший элемент экономической путаницы, связанный с дефицитом торгового баланса США. Трамп и его министр торговли Уилбур Росс утверждают, что дефицит торгового баланса Америки является индикатором несправедливой торговой практики со стороны иностранных государств, особенно Германии и Китая, двух стран с положительным торговым балансом. Принятие ими этой ошибочной идеи может привести к катастрофе.

Here is the basic idea: When a country saves some of its current output, it can use that output for investments. But what if the nation's saving is larger than its investments? Then the nation can export the remaining output. If the nation's saving is greater than its investment, there is output left over for exports. If the nation's saving is less than its investment, it will have to import goods from abroad to carry out the investments.

Вот основная идея: когда страна сберегает часть своего текущего производства, она может использовать его для инвестиций. Но что, если сбережения страны превышают инвестиции? Тогда страна может экспортировать оставшуюся продукцию. Если сбережения страны превышают инвестиции, то остаётся продукция для экспорта. Если сбережения страны меньше инвестиций, ей придётся импортировать товары из-за рубежа для осуществления инвестиций.

We can see intuitively that when the nation's saving exceeds its investment spending, the country runs a trade surplus (exports larger than imports), and when the saving is less than the investment spending, the country runs a trade deficit (imports larger than exports). This statement requires some technical refinements, especially to take into account the earnings by Americans on overseas assets such as foreign businesses, and the payments to foreigners on the assets they own in the United States. The

correct technical statement is that a country's current account balance, which is closely related to the trade balance, is equal to the nation's saving minus its domestic investment.

Интуитивно понятно, что когда сбережения страны превышают её инвестиционные расходы, страна имеет профицит торгового баланса (экспорт превышает импорт), а когда сбережения меньше инвестиционных расходов, страна имеет дефицит торгового баланса (импорт превышает экспорт). Это утверждение требует некоторых технических уточнений, особенно для учёта доходов американцев от зарубежных активов, таких как зарубежные предприятия, и выплат иностранцам по активам, которыми они владеют в Соединённых Штатах. Верное техническое утверждение заключается в том, что сальдо текущего счёта страны, тесно связанное с торговым балансом, равно сбережениям страны за вычетом её внутренних инвестиций.

The United States imports more from abroad than it exports because the U.S. saving rate is chronically lower than the U.S. domestic investment rate. If Americans saved more, the United States would export more. For 2016, according to the IMF World Economic Outlook database, the U.S. saving rate was 18 percent of GDP, compared with the German saving rate of 27.5 percent and China's saving rate of 45.9 percent. U.S. saving was not enough to cover the U.S. investment rate at 19.7 percent of GDP, while in both Germany and China, the domestic saving rate was greater than the investment rate, leaving a surplus for export.

Соединённые Штаты импортируют из-за рубежа больше, чем экспортируют, поскольку норма сбережений в США хронически ниже нормы внутренних инвестиций. Если бы американцы сберегали больше, Соединённые Штаты экспортировали бы больше. Согласно базе данных МВФ «Перспективы мировой экономики», в 2016 году норма сбережений в США составляла 18% ВВП, в то время как в Германии — 27,5%, а в Китае — 45,9%. Американских сбережений было недостаточно для покрытия уровня инвестиций в США, составлявшего 19,7% ВВП, в то время как и в Германии, и в Китае уровень внутренних сбережений превышал уровень инвестиций, создавая профицит для экспорта.

Trump, with exquisite economic illiteracy, has missed this whole point. For Trump, the fact that China and Germany export more than they import has only to do with China's and Germany's unfair trade practices. With his conspiratorial mind-set, Trump believes that America's trade deficit simply means that somebody is taking advantage of the United States. He is, in fact, both economically illiterate and famously paranoid, always supposing a conspiracy someplace.

Траммп, обладая исключительной экономической безграмотностью, упустил из виду этот важный момент. По мнению Трампа, тот факт, что Китай и Германия экспортируют больше, чем импортируют, связан исключительно с несправедливой торговой практикой Китая и Германии. Обладая конспирологическим складом ума, Трамп считает, что торговый дефицит Америки просто означает, что кто-то наживается на Соединённых Штатах. На самом деле, он не только экономически неграмотен, но и известен своей паранойей, постоянно предполагая наличие заговора.

The real question, one that Trump and his administration have not asked is, why the U.S. saving rate is so low? Why do China and Germany save so much more of their national income than the United States? Why has the U.S. saving rate declined markedly over the past forty years, notably after 1980, thereby causing the U.S. current account balance to shift from a surplus to a deficit? One key reason is that the federal government itself stopped saving. Starting in the 1980s, the federal government repeatedly enacted tax cuts, pushing the government into deficit. With the government spending more than its income, the nation's saving—which equals the sum of private saving and government saving—declined overall.

Настоящий вопрос, который Трамп и его администрация не задали, заключается в следующем: почему норма сбережений в США такая низкая? Почему Китай и Германия сберегают гораздо больше своего национального дохода, чем Соединённые Штаты? Почему норма сбережений в США заметно снизилась за последние сорок лет, особенно после 1980 года, что привело к тому,

что сальдо текущего счета США перешло от профицита к дефициту? Одна из ключевых причин заключается в том, что само федеральное правительство прекратило сбережения. Начиная с 1980-х годов, федеральное правительство неоднократно проводило снижение налогов, что привело к дефициту бюджета. Поскольку расходы правительства превышали доходы, сбережения страны, равные сумме частных и государственных сбережений, в целом сократились.

Here we see that Trump's economic illiteracy will come back to bite the United States twice. The new round of tax cuts will widen the budget deficit and also widen the trade deficit (because of the fall in national saving). As the trade deficit widens, Trump is likely to pursue even more protectionist policies, accusing America's trade partners of unfair trade practices, when it is Trump's own tax-cutting policies that have pushed the United States even deeper into the red. Trump is likely to "retaliate" with higher tariffs and more protectionism against alleged unfair practices abroad that have nothing to do with their actual trade policies. Rarely has economic policy, in this case U.S. trade policy, been built on such folly.

Здесь мы видим, что экономическая неграмотность Трампа дважды ударит по Соединенным Штатам. Новый раунд снижения налогов увеличит дефицит бюджета, а также дефицит торгового баланса (из-за падения национальных сбережений). По мере увеличения торгового дефицита Трамп, вероятно, будет проводить ещё более протекционистскую политику, обвиняя торговых партнёров Америки в недобросовестной торговой практике, в то время как именно его собственная политика снижения налогов загнала Соединённые Штаты в ещё более тяжёлый убыток. Трамп, вероятно, «отомстит» повышением пошлин и усилением протекционизма в ответ на якобы недобросовестную практику за рубежом, не имеющую никакого отношения к их реальной торговой политике. Редко когда экономическая политика, в данном случае торговая политика США, строилась на подобной глупости.

Ideas matter—in this case, very bad ideas. The emperor has no clothes and, it seems, no competent economic advisers either.

Идеи имеют значение — в данном случае, очень плохие идеи. Король голый, и, похоже, у него нет компетентных экономических советников.

12 ECONOMIC WAR WITH CHINA

Today's China offers a rude awakening for Americans who believe that the United States and the United States alone should be the dominant world power. Donald Trump seems to count himself among these neoconservatives, and China is their deepest phobia today. Trump is following a game plan that has characterized U.S. "grand strategy" against major rivals dating back to World War II. Each time America has had a rival for global leadership, the United States has aimed to cut the rival down to size and to subordinate it to U.S. power. For a while it worked, at least to a point.

Сегодняшний Китай – это горькое разочарование для американцев, которые считают, что только Соединённые Штаты должны быть доминирующей мировой державой. Дональд Трамп, похоже, причисляет себя к этим неоконсерваторам, а Китай сегодня – их самая глубокая фобия. Трамп следует тактике, которая характеризовала «грандиозную стратегию» США в отношении основных соперников ещё со времён Второй мировой войны. Каждый раз, когда у Америки появлялся конкурент в борьбе за мировое лидерство, Соединённые Штаты стремились уменьшить его до уровня и подчинить своей мощи. Какое-то время это работало, по крайней мере, до определённой степени.

In the 1970s, the United States briefly faced what it believed to be another major rival for economic power, Japan. Japan's post-World War II recovery was so dynamic, and its mastery of the new transistor-based electronics so strong in the 1960s, that many business and economic gurus in the 1970s envisioned a future world economy dominated by Japanese companies and wealth. I remember studies in the early 1980s that naïvely extrapolated Japan's rapid growth and high saving rates forward for several decades to argue that the United States would be the sure loser in the long-run competition with Japan.

В 1970-х годах Соединённые Штаты ненадолго столкнулись с Японией, которую они считали ещё одним крупным конкурентом в борьбе за экономическую мощь. Восстановление Японии после Второй мировой войны было настолько динамичным, а её освоение новой транзисторной электроники в 1960-х годах было настолько сильным, что многие бизнес- и экономические гуру 1970-х годов представляли себе будущую мировую экономику, в которой доминируют японские компании и богатства. Я помню исследования начала 1980-х годов, в которых быстрый рост Японии и высокие нормы сбережений наивно экстраполировались на несколько десятилетий вперёд, утверждая, что Соединённые Штаты непременно проиграют в долгосрочной конкуренции с Японией.

Starting with President Ronald Reagan, the U.S. foreign policy establishment went to work to counter Japan. It began accusing Japan of unfair trade practices, currency manipulation, unfair state aid to Japan's businesses, and other exaggerated or flat-out false claims of nefarious behavior. The United States began to impose new trade barriers and forced Japan to agree to "voluntary" export restraints to limit its booming exports to the United States. Then, in 1985, the United States struck harder, insisting that Japan massively revalue (strengthen) the yen in a manner that would leave Japan far less competitive with the United States. The yen doubled in value, from 260 yen per dollar in 1985 to 130 yen per dollar in 1990. The United States had pushed Japan to price itself out of the world market. By the early 1990s, Japan's export growth collapsed, and Japan entered two decades of stagnation. On many occasions after 1990, I asked senior Japanese officials why Japan didn't devalue the yen to restart growth. The most convincing answer was that the United States wouldn't let Japan do it.

Начиная с президента Рональда Рейгана, внешнеполитическое ведомство США начало борьбу с Японией. Оно начало обвинять Японию в недобросовестной торговой практике, валютных манипуляциях, несправедливой государственной помощи японским предприятиям и других преувеличенных или откровенно ложных обвинениях в нечестном поведении. Соединённые Штаты начали вводить новые торговые барьеры и вынудили Японию согласиться на «добровольные» экспортные ограничения, чтобы ограничить её бурно растущий экспорт в Соединённые Штаты. Затем, в 1985 году, Соединённые Штаты нанесли более сильный удар, настаивая на том, чтобы Япония значительно ревальвировала (укрепила) иену таким образом, чтобы сделать Японию гораздо менее конкурентоспособной по сравнению с Соединёнными Штатами. Стоимость иены удвоилась: с 260 иен за доллар в 1985 году до 130 иен за доллар в 1990 году. Соединённые Штаты вынудили Японию уйти с мирового рынка по завышенным ценам. К началу 1990-х годов рост японского экспорта рухнул, и Япония вступила в два десятилетия стагнации. После 1990 года я неоднократно спрашивал высокопоставленных японских чиновников, почему Япония не девальвирует иену, чтобы возобновить рост. Самым убедительным ответом было то, что Соединённые Штаты не позволят Японии сделать это.

Now comes China. American exceptionalists are beside themselves that China seems to have the audacity to poke its nose into the American Century. And China is doing this as a surprise entrant to the race, at least a surprise from a twentieth-century perspective, making its recent rise even more unnerving to exceptionalists. According to estimates from the IMF World Economic Outlook database, China's total output is now 24 percent larger than America's, and China's output per person is around 29 percent of America's, all measured at international prices.

Теперь о Китае. Американские сторонники исключительности вне себя от ярости от того, что у Китая, похоже, хватает наглости совать свой нос в «Американский век». И Китай делает это, неожиданно вступая в гонку, по крайней мере, неожиданно с точки зрения двадцатого века, что делает его недавний взлет еще более нервующим для сторонников исключительности. Согласно оценкам базы данных МВФ «Перспективы развития мировой экономики», общий объём производства Китая сейчас на 24% превышает объём производства США, а объём производства на душу населения в Китае составляет около 29% от американского, если учитывать все эти показатели по международным ценам.

Many American exceptionalists can't believe their eyes. Some argue that China's economy is a giant

bubble that will soon implode, following the way of the Soviet Union. This is not the case in my view. The Soviet economy was technologically separated from the U.S.-led trading system and, in the end, could not keep up. China, by contrast, has achieved its remarkable economic growth since 1980 precisely by adopting global technologies and integrating the Chinese economy closely with the world economy. More recently, China has become a highly innovative economy as well, spreading cutting-edge technologies to other parts of the world.

Многие американские эксперты по исключительности не верят своим глазам. Некоторые утверждают, что китайская экономика — это гигантский пузырь, который вскоре лопнет, следуя по пути Советского Союза. На мой взгляд, это не так. Советская экономика была технологически отделена от торговой системы, возглавляемой США, и в конечном итоге не смогла угнаться за ней. Китай же, напротив, добился своего выдающегося экономического роста с 1980 года именно благодаря внедрению глобальных технологий и тесной интеграции китайской экономики в мировую. В последнее время Китай также стал высокоинновационной экономикой, распространяя передовые технологии в другие части мира.

Rather than let China catch up, the exceptionalists say, the United States should badger and harass China economically, engage the Chinese in a new arms race, and even undermine the One China policy that has been the basis of U.S.-China bilateral relations, so that China ends up in economic retreat, retracing the steps of the British Empire, the Soviet Union, and Japan. One theory making the rounds indeed holds that Trump wants to sidle up to Vladimir Putin to team up against China for just this purpose.

Сторонники исключительности утверждают, что вместо того, чтобы позволить Китаю ликвидировать отставание, Соединённым Штатам следует оказывать на него экономическое и финансовое давление, вовлекать Китай в новую гонку вооружений и даже подрывать политику «одного Китая», которая лежит в основе двусторонних отношений между США и Китаем. В результате Китай в конечном итоге скатится в экономическое отступление, повторив путь Британской империи, Советского Союза и Японии. Одна из распространённых теорий утверждает, что Трамп хочет подлизаться к Владимиру Путину, чтобы объединиться против Китая именно с этой целью.

In my view, such an approach toward China would be profoundly misguided and very dangerous. It is based on the false idea that global economics must be about winners versus losers, the United States versus China, rather than about mutual gains through trade and technological advance. Moreover, the idea of cornering China is not only unwise but unachievable.

На мой взгляд, такой подход к Китаю был бы глубоко ошибочным и очень опасным. Он основан на ложной идее о том, что мировая экономика должна быть построена на противостоянии победителей и проигравших, Соединённых Штатов и Китая, а не на взаимной выгоде от торговли и технологического прогресса. Более того, идея загнать Китай в угол не только неразумна, но и неосуществима.

Trump blames China for the plight of American workers left unemployed by China's exports to the United States, but he fails to understand or acknowledge the many gains to the United States from our trade with China, including the higher profits and wages of U.S. companies exporting to China and the lower costs enjoyed by U.S. consumers of China's exports. If Trump really wants to help American workers, he should tax and redistribute the soaring U.S. profits and incomes of the rich, rather than open a trade war with China.

Трамп обвиняет Китай в бедственном положении американских рабочих, оставшихся без работы из-за китайского экспорта в США, но он не понимает и не признает многочисленные выгоды для США от торговли с Китаем, включая более высокую прибыль и заработную плату американских компаний, экспортирующих в Китай, и более низкие издержки для американских потребителей китайской продукции. Если Трамп действительно хочет помочь американским рабочим, ему следует обложить налогами и перераспределить стремительно растущие прибыли и доходы богатых американцев, а не развязывать торговую войну с Китаем.

Even worse, an American effort to weaken China is doomed to fail. When the United States pressed Britain to give up its empire, Britain was fighting for its very survival, and with a population just one-third that of the United States. When the United States pressured Japan in the 1980s, Japan's economy was only one-third of America's, and Japan depended on the United States for its military security.

Хуже того, попытки Америки ослабить Китай обречены на провал. Когда Соединенные Штаты давили на Великобританию, чтобы та отказалась от своей империи, Великобритания боролась за выживание, имея население всего в три раза меньше населения Соединенных Штатов. Когда Соединенные Штаты давили на Японию в 1980-х годах, экономика Японии составляла всего одну треть от американской, и Япония зависела от Соединенных Штатов в вопросах своей военной безопасности.

China, by contrast, has a larger economy, is four times more populous, and is America's creditor, not its debtor. China has strong and growing trade, investment, and diplomatic relations with other countries all over the world that would likely be strengthened, not weakened, by U.S. belligerence. It's also important to remember that China's proud history as a unified nation is ten times longer than America's, around 2,250 years compared with around 225 years.

Китай, напротив, обладает более крупной экономикой, в четыре раза более многочисленным населением и является кредитором Америки, а не её должником. У Китая прочные и растущие торговые, инвестиционные и дипломатические отношения с другими странами мира, которые, вероятно, укрепятся, а не ослабнут из-за агрессивности США. Важно также помнить, что славная история Китая как единой нации в десять раз длиннее, чем у Америки: около 2250 лет против 225 лет.

Aside from the usual litany of exaggerated or false charges against China (currency manipulator, unfair trader, etc.), the most recent rap is that China is a dangerously expansionist power. If ever the pot has called the kettle black, here is a case. I have already mentioned the wild divergence in foreign military bases (China has one overseas base, the United States has bases in seventy countries) and that the United States outspends China on the military by more than two to one. Consider as well that while the United States has been in nonstop overseas wars and regime-change operations for decades, China has been in very few overseas conflicts, all short-lived. While there's room to be concerned about China's territorial claims in the South China Sea, so far those maritime claims seem mainly designed to secure China's trade routes rather than to impede the neighboring countries.

Помимо обычного перечня преувеличенных или ложных обвинений в адрес Китая (валютный манипулятор, недобросовестная торговля и т. д.), в последнее время всё чаще говорят о том, что Китай — опасная экспансионистская держава. Если уж говорить о чёрном, то вот вам случай. Я уже упоминал о колоссальном расхождении в количестве иностранных военных баз (У Китая одна зарубежная база, а у США — базы в семидесяти странах) и о том, что Соединённые Штаты тратят на военные нужды больше, чем Китай, более чем в два раза. Учтите также, что, в то время как Соединённые Штаты десятилетиями непрерывно участвовали в зарубежных войнах и операциях по смене режимов, Китай участвовал в крайне редких зарубежных конфликтах, и все они были кратковременными. Хотя территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море вызывают беспокойство, до сих пор эти морские претензии, похоже, были направлены главным образом на обеспечение торговых путей Китая, а не на создание препятствий соседним странам.

In short, China has not been an expansionist or aggressive power in recent decades, while the United States has sought the unrivaled dominance of global military power with a network of hundreds of military bases around the world.

Короче говоря, в последние десятилетия Китай не был экспансионистской или агрессивной державой, в то время как Соединенные Штаты стремились к абсолютному доминированию в мировой военной сфере, располагая сетью из сотен военных баз по всему миру.

While the United States cannot dominate China, it need not fear China's dominance either. Yes, China is now larger economically than the United States, and will remain so, but the United States remains far richer in per capita terms and will likely continue to be so throughout the twenty-first century. Moreover, China's high growth rates are now slowing markedly, not because the Chinese economy is collapsing but because it is maturing. "Catching-up" growth slows down as it succeeds. Also, China is aging rapidly and will have a median age above fifty years by midcentury, along with a gradually declining population. A mature, aging, and slower-growing economy that is still much poorer than the United States in per capita terms is hardly a deep threat to America's own security or global security.

Хотя Соединенные Штаты не могут доминировать над Китаем, им также не нужно опасаться доминирования Китая. Да, Китай сейчас экономически крупнее Соединенных Штатов и останется таковым, но Соединенные Штаты остаются гораздо богаче в расчете на душу населения и, вероятно, сохранят свое превосходство на протяжении всего XXI века. Более того, высокие темпы роста Китая сейчас заметно замедляются, и не потому, что китайская экономика рухнет, а потому, что она достигает зрелости. «Догоняющий» рост замедляется по мере своего успеха. Кроме того, Китай быстро стареет, и к середине века его медианный возраст превысит пятьдесят лет, а численность населения постепенно сокращается. Зрелая, стареющая и медленно растущая экономика, которая все еще значительно беднее Соединенных Штатов в расчете на душу населения, вряд ли представляет серьезную угрозу безопасности Америки или глобальной безопасности.

If Trump tries to provoke China into a new arms race or trade war, the results will be a huge debacle for the United States and a potential threat for the world. America's wellbeing depends on the maturity of judgment to cooperate with China as a major global power that can and should share the responsibilities of promoting global peace and sustainable development. Working through the United Nations, China and the United States can and should work together and with other countries to prevent or end regional wars, stop terrorism, and confront common hazards such as global warming and newly emerging diseases.

Если Трамп попытается спровоцировать Китай на новую гонку вооружений или торговую войну, это обернется для Соединенных Штатов серьезным фиаско и создаст потенциальную угрозу для всего мира. Благополучие Америки зависит от зрелости суждений о сотрудничестве с Китаем как крупной мировой державой, которая может и должна разделять ответственность за обеспечение глобального мира и устойчивого развития. Действуя в рамках Организации Объединенных Наций, Китай и Соединенные Штаты могут и должны работать вместе и с другими странами над предотвращением или прекращением региональных войн, предотвращением терроризма и противодействием общим угрозам, таким как глобальное потепление и новые заболевания.

The United States would be wise not just to cooperate with China, but also to emulate its recent increased investments in science and technology. While not conducive to the shortterm populism of Trump's America First policies, technological strength is the key to long-term growth, as I discuss in the next chapter.

Соединенным Штатам было бы разумно не только сотрудничать с Китаем, но и следовать его примеру, увеличив инвестиции в науку и технологии. Хотя технологический потенциал не способствует краткосрочному популизму политики Трампа «Америка прежде всего», он является ключом к долгосрочному росту, о чём я расскажу в следующей главе.

13 WILL TRUMP HAND CHINA THE TECHNOLOGICAL LEAD?

Передаст ли Трамп технологическое лидерство Китаю?

President Trump is putting America's capacity to innovate at the gravest risk in modern U.S. history. His proposals to cut federal support for scientific research are tantamount to passing the baton of global technology leadership to China, just as China is redoubling its own efforts to spur cutting-edge science. The losses from Trump's antiscience approach will be global, not America's alone. Scientists and

engineers from the United States, the European Union, China, India, and other countries should be working together to find technical breakthroughs in areas such as low-carbon energy systems, infectious disease control, and global food security.

Президент Трамп подвергает инновационный потенциал Америки самому серьёзному риску в современной истории США. Его предложения о сокращении федеральной поддержки научных исследований равносильны передаче эстафеты мирового технологического лидерства Китаю, в то время как Китай удваивает собственные усилия по стимулированию передовой науки. Потери от антинаучного подхода Трампа будут глобальными, а не только для Америки. Учёные и инженеры из США, Европейского союза, Китая, Индии и других стран должны работать вместе, чтобы найти технические прорывы в таких областях, как низкоуглеродные энергетические системы, борьба с инфекционными заболеваниями и глобальная продовольственная безопасность.

There are ample precedents of highly successful crosscountry collaborative R&D in physics (e.g., CERN's discovery of the Higgs boson), genomics (the global collaboration to sequence the human and other genomes), astronomy and space science (the international space station), and Earth observation systems (for climate and pollution monitoring), among many areas. Such cooperation today would greatly enhance progress toward sustainable development and climate safety. Yet, the United States is moving in the opposite direction.

Существует множество прецедентов весьма успешных межстрановых совместных НИОКР в области физики (например, открытие бозона Хиггса в ЦЕРНе), геномики (глобальное сотрудничество по секвенированию геномов человека и других организмов), астрономии и космической науки (Международная космическая станция), а также систем наблюдения за Землёй (для мониторинга климата и загрязнения окружающей среды), и во многих других областях. Такое сотрудничество сегодня значительно ускорило бы прогресс на пути к устойчивому развитию и климатической безопасности. Однако Соединённые Штаты движутся в противоположном направлении.

Sadly, Trump is playing out the game plan of the Republican far right, led by the Koch brothers, to cut taxes for the rich and then slash government spending, including R&D, to partially rebalance the budget. Yet the budget cutting comes in the midst of one of history's great technological revolutions. The remarkable advances in artificial intelligence, computer architecture, nanotechnology, genomics, neuroscience, and other fields are opening up new possibilities for zero-carbon energy, high-productivity agriculture, low-cost high-quality health care, lifelong online learning, personalized medicine, conservation biology, and other opportunities vital for sustainable development. Now is precisely the time to be increasing rather than cutting the government's backing for cutting-edge research and development.

К сожалению, Трамп разыгрывает план крайне правых республиканцев во главе с братьями Кох: снизить налоги для богатых, а затем резко сократить государственные расходы, включая НИОКР, чтобы частично сбалансировать бюджет. Однако сокращение бюджета происходит в разгар одной из величайших технологических революций в истории. Замечательные достижения в области искусственного интеллекта, компьютерной архитектуры, нанотехнологий, геномики, нейробиологии и других областей открывают новые возможности для безуглеродной энергетики, высокопродуктивного сельского хозяйства, недорогого и качественного здравоохранения, непрерывного онлайн-обучения, персонализированной медицины, природоохранной биологии и других возможностей, жизненно важных для устойчивого развития. Сейчас как раз самое время увеличивать, а не сокращать государственную поддержку передовых исследований и разработок.

In the first great phase of American industrialization, roughly from 1800 to 1950, America's industrial success was mostly a matter of an expanding domestic market. Key infrastructure, such as the Erie Canal in the first half of the nineteenth century and the transcontinental railway in the second half, created an enormous continental-scale market for industrial goods. The process included the good (inventors such as Samuel Morse, Thomas Edison, and Alexander Bell), the bad (considerable theft of European technologies), and of course the horrendously ugly (slavery and the genocide of Native Americans).

В первый великий период американской индустриализации, примерно с 1800 по 1950 год, промышленный успех Америки был обусловлен главным образом расширением внутреннего рынка. Ключевые объекты инфраструктуры, такие как канал Эри в первой половине XIX века (канал в штате Нью-Йорк, связывающий систему Великих озёр с Атлантическим океаном через реку Гудзон, построен в 1817-1825 гг. - АС) и трансконтинентальная железная дорога во второй половине, создали огромный континентальный рынок промышленных товаров. Этот процесс включал в себя как хорошее (такие изобретатели, как Сэмюэл Морзе, Томас Эдисон и Александр Белл), так и плохое (значительная кража европейских технологий) и, конечно же, ужасное (рабство и геноцид коренных американцев).

World War II marked a pivotal transition in the nature of United States—and indeed, of global—innovation. The physical sciences and advanced engineering became far more central to the entire innovation process. And government became far more essential to advances in science and engineering.

Вторая мировая война ознаменовала собой поворотный момент в характере инноваций в Соединенных Штатах — и, по сути, в мировой инновационной сфере. Физические науки и передовая инженерия стали играть гораздо более важную роль во всем инновационном процессе. А роль государства в развитии науки и техники значительно возросла.

Starting in the 1930s, with the mass influx of world-leading European scientists fleeing Hitler, the United States became the new global capital of cutting-edge science and technology.

Начиная с 1930-х годов, с массовым притоком ведущих европейских ученых, бежавших от Гитлера, Соединенные Штаты стали новой мировой столицей передовой науки и технологий.

After World War II, the U.S. military recruited scientists from the defeated Nazi regime as well, such as rocket scientist Werner van Braun.

После Второй мировой войны американские военные также вербовали учёных из поверженного нацистского режима, например, учёного-ракетчика Вернера ван Брауна.

Equally important, World War II fundamentally changed how technological innovation was pursued. Throughout the war, the U.S. military worked closely with top scientists and private enterprises to develop new military technologies on a targeted and emergency basis. Countless areas of technology were radically advanced by directed efforts of government working with academia and industry.

Не менее важно и то, что Вторая мировая война фундаментально изменила подход к технологическим инновациям. На протяжении всей войны американские военные тесно сотрудничали с ведущими учёными и частными предприятиями, разрабатывая новые военные технологии целенаправленно и в экстренном порядке. Бесчисленные области технологий получили радикальное развитие благодаря целенаправленным усилиям правительства, работающего с научными кругами и промышленностью.

This quintessential wartime innovation process came to be known as “directed technological change.” The military and scientists would interactively identify new technological possibilities, and government would finance the requisite research and development. The most famous example is the Manhattan Project to develop the atomic bomb. There were many other lesser-known but momentous cases. And new materials developed for military technologies, such as semiconductor materials used for the new radar technology, became cornerstones of postwar industry. The breakthroughs in semiconductors, for example, became the basis for the invention of the transistor in 1947.

Этот типичный для военного времени инновационный процесс получил название «направленные технологические изменения». Военные и учёные совместно выявляли новые технологические возможности, а правительство финансировало необходимые исследования и разработки. Самый известный пример — Манхэттенский проект по созданию атомной бомбы. Было много других, менее известных, но знаменательных примеров. А новые материалы, разработанные для военных технологий, такие как полупроводниковые материалы, используемые в новой радиолокационной

технологии, стали краеугольным камнем послевоенной промышленности. Например, прорывы в области полупроводников легли в основу изобретения транзистора в 1947 году.

At the end of World War II, FDR's science adviser, Vannevar Bush, wrote the visionary manifesto of the new era of innovation, *Science: The Endless Frontier*. Bush brilliantly envisioned, and helped to create, a new era in which government, academia, and industry cocreated innovations based on advanced science and technology. Bush's vision was motivated first by national security—the belief that America's military predominance depended on American technological leadership—yet with the more general aim of promoting postwar American prosperity on the foundations of science-based industries.

В конце Второй мировой войны советник Рузвельта по науке Ванневар Буш написал дальновидный манифест новой эры инноваций «Наука: бесконечные рубежи». Буш блестяще спроектировал и помог создать новую эру, в которой правительство, академические круги и промышленность совместно создавали инновации, основанные на передовых научных и технологических достижениях. Видение Буша было продиктовано прежде всего соображениями национальной безопасности – убеждением, что военное превосходство Америки зависит от американского технологического лидерства, – но при этом преследовалась и более общая цель – содействовать послевоенному процветанию Америки на основе наукоемких отраслей.

The United States established a host of transformative institutions for science-based innovation, including the National Science Foundation (1950), the National Institutes of Health (1948), the Defense Advanced Research Project Agency (DARPA, 1958) of the Department of Defense, the Atomic Energy Commission (1946), the National Aeronautics and Space Administration (NASA, 1948), and others. Regulated monopolies such as Bell Telephone also maintained cutting-edge research laboratories that funded and supported fundamental advances in science and technology.

В Соединенных Штатах было создано множество преобразующих институтов для научных инноваций, включая Национальный научный фонд (1950 г.), Национальные институты здравоохранения (1948 г.), Агентство перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA, 1958 г.), Комиссию по атомной энергии (1946 г.), Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства (NASA, 1948 г.) и другие. Регулируемые монополии, такие как Bell Telephone, также содержали передовые исследовательские лаборатории, которые финансировали и поддерживали фундаментальные достижения в области науки и техники.

In countless areas of modern life, directed technological change became the guiding force of postwar progress. Government and civil-society organizations (such as the Rockefeller Foundation, in areas of public health and agriculture, and the March of Dimes, in the case of polio) would identify a cutting-edge opportunity. Scientific and engineering leaders in academia, national laboratories, and private industry would work together to chart possible pathways to success, and the government and foundations would fund the R&D and also support the subsequent diffusion of successful innovations. Thus, the March of Dimes, originally launched by President Roosevelt in 1938, funded Jonas Salk's breakthrough research that produced the first successful polio vaccine, and the government then funded the vaccine's rapid uptake.

В бесчисленных областях современной жизни направленные технологические изменения стали движущей силой послевоенного прогресса. Государственные и общественные организации (такие как Фонд Рокфеллера в области здравоохранения и сельского хозяйства и March of Dimes в случае с полиомиелитом) выявили передовые возможности. Ведущие учёные и инженеры из академических кругов, национальных лабораторий и частного сектора будут совместно работать над определением возможных путей к успеху, а правительство и фонды будут финансировать НИОКР и способствовать последующему распространению успешных инноваций. Так, фонд «Марш десятицентовиков», первоначально созданный президентом Рузвельтом в 1938 году, профинансировал прорывное исследование Джонаса Солка, результатом которого стала первая

успешная вакцина против полиомиелита, а затем правительство профинансировало её быстрое внедрение.

In this way, government funding and leadership supported key advances in science and technology that could thereafter be scaled up by government and private industry. Successes included the moonshot, the rapid development of computer science, the invention of the Internet, advances in exploration and development of hydrocarbons (including hydraulic fracturing, or fracking), advances in crop breeding, the sequencing of the human genome, and more recently, self-driving vehicles championed by DARPA.

Таким образом, государственное финансирование и руководство поддерживали ключевые достижения в науке и технике, которые впоследствии могли быть масштабированы государством и частным сектором. Среди успехов можно назвать «полёт на Луну», быстрое развитие компьютерных наук, изобретение Интернета, успехи в разведке и разработке углеводородов (включая гидроразрыв пласта), достижения в селекции сельскохозяйственных культур, секвенирование генома человека и, совсем недавно, беспилотные автомобили, продвигаемые DARPA.

The close working relationship among government, academia, and business is the essence of directed technological change that has contributed in fundamental ways to America's technological edge, global competitiveness, rising living standards, and national security. Budgetary requirements are often enormous—billions of dollars for early-stage R&D. The resulting national innovation system is complex, with crucial interactions across key stakeholders (academia and business, for example) over the course of a decade or two.

Тесное сотрудничество между правительством, научными кругами и бизнесом составляет суть направленных технологических изменений, которые внесли фундаментальный вклад в технологическое превосходство Америки, глобальную конкурентоспособность, повышение уровня жизни и национальную безопасность. Бюджетные потребности зачастую огромны — миллиарды долларов на ранние стадии НИОКР. В результате формируется сложная национальная инновационная система, требующая критически важного взаимодействия между ключевыми заинтересованными сторонами (например, научными кругами и бизнесом) в течение одного-двух десятилетий.

Advances in science and technology are hard won. Most importantly, government must be the champion of scientific truth over politics and must be ready to invest for the long run. Alas, these foundations for long-term innovation have deteriorated badly in recent years, and the Trump administration constitutes a new, unimaginable low point.

Достижения в науке и технике даются нелегко. Самое главное, правительство должно отстаивать научную истину, а не политику, и быть готовым к долгосрочным инвестициям. Увы, эти основы долгосрочных инноваций в последние годы серьёзно подорваны, и администрация Трампа представляет собой новую, невообразимую точку падения.

Trump and his cronies have their eyes narrowly and obsessively fixed on two goals: deregulation and tax cuts, both of which work against long-term innovation. The relentless focus on tax cuts and deregulation is the libertarian agenda long championed by the far right. It now threatens to kill the federal innovation system, the one that Vannevar Bush helped to put in place nearly seventy-five years ago.

Трамп и его приспешники сосредоточены на двух целях: дерегулировании и снижении налогов, которые обе препятствуют долгосрочным инновациям. Постоянная ориентация на снижение налогов и дерегулирование – это либертарианская программа, которую давно отстаивают крайне правые. Теперь она грозит уничтожить федеральную инновационную систему, ту, которую Ванневар Буш помог создать почти семьдесят пять лет назад.

The result is a politics of lies and slashed budgets for federally funded R&D. Basic science—for example, the well-established science of climate change—is trashed in order to promote antiscientific environmental

deregulation. And the budgets of the government's key scientific agencies and laboratories are slashed to facilitate further tax cuts for the rich. In the process, the Republican Party has firmly become an antiscience party.

Результатом становится политика лжи и сокращения бюджетов на федеральные НИОКР. Фундаментальная наука, например, устоявшаяся наука об изменении климата, подвергается критике ради продвижения антинаучного дерегулирования окружающей среды. Бюджеты ключевых государственных научных учреждений и лабораторий сокращаются, чтобы способствовать дальнейшему снижению налогов для богатых. В результате Республиканская партия окончательно превратилась в антинаучную партию.

It's striking how dramatically the situation has deteriorated, even when compared with the administration of George W. Bush, an administration that, like Trump's, was also dominated by the oil-and-gas lobby. While the Bush administration rejected any meaningful policies to combat climate change and parroted antiscience in the process, it did recognize the importance of science and technology for America's long-term competitiveness.

Поразительно, насколько резко ухудшилась ситуация, даже по сравнению с администрацией Джорджа Буша-младшего, которая, как и администрация Трампа, также находилась под влиянием нефтегазового лобби. Хотя администрация Буша отвергала любые значимые меры по борьбе с изменением климата и при этом бездумно повторяла антинаучные заявления, она признавала важность науки и технологий для долгосрочной конкурентоспособности Америки.

The administration and Congress backed an important 2005 study, *Rising Above the Gathering Storm*, by the National Academy of Sciences (NAS).¹ The report strongly endorsed federal funding of R&D, a welcoming environment for international researchers to work in the United States, and improved science and mathematics education at the K–12 level in order to prepare young Americans for advanced studies in the sciences and engineering.

Администрация и Конгресс поддержали важное исследование Национальной академии наук (NAS) 2005 года «Поднимаемая над надвигающейся бурей». ¹ В докладе решительно одобрялось федеральное финансирование НИОКР, создание благоприятных условий для работы иностранных исследователей в Соединенных Штатах и улучшение образования в области естественных наук и математики на уровне K–12 с целью подготовки молодых американцев к углубленному изучению естественных наук и инженерии.

The opening words of the NAS study were striking and remain true today:

The prosperity the United States enjoys today is due in no small part to investments the nation has made in research and development at universities, corporations, and national laboratories over the last 50 years. Recently, however, corporate, government, and national scientific and technical leaders have expressed concern that pressures on the science and technology enterprise could seriously erode this past success and jeopardize future US prosperity.

Первые слова исследования NAS были поразительны и остаются актуальными и сегодня:

Процветание, которым сегодня наслаждаются Соединенные Штаты, во многом обусловлено инвестициями страны в исследования и разработки в университетах, корпорациях и национальных лабораториях за последние 50 лет. Однако в последнее время руководители корпораций, правительства и национальных научно-технических кругов выразили обеспокоенность тем, что давление на научно-технические предприятия может серьезно подорвать эти прошлые успехи и поставить под угрозу будущее процветание США.

The commission made four key recommendations: "Increase America's talent pool by vastly improving K–12 science and mathematics education; sustain and strengthen the nation's traditional commitment to

long-term basic research; make the United States the most attractive setting in which to study and perform research; and ensure that the United States is the premier place in the world to innovate.”

Комиссия вынесла четыре ключевые рекомендации: «Увеличить кадровый потенциал Америки путем значительного улучшения образования в области естественных наук и математики в школах с детского сада по 12 класс; поддерживать и укреплять традиционную приверженность страны долгосрочным фундаментальным исследованиям; сделать Соединенные Штаты наиболее привлекательным местом для обучения и проведения исследований; и гарантировать, что Соединенные Штаты станут ведущим местом в мире для инноваций».

These recommendations were broadly adopted in the America Competes Act of 2007, which established important new initiatives for federally funded research and development and support for education in STEM (science, technology, engineering, and mathematics). The legislation created the extremely important Advanced Research Project Agency in the Department of Energy (ARPA-E) to support R&D on cutting-edge energy technologies.

Эти рекомендации были широко приняты в Законе о конкуренции в Америке 2007 года, который установил важные новые инициативы для финансируемых из федерального бюджета исследований и разработок, а также поддержки образования в области STEM (естественные науки, технологии, инженерия и математика). Этот закон создал чрезвычайно важное Агентство перспективных исследовательских проектов при Министерстве энергетики (ARPA-E) для поддержки НИОКР в области передовых энергетических технологий.

Now Trump is dismantling or degrading virtually every piece of the civilian innovation system. First, Trump’s first budget aimed to eliminate ARPA-E entirely and to slash federal outlays on biomedical research as well, cutting the annual budget for the National Institutes of Health from around \$30 billion to \$25 billion. The budget for the Department of Education was also sharply reduced, by around 13 percent, or \$9 billion. While Congress, including many Republican members, resisted these proposed cuts, Trump continues to chip away at funding for civilian science and technology.

Теперь Трамп разрушает или ухудшает практически каждый элемент гражданской инновационной системы. Во-первых, первый бюджет Трампа был направлен на полную ликвидацию ARPA-E и резкое сокращение федеральных расходов на биомедицинские исследования, что привело к сокращению годового бюджета Национальных институтов здравоохранения примерно с 30 до 25 миллиардов долларов. Бюджет Министерства образования также был резко урезан – примерно на 13 процентов, или на 9 миллиардов долларов. Хотя Конгресс, включая многих республиканцев, сопротивлялся этим предложениям, Трамп продолжает сокращать финансирование гражданской науки и технологий.

Second, Trump has begun shutting down the scientific capacity of U.S. agencies to deal with environmental science and environmental crises such as climate change and pollution. Federal websites have gone silent on climate science; online data sets that were once available to the scientific community are being withdrawn; agencies have been put on warning against discussing climate change; and Trump has pushed hard for drastic cuts to the budget, slashing the Environmental Protection Agency to the core, including its Office of Research and Development. All of this attack on federally supported R&D is gravely compounded by Trump’s own antiscience rhetoric.

Во-вторых, Трамп начал сокращать научный потенциал американских агентств, необходимый для решения проблем, связанных с наукой об окружающей среде, и решения экологических кризисов, таких как изменение климата и загрязнение окружающей среды. Федеральные веб-сайты перестали публиковать информацию о климатологии; онлайн-данные, ранее доступные научному сообществу, изымаются; агентствам было вынесено предупреждение о недопустимости обсуждения изменения климата; а Трамп активно настаивал на резком сокращении бюджета, буквально урезав бюджет Агентства по охране окружающей среды, включая его Управление исследований и разработок. Все эти нападки на финансируемые из федерального бюджета НИОКР серьезно усугубляются антинаучной риторикой самого Трампа.

Third, Trump's travel bans and general hostility to international partnerships and cooperation is already putting a severe chill on global scientific cooperation. It is no accident that American universities have lined up against the travel bans and have been plaintiffs seeking to prevent their implementation.

В-третьих, запреты Трампа на въезд и общая враждебность к международному партнерству и сотрудничеству уже серьезно сдерживают глобальное научное сотрудничество. Неслучайно американские университеты выступили против запретов на въезд и стали истцами, стремящимися помешать их введению.

What is so remarkable about all of this is that Trump is degrading America's innovation system just as China is taking remarkably bold steps to upgrade its own innovation system and its leadership in cutting-edge technologies. China's rate of patenting has soared in recent years, nearly catching up with the rate of U.S. patent applications, and is on a path to overtake the United States in the near future. China is now producing more science and engineering PhDs than the United States. Perhaps most striking is China's explicit commitment to technological advances in ten critical sectors in the coming decade, part of a newly announced "Made in China 2025" program, including advanced information technology, new energy (including electric) vehicles, low-carbon energy, and advanced medical sciences, among others. America is ceding the field to China in key future technologies.

Примечательно во всём этом то, что Трамп разрушает инновационную систему Америки именно в тот момент, когда Китай предпринимает поразительно смелые шаги по модернизации собственной инновационной системы и укреплению своего лидерства в передовых технологиях. Темпы патентования в Китае резко возросли в последние годы, почти сравнявшись с темпами подачи патентных заявок в США, и в ближайшем будущем страна, вероятно, обгонит США. Сейчас Китай выпускает больше докторов наук и инженеров, чем США. Пожалуй, самым поразительным является чёткая приверженность Китая технологическому прогрессу в десяти важнейших секторах в течение ближайшего десятилетия в рамках недавно объявленной программы «Сделано в Китае 2025», включая передовые информационные технологии, новые виды транспорта (включая электромобили), низкоуглеродную энергетику и передовые медицинские науки, среди прочего. Америка уступает Китаю лидерство в ключевых технологиях будущего.

With rapid technological breakthroughs underway in many parts of the world, the added benefits of global cooperation are even greater. More than ever, global networks of scientists working together, and supported by national governments, could build on each other's expertise, test new approaches, and dramatically shorten the time span from initial hypothesis to scientific discovery to technical applications and global dissemination. Such global cooperative efforts would not only provide shared gains for all participating countries, but also reduce distrust across the world. Scientists speak a truly global language, and their shared successes could help all the rest of us to do so as well.

В условиях стремительных технологических прорывов, происходящих во многих частях мира, дополнительные преимущества глобального сотрудничества становятся ещё более значительными. Как никогда ранее, глобальные сети учёных, работающих вместе и поддерживаемых национальными правительствами, могли бы опираться на опыт друг друга, тестировать новые подходы и значительно сокращать время от первоначальной гипотезы до научного открытия, технического применения и глобального распространения результатов. Такие глобальные совместные усилия не только обеспечили бы общую выгоду всем участвующим странам, но и снизили бы недоверие во всём мире. Учёные говорят на поистине глобальном языке, и их общие успехи могли бы помочь всем нам.

14 TOWARD A WORLD ECONOMY OF REGIONS

К мировой экономике регионов

There are very strong reasons for neighboring nations to cooperate. Neighbors share rivers and watersheds and other national resources. Neighbors may spread diseases across borders, requiring joint

efforts for disease surveillance and epidemic control. Neighbors can usefully collaborate in building trans-boundary road, rail, power, and fiber networks. Neighbors can enjoy mutual benefits of tourism, trade, and financial flows. And, of course, neighbors gain by avoiding violence across the common border.

Существуют очень веские причины для сотрудничества соседних стран. Соседи разделяют реки, водоразделы и другие национальные ресурсы. Соседи могут распространять болезни через границы, что требует совместных усилий по эпидемическому контролю и эпиднадзору. Соседи могут плодотворно сотрудничать в строительстве трансграничных автомобильных, железных дорог, линий электропередач и оптоволоконных сетей. Соседи могут получать взаимную выгоду от туризма, торговли и финансовых потоков. И, конечно же, соседи выигрывают, избегая насилия через общую границу.

Nonetheless, the Cold War often divided neighbors, rather than uniting them. One country would be in the U.S. camp and the next-door neighbor in the Soviet camp. When disputes between neighbors arose, one would look to one superpower and the other then gravitate to the other. One might offer a military base to the United States, prompting the neighbor to request security help from the Soviet camp. Since both superpowers believed that their Cold War competition extended to every region of the world, every cross-border dispute among smaller nations had the potential to turn into a new battleground of the wider Cold War.

Тем не менее, холодная война часто разделяла соседей, а не объединяла их. Одна страна оказывалась в лагере США, а ближайший сосед – в советском лагере. Когда между соседями возникали споры, одна из них обращалась к одной сверхдержаве, а другая тянулась к другой. Одна из стран могла предложить военную базу Соединенным Штатам, что побуждало соседа обратиться за помощью в области безопасности к советскому лагерю. Поскольку обе сверхдержавы считали, что их соперничество в холодной войне распространяется на все регионы мира, любой трансграничный спор между малыми странами мог превратиться в новое поле битвы более широкой холодной войны.

Of course there were ample reasons for cross-border tensions even without the meddling of the superpowers. Nextdoor neighbors dispute where boundaries are drawn (perhaps as the result of wars long past). They may each be home to an ethnic group that straddles the border, or that uses one country to launch attacks on the neighboring country. The current boundaries might have been drawn by the European imperial powers in ways that create major headaches today. Yet all of these headaches are greatly exacerbated when the quarreling neighbors turn to the major powers for support in their local battles. Local conflicts suddenly become regional or global conflicts, and even proxy wars among the superpowers.

Конечно, причин для трансграничной напряжённости было предостаточно даже без вмешательства сверхдержав. Ближайшие соседи спорят о границах (возможно, в результате давно прошедших войн). Каждый из них может быть домом для этнической группы, проживающей по обе стороны границы, или использующей одну страну для нападения на соседнюю. Нынешние границы, возможно, были проведены европейскими империалистическими державами таким образом, что сегодня это создаёт серьёзные проблемы. Однако все эти проблемы значительно усугубляются, когда враждующие соседи обращаются за поддержкой к крупным державам в своих локальных конфликтах. Локальные конфликты внезапно перерастают в региональные или глобальные конфликты, а то и в опосредованные войны между сверхдержавами.

Consider the morass of Syria today. Syria itself is a mosaic of ethnicities across many Muslim and Christian denominations. Three major regional Muslim powers, Turkey, Saudi Arabia, and Iran, all compete for influence, while Israel worries especially about Iran's potential influence and ability to supply weapons through Syria to Hezbollah in Lebanon and Hamas in Gaza. All of these countries worry about the possibility that a rival power will gain ascendancy in Syria. Turkey worries also about the possibility of a semi-independent Kurdish enclave in Syria that could then support the Kurdish national movement within Turkey.

Взгляните на трясину современной Сирии. Сама Сирия представляет собой мозаику этнических групп, включающую множество мусульманских и христианских конфессий. Три крупнейшие региональные мусульманские державы – Турция, Саудовская Аравия и Иран – борются за влияние, в то время как Израиль особенно обеспокоен потенциальным влиянием Ирана и его способностью поставлять оружие через Сирию «Хезболле» в Ливане и ХАМАС в секторе Газа. Все эти страны обеспокоены возможностью усиления влияния в Сирии соперничающей державы. Турцию также беспокоит возможность появления полунезависимого курдского анклава в Сирии, который мог бы затем поддержать курдское национальное движение внутри Турции.

During the Cold War, the Syrian regime of Hafez al-Assad was a Soviet client state, putting the United States on alert against possible Soviet actions in the region carried out via Syria. After 1992, the United States looked for opportunities to weaken or overthrow the Assad regime, partly to push Russia from the scene and partly to resist Iranian influence. When Bashar al-Assad succeeded his father, the United States tried alternatively to woo the son or to overthrow him. It settled on the latter approach upon the eruption of the Arab Spring in early 2011. The U.S. government teamed up with Saudi Arabia, Israel, and Turkey to overthrow Assad, using the CIA to channel arms, money, and advice, while the Syrian government looked to Russia and Iran to save it.

Во время холодной войны сирийский режим Хафеза Асада был государством-сателлитом СССР, что предупреждало Соединенные Штаты о возможных действиях СССР в регионе, осуществляемых через Сирию. После 1992 года Соединенные Штаты искали возможности ослабить или свергнуть режим Асада, отчасти для того, чтобы вытеснить Россию со сцены, а отчасти – для противодействия иранскому влиянию. Когда Башар Асад стал преемником отца, Соединенные Штаты пытались либо склонить на свою сторону сына, либо добиться его свержения. После начала Арабской весны в начале 2011 года США остановились на последнем подходе. Правительство США объединилось с Саудовской Аравией, Израилем и Турцией, чтобы свергнуть Асада, используя ЦРУ для поставок оружия, денег и консультаций, в то время как сирийское правительство надеялось на Россию и Иран, чтобы спасти себя.

All over the world, such regional tensions reflected local histories combined with great-power politics and interventions. In northeast Asia, China, Russia, and North Korea have long faced off against the United States, Japan, and South Korea. In South Asia, the United States has traditionally sided with Pakistan in its diplomatic and military standoff with India, though U.S. interests have recently shifted toward India. In these cases and countless others, local powers have competed for advantage by recruiting global powers as allies. In turn, the global powers have often found it convenient to compete with other global powers through their local proxies.

Во всем мире подобная региональная напряженность отражала местную историю в сочетании с политикой и интервенциями великих держав. В Северо-Восточной Азии Китай, Россия и Северная Корея долгое время противостояли Соединенным Штатам, Японии и Южной Кореи. В Южной Азии Соединенные Штаты традиционно поддерживали Пакистан в его дипломатическом и военном противостоянии с Индией, хотя в последнее время интересы США сместились в сторону Индии. В этих и бесчисленных других случаях местные державы боролись за преимущество, привлекая в качестве союзников мировые державы. В свою очередь, мировые державы часто находили удобным конкурировать с другими мировыми державами через своих местных ставленников.

Add in natural resources such as oil, and local conflicts quickly become even more chaotic and multifaceted. Greatpower interventions in the Middle East have inevitably involved jockeying for lucrative oil concessions, or for rights of way on pipelines, ports, and shipping lanes. Woe be the country that discovers oil, gas, diamonds, gold, or other riches under the ground. It is likely to become a playground for international intrigue if not outright war.

Добавьте к этому природные ресурсы, такие как нефть, и локальные конфликты быстро станут ещё более хаотичными и многогранными. Вмешательства великих держав на Ближнем Востоке неизбежно подразумевали борьбу за прибыльные нефтяные концессии или права прохода по трубопроводам, портам и морским путям. Горе той стране, которая обнаружит нефть, газ, алмазы,

золото или другие богатства под землёй. Она, вероятно, станет площадкой для международных интриг, если не прямой войны.

From an economic point of view, conflicts between neighbors are generally devastating for both. Even when war is avoided, mere diplomatic chilliness between neighbors can drain both countries of economic dynamism. When neighbors are friendly, on the other hand, they can capture the significant benefits of cross-border trade and finance; economies of scale in network infrastructure (power transmission, connectivity, storage, and transport); delivery of public health services (epidemic surveillance and control); and ecosystem management (biodiversity conservation, pollution control, and fresh water management, among others).

С экономической точки зрения, конфликты между соседями, как правило, разрушительны для обеих стран. Даже когда войны удаётся избежать, простое дипломатическое охлаждение между соседями может лишить обе страны экономического динамизма. С другой стороны, когда соседи настроены дружелюбно, они могут воспользоваться значительными преимуществами трансграничной торговли и финансов; экономией масштаба в сетевой инфраструктуре (передача электроэнергии, связь, хранение и транспорт); предоставлением услуг общественного здравоохранения (эпидемический надзор и контроль); и управлением экосистемами (сохранение биоразнообразия, контроль загрязнения и управление пресной водой, среди прочего).

Regional economic and political integration, as in the European Union, is the single most powerful strategy to reduce the risks of war and increase the prospects for economic development. Europe's history in the twentieth century proves the point. After World War I, two defunct multiethnic empires (Austria-Hungary and Ottoman) splintered into small successor states with mutual distrust and hostility. Moreover, trade among the larger powers (Britain, France, Germany, Italy) was impeded by tariffs, inconvertible currencies, international debts, and deep diplomatic conflicts engendered by the Treaty of Versailles. The prewar Europewide trading system was utterly shattered. Europe experienced twenty years of nonstop economic crisis, including the monetary instability of the 1920s and the Great Depression of the 1930s. This generation-long economic crisis, in turn, created the conditions for renewed war.

Региональная экономическая и политическая интеграция, как в Европейском союзе, является самой действенной стратегией снижения риска войны и улучшения перспектив экономического развития. История Европы в XX веке подтверждает это. После Первой мировой войны две распавшиеся многонациональные империи (Австро-Венгерская и Османская) распались на небольшие государства-преемники, испытывая взаимное недоверие и враждебность. Более того, торговля между крупными державами (Великобританией, Францией, Германией, Италией) была затруднена пошлинами, неконвертируемыми валютами, международными долгами и глубокими дипломатическими конфликтами, порожденными Версальским договором. Довоенная общеевропейская торговая система была полностью разрушена. Европа пережила двадцать лет непрерывного экономического кризиса, включая валютную нестабильность 1920-х годов и Великую депрессию 1930-х годов. Этот экономический кризис, затянувшийся на целое поколение, в свою очередь, создал условия для возобновления войны.

After World War II, Germany and France were determined to put an end to the cycle of devastating war and retribution that had gripped those two countries for the preceding seventy-five years. The countries of Western Europe were especially keen to remain united in order to resist the dangers arising from Stalin's Soviet system. Thus, the European leaders, strongly encouraged by the United States, charted a path of increasing economic and political integration, starting with the Coal and Steel Community that brought France and Germany together in the 1950s and then the Treaty of Rome in 1957 that created the European Economic Community, later the European Union (EU). Europe moved toward a free market for goods, and later toward a single market for goods, services, capital, and labor.

После Второй мировой войны Германия и Франция были полны решимости положить конец циклу разрушительных войн и возмездия, охватившему эти две страны на протяжении предыдущих семидесяти пяти лет. Страны Западной Европы особенно стремились сохранить единство, чтобы

противостоять опасностям, исходящим от сталинской советской системы. Таким образом, европейские лидеры, при активной поддержке США, наметили путь усиления экономической и политической интеграции, начав с создания Сообщества угля и стали, объединившего Францию и Германию в 1950-х годах, а затем Римского договора 1957 года, создавшего Европейское экономическое сообщество, позднее – Европейский союз (ЕС). Европа двигалась к свободному рынку товаров, а затем к единому рынку товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

The Treaty of Rome ushered in a period of rapid and equitable European growth that lasted from the late 1950s to the 1970s, and the European single market under the Maastricht and Lisbon treaties gave further impulse to Europe's political integration and economic expansion from the 1990s to the present. During this period, until Trump's accession to power, the United States viewed Europe's unity as of great benefit not only to Europe but to the United States as well, strengthening the NATO alliance and boosting Europe as a strong and reliable trading partner. Now Trump often seems to believe that the EU's weakness would somehow be to America's advantage, a bizarre view from the U.S. perspective and wholly outside of the American consensus of many decades.

Римский договор ознаменовал собой период быстрого и справедливого роста Европы, который продолжался с конца 1950-х до 1970-х годов, а единый европейский рынок, созданный в соответствии с Маастрихтским и Лиссабонским договорами, придал дополнительный импульс политической интеграции и экономическому расширению Европы с 1990-х годов и по настоящее время. В этот период, до прихода Трампа к власти, Соединенные Штаты рассматривали единство Европы как огромную выгоду не только для Европы, но и для Соединенных Штатов, укрепляя альянс НАТО и укрепляя позиции Европы как сильного и надежного торгового партнера. Теперь же Трамп, похоже, часто полагает, что слабость ЕС каким-то образом пойдет на пользу Америке, что с точки зрения США выглядит странно и полностью противоречит американскому консенсусу, существовавшему на протяжении многих десятилетий.

With all of the European Union's many serious challenges—including heightened tensions over refugees and migration, unequal development between the richer north and poorer south, high youth unemployment, chronic economic crisis in Greece, cumbersome decision making, and repeated flare-ups of the euro and eurozone—Europe's economic and political integration has been hugely successful in reducing intra-European conflicts and promoting regionwide economic development. The EU is therefore a crucial role model for other parts of the world.

Несмотря на все многочисленные серьезные проблемы Европейского союза, включая обострившуюся напряженность в связи с беженцами и миграцией, неравномерное развитие между богатым севером и бедным югом, высокий уровень безработицы среди молодежи, хронический экономический кризис в Греции, обременительный процесс принятия решений и неоднократные обострения еврозоны, экономическая и политическая интеграция Европы оказалась чрезвычайно успешной в снижении внутриевропейских конфликтов и содействии экономическому развитию всего региона. Поэтому ЕС является важнейшей ролевой моделью для других частей мира.

While there is much talk about a return to nationalism, with Trump even threatening to undo the North American Free Trade Area (NAFTA), my prediction is that regional integration is still in the ascendancy, not decline. The European Union is not about to disappear, and Britain's experience under Brexit will be a salutary warning to others that might flirt with the idea of going it alone. Around the world, the goal should be to overcome traditional disputes among neighbors to create similar processes of economic and political integration.

Хотя много говорят о возвращении к национализму, а Трамп даже угрожал отменить Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА), я прогнозирую, что региональная интеграция всё ещё находится на подъеме, а не на спаде. Европейский союз не исчезнет, и опыт Великобритании в условиях Brexit станет полезным предостережением для тех, кто может заигрывать с идеей действовать в одиночку. Во всём мире целью должно быть преодоление традиционных разногласий между соседями для создания аналогичных процессов экономической и политической интеграции.

In northeast Asia, China is currently viewed as a strategic competitor and potential adversary of neighbors Japan and South Korea, which turn to the United States for their national security. Yet economic integration among the three countries is deepening despite the political divisions. The logic of economic cooperation is strong. The three countries are technological powerhouses that would be even more powerful if they cooperated closely on industrial standards; research and development; higher education; joint ventures in high-tech areas such as renewable energy, robotics, pollution control, and genomics; and transboundary infrastructure (energy, transport, connectivity). My own guess is that the three will establish a closer political *modus operandi* in the coming years, with the United States squeezed out of its current central role in the region's security arrangements. The world will then better appreciate the region as a worldleading technological colossus.

В Северо-Восточной Азии Китай в настоящее время рассматривается как стратегический конкурент и потенциальный противник соседних Японии и Южной Кореи, которые обращаются к Соединённым Штатам в вопросах национальной безопасности. Тем не менее, экономическая интеграция между тремя странами углубляется, несмотря на политические разногласия. Логика экономического сотрудничества сильна. Эти три страны являются технологическими гигантами, которые стали бы ещё мощнее, если бы тесно сотрудничали в таких областях, как промышленные стандарты, исследования и разработки, высшее образование, совместные предприятия в таких высокотехнологичных областях, как возобновляемые источники энергии, робототехника, контроль загрязнения окружающей среды и геномика, а также трансграничная инфраструктура (энергетика, транспорт, связь). Я предполагаю, что в ближайшие годы эти три страны сформируют более тесный политический *modus operandi*, и Соединённые Штаты будут вытеснены с их нынешней центральной роли в обеспечении безопасности региона. Тогда мир лучше оценит этот регион как ведущего технологического гиганта.

South Asia is another region where economic and political integration could lead to a huge advance in regional security and prosperity. Since the partition of British India in 1947, India and Pakistan have gone their separate ways, bearing deep grudges and enmities that have repeatedly spilled over into open conflicts. There have been four major conflicts (1947 upon partition, 1965, 1971, and 1999) and countless smaller conflicts and terrorist attacks. There are many causes of the rivalry and enmity, including the heatedly contested fate of Kashmir (a mostly Muslim Himalayan state claimed by both India and Pakistan), Hindu-Muslim relations, regional politics, and superpower politics. Both countries are nuclear powers, so their ongoing conflict is one of the world's most dangerous.

Южная Азия — ещё один регион, где экономическая и политическая интеграция может привести к значительному прогрессу в области региональной безопасности и процветания. После раздела Британской Индии в 1947 году Индия и Пакистан пошли разными путями, испытывая глубокую неприязнь и вражду, которые неоднократно перерастали в открытые конфликты. Было четыре крупных конфликта (1947 год после раздела, 1965 год, 1971 год и 1999 год) и бесчисленное множество более мелких конфликтов и террористических атак. Существует множество причин соперничества и вражды, включая ожесточённые споры о судьбе Кашмира (преимущественно мусульманского гималайского штата, на который претендуют как Индия, так и Пакистан), индуистско-мусульманские отношения, региональную политику и политику сверхдержав. Обе страны являются ядерными державами, поэтому их продолжающийся конфликт является одним из самых опасных в мире.

Trade, travel, and financial flows between the two giant countries are minimal, meaning that South Asia is squandering important opportunities for economic growth, infrastructure development, and technological advance. The two countries have important shared stakes in managing the Himalayan river systems, hydroelectric power, and renewable energy. Shared infrastructure would enable both countries to boost commerce, telecommunications, and linkages with other countries in Asia. As with the divisions between China, Japan, and South Korea, the rift between India and Pakistan cries out for compromise and reconciliation.

Торговля, поездки и финансовые потоки между двумя гигантскими странами минимальны, а это означает, что Южная Азия упускает важные возможности для экономического роста, развития инфраструктуры и технического прогресса. Обе страны имеют важные общие интересы в управлении гималайскими речными системами, гидроэнергетике и возобновляемых источниках энергии. Общая инфраструктура позволит обеим странам развивать торговлю, телекоммуникации и связи с другими странами Азии. Как и разногласия между Китаем, Японией и Южной Кореей, разногласия между Индией и Пакистаном требуют компромисса и примирения.

Africa is another region in desperate need of much closer political, economic, and financial integration. When the European imperial powers carved up Africa in the 1880s, they created a mosaic of national boundaries that suited European rivalries but made little sense in terms of ethnicity, watersheds, riverways, land transport, seaports, ecosystems, biodiversity, and mineral wealth. As a result of these arbitrary boundaries and their further division at the time of independence, Africa ended up with the largest number of landlocked nations of any major world region, fourteen of the fifty-four countries. Landlocked countries are at the mercy of their coastal neighbors, on whom they depend for access to sea-based international trade.

Африка – ещё один регион, отчаянно нуждающийся в гораздо более тесной политической, экономической и финансовой интеграции. Когда европейские империалистические державы разделили Африку в 1880-х годах, они создали мозаику национальных границ, которая соответствовала европейскому соперничеству, но не имела смысла с точки зрения этнической принадлежности, водоразделов, речных путей, наземного транспорта, морских портов, экосистем, биоразнообразия и минеральных богатств. В результате этих произвольных границ и их дальнейшего разделения после обретения независимости в Африке оказалось наибольшее количество стран, не имеющих выхода к морю, среди всех крупных регионов мира – четырнадцать из пятидесяти четырёх. Страны, не имеющие выхода к морю, находятся во власти своих прибрежных соседей, от которых зависят их доступ к морской международной торговле.

A well-functioning African Union is therefore vital for Africa's escape from poverty and sustainable development. The EU is the most important role model for the AU, so that greater European aid and political support to Africa's integration would be strategic for Europe and welcome for Africa. Sub-Saharan Africa's development challenges are enormous, no doubt. Africa is the epicenter of global extreme poverty and remains bereft of basic infrastructure. It is highly vulnerable to global warming and to an exceedingly high fertility rate that is causing rapid population growth and heavy outlays on schooling, health care, and infrastructure just to keep up with the soaring population. To overcome these difficulties, regional integration will be especially important to promote trade, tap into Africa's vast stores of renewable energy, and create new business opportunities and decent livelihoods.

Поэтому эффективно функционирующий Африканский союз жизненно важен для выхода Африки из нищеты и достижения устойчивого развития. ЕС является важнейшей ролевой моделью для АС, поэтому более значительная европейская помощь и политическая поддержка интеграции Африки были бы стратегически важны для Европы и приветствовались бы для Африки. Проблемы развития стран Африки к югу от Сахары, несомненно, огромны. Африка является эпицентром глобальной крайней нищеты и по-прежнему лишена базовой инфраструктуры. Она крайне уязвима к глобальному потеплению и чрезвычайно высокому уровню рождаемости, что приводит к быстрому росту населения и огромным расходам на образование, здравоохранение и инфраструктуру только для того, чтобы справиться с быстро растущим населением. Для преодоления этих трудностей региональная интеграция будет особенно важна для развития торговли, использования огромных запасов возобновляемой энергии Африки и создания новых возможностей для бизнеса и достойных средств к существованию.

The Middle East is perhaps the world's most politically riven region, yet another area where regional cooperation is vital for development. It's not called the "middle" for nothing. The Middle East sits athwart Europe, Asia, and Africa; it is home to the world's three great monotheistic traditions, Judaism, Christianity, and Islam; it is home to around 70 percent of the world's oil reserves, making it a great prize

during the past century for the world's superpowers, all hungry for primary energy resources; and it juxtaposes three great competing cultural heritages and ethnicities: Turks, Arabs, and Persians. Add in the meddling by European empires, especially the British and French, and then after World War II by the United States, and one has the recipe for political mischief leading to geopolitical madness and perpetual war.

Ближний Восток, пожалуй, самый политически раздираемый регион мира, еще одна область, где региональное сотрудничество жизненно важно для развития. Его не зря называют «серединой». Ближний Восток расположен поперек Европы, Азии и Африки; он является родиной трех великих мировых монотеистических традиций: иудаизма, христианства и ислама; здесь сосредоточено около 70 процентов мировых запасов нефти, что делало его большой находкой в прошлом столетии для мировых сверхдержав, все из них жаждут первичных энергетических ресурсов; и он противопоставляет три великих конкурирующих культурных наследия и этноса: турок, арабов и персов. Добавьте к этому вмешательство европейских империй, особенно Британской и Французской, а затем, после Второй мировой войны, Соединённых Штатов, и получите рецепт политического зла, ведущего к геополитическому безумию и бесконечной войне.

I have long fantasized about the “ultimate” case of regional integration, with Turkey, Saudi Arabia, and Iran finally deciding that there is far more that unites the Turks, the Arabs, and the Persians, than truly divides them. Their recent history has been to play one superpower off against the other, looking to Britain or France to keep Russia away, or Russia to keep the United States at bay, and so on. How much better off they would be if they worked together to tell the great powers in unison to stay away, at least in military terms. These three regional powers could then work together building a new regional infrastructure, tapping the region's vast solar power, desalination needs, shipping routes, and biodiversity, as well as its young people who can harness the new information technologies. Stranger things have happened.

Я давно фантазировал о «крайнем» случае региональной интеграции, когда Турция, Саудовская Аравия и Иран наконец решат, что турок, арабов и персов объединяет гораздо больше, чем разъединяет. В последнее время они постоянно сталкивали одну сверхдержаву с другой, надеясь, что Великобритания или Франция не допустят въезда России, а Россия — Соединённых Штатов, и так далее. Насколько же лучше им было бы, если бы они объединили усилия и единогласно призвали великие державы держаться подальше, по крайней мере, в военном плане. Эти три региональные державы могли бы совместно работать над созданием новой региональной инфраструктуры, используя огромные запасы солнечной энергии региона, его потребности в опреснении воды, судоходные пути и биоразнообразие, а также его молодёжь, способную освоить новые информационные технологии. Случались и более странные вещи.

The need to decarbonize the world's energy system should be, in itself, a major impetus to strengthen regional integration not only in the Middle East but in all parts of the world. The largest sources of low-carbon energy such as wind, solar, hydro, geothermal, and ocean power are typically far from population centers, as they are situated in mountains and deserts, along tectonic plates, and offshore. One recurring energy solution, therefore, is to tap the high-quality, low-carbon energy at the source and carry it to population centers via long-distance transmission lines. Such long-distance transmission will very often cross international boundaries. My own home, New York City, is looking to tap Canada's vast potential for hydroelectric power through a high-voltage, direct-current line. California and Texas, similarly, could tap the massive solar potential of northern Mexico. Europe could tap the solar power and wind energy of North Africa and the Middle East. All of this requires a high level of political trust among neighbors, with supporting political, economic, and financial institutions.

Необходимость декарбонизации мировой энергетической системы сама по себе должна стать мощным стимулом для укрепления региональной интеграции не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире. Крупнейшие источники низкоуглеродной энергии, такие как энергия ветра, солнца, гидроэнергия, геотермальная энергия и энергия океана, как правило, находятся вдали от населенных пунктов, поскольку они расположены в горах и пустынях, вдоль тектонических плит и

на шельфе. Поэтому одним из распространённых решений в области энергетики является использование высококачественной низкоуглеродной энергии непосредственно у источника и её передача в населённые пункты по дальним линиям электропередачи. Такая передача на большие расстояния часто пересекает международные границы. Мой родной город, Нью-Йорк, стремится использовать огромный гидроэнергетический потенциал Канады посредством высоковольтной линии постоянного тока. Калифорния и Техас, аналогичным образом, могли бы использовать огромный солнечный потенциал северной Мексики. Европа могла бы использовать солнечную и ветровую энергию Северной Африки и Ближнего Востока. Всё это требует высокого уровня политического доверия между соседями и поддержки со стороны политических, экономических и финансовых институтов.

Once again the concept of subsidiarity—that problems should be solved at the lowest feasible level of governance—comes into play. Regional groupings like the European Union should focus on truly regional problems, such as crosscountry infrastructure, trade, and movements of people and capital. Problems like the delivery of social services can often be best solved in neighborhoods, communities, or metropolitan regions. Cities have an important role to play in building codes, zoning, and local infrastructure such as charging points for electric vehicles. But national governments and regional organizations such as the European Union will need to attend to cross-border transmission of renewable energy, and global cooperation through the United Nations will be essential to set global goals and standards, such as in the Paris Climate Agreement.

Вновь вступает в действие концепция субсидиарности, согласно которой проблемы должны решаться на самом низком возможном уровне управления. Региональные объединения, такие как Европейский союз, должны сосредоточиться на подлинно региональных проблемах, таких как межстрановая инфраструктура, торговля, перемещение людей и капитала. Такие проблемы, как предоставление социальных услуг, часто лучше всего решать на уровне районов, сообществ или мегаполисов. Города играют важную роль в разработке строительных норм, зонирования и развитии местной инфраструктуры, например, зарядных станций для электромобилей. Однако национальным правительствам и региональным организациям, таким как Европейский союз, необходимо будет уделять внимание трансграничной передаче возобновляемой энергии, а глобальное сотрудничество в рамках Организации Объединённых Наций будет иметь решающее значение для установления глобальных целей и стандартов, таких как Парижское соглашение по климату.

In place of dead-end nationalism and warmongering exceptionalism, we should be strengthening regional groupings such as NAFTA, the European Union, the African Union, the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), and cooperation in northeast Asia among China, Japan, and South Korea. In every part of the world, sustainable development will depend on such regional cooperation. Yet such cooperation means moving beyond the conventional assumptions of balance-of-power politics, in which Saudi Arabia “must” compete with Iran, Japan with China, India with Pakistan, and so on. If these neighbors would cooperate rather than compete, they would strengthen their own nations, enhance the region’s security, and contribute markedly to building global peace.

Вместо тупикового национализма и воинствующего чувства исключительности нам следует укреплять региональные объединения, такие как НАФТА, Европейский союз, Африканский союз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также сотрудничество в Северо-Восточной Азии между Китаем, Японией и Южной Кореей. Во всех частях мира устойчивое развитие будет зависеть от такого регионального сотрудничества. Однако такое сотрудничество означает выход за рамки традиционных представлений о политике баланса сил, в которой Саудовская Аравия «должна» конкурировать с Ираном, Япония — с Китаем, Индия — с Пакистаном и так далее. Если бы эти соседи сотрудничали, а не конкурировали, они бы укрепили свои страны, повысили безопасность региона и внесли бы заметный вклад в построение мира во всем мире.

RENEWING AMERICAN DIPLOMACY

American exceptionalism has led to America's growing rejection of cooperative solutions and diplomatic approaches to global challenges. For the past quarter-century, the United States has turned its back on almost all UN treaties, refusing to sign or ratify several important agreements reached by all or almost all other UN member states. We have gone from being the creator and inspirer of the United Nations to a rogue nation that rejects UN initiatives for the perverse reason that most other nations endorse them.

Американская исключительность привела к растущему неприятию Америкой совместных решений и дипломатических подходов к глобальным проблемам. За последнюю четверть века Соединенные Штаты отвернулись практически от всех договоров ООН, отказавшись подписывать или ратифицировать ряд важных соглашений, достигнутых всеми или почти всеми другими государствами-членами ООН. Мы превратились из создателя и вдохновителя Организации Объединенных Наций в страну-изгоя, отвергающую инициативы ООН по той извращенной причине, что большинство других стран их поддерживают.

American aloofness and often outright hostility to diplomacy comes at an odd time. The world community has recently shown that it can agree on many important matters. The most important global agreements in recent years are Agenda 2030, which commits all nations to sustainable development and the seventeen Sustainable Development Goals (17 SDGs), and the Paris Climate Agreement, which commits all nations to work cooperatively toward limiting global warming to "well below 2 degrees Celsius." Recent experience also points to the high returns from well-designed and well-targeted development assistance, which in recent years has proven its worth in fighting diseases such as AIDS, tuberculosis (TB), and malaria.

Американская отчужденность и зачастую открытая враждебность к дипломатии возникают в неподходящее время. Мировое сообщество недавно продемонстрировало, что способно достигать согласия по многим важным вопросам. Важнейшими глобальными соглашениями последних лет являются Повестка дня на период до 2030 года, которая обязывает все страны стремиться к устойчивому развитию и достижению семнадцати целей в области устойчивого развития (17 ЦУР), и Парижское соглашение по климату, которое обязывает все страны сотрудничать в целях ограничения глобального потепления «значительно ниже 2 градусов Цельсия». Недавний опыт также свидетельствует о высокой отдаче от грамотно спланированной и целенаправленной помощи в целях развития, которая в последние годы доказала свою эффективность в борьбе с такими заболеваниями, как СПИД, туберкулез и малярия.

In this section I suggest that the United States would benefit enormously by adopting a UN-oriented foreign policy, one that aims to bolster the UN Charter and the work of UN institutions rather than resist them. Global cooperation can prevent or end wars through cooperative diplomacy in the UN Security Council, while sustainable development can be promoted through the 17 SDGs and the remarkable work of UN specialized agencies.

В этом разделе я предполагаю, что Соединенные Штаты получают огромную выгоду, приняв внешнюю политику, ориентированную на ООН, направленную на укрепление Устава ООН и работу ее институтов, а не на противодействие им. Глобальное сотрудничество может предотвратить или положить конец войнам посредством совместной дипломатии в Совете Безопасности ООН, в то время как устойчивое развитие может быть обеспечено посредством 17 ЦУР и выдающейся работы специализированных учреждений ООН.

In the final chapter, I summarize ten major steps to creating a new U.S. foreign policy based on diplomacy and sustainable development. Such a foreign policy is our best chance for true security, enhanced well-being, and a better world for coming generations.

В заключительной главе я кратко излагаю десять основных шагов к созданию новой внешней политики США, основанной на дипломатии и устойчивом развитии. Такая внешняя политика — наш наилучший шанс на подлинную безопасность, повышение благосостояния и лучший мир для

будущих поколений.

15 FROM DIPLOMATIC LEADER TO ROGUE NATION

От дипломатического лидера до страны-изгоя

When America really was first, notably in the 1940s–1960s, America promoted its interests by cooperating with other nations. The United States opened its markets to the exports of Europe, Japan, and South Korea and shared American know-how with the least developed countries—for example, by promoting the Green Revolution in India in the 1960s. The United States developed the blueprints for the United Nations, the International Monetary Fund, the World Bank, the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT, the forerunner of the World Trade Organization), the World Health Organization, the regional development banks, and countless other international efforts aimed at spreading economic prosperity.

Когда Америка действительно была лидером, особенно в 1940–1960-х годах, она продвигала свои интересы, сотрудничая с другими странами. Соединённые Штаты открыли свои рынки для экспорта из Европы, Японии и Южной Кореи и делились американским опытом с наименее развитыми странами, например, содействуя Зелёной революции в Индии в 1960-х годах. Соединённые Штаты разработали концепции Организации Объединённых Наций, Международного валютного фонда, Всемирного банка, Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ, предшественника Всемирной торговой организации), Всемирной организации здравоохранения, региональных банков развития и бесчисленных других международных инициатив, направленных на распространение экономического процветания.

The point is not that these actions were purely altruistic, imposing costs on the United States that only helped other countries. The point, rather, is that the United States invested in global public goods—in win-win activities—knowing that by playing its part, even a disproportionate part, as the world's leading economy and military power, it would reap a significant long-term benefit along with the other nations. Leadership does not mean squeezing other nations to enrich one's own country. Leadership is finding opportunities for mutual gain and creatively pursuing them, even funding projects entirely at times, when all countries end up ahead.

Дело не в том, что эти действия были исключительно альтруистическими и несли издержки для Соединённых Штатов, но приносили пользу другим странам. Суть, скорее, в том, что Соединённые Штаты инвестировали в глобальные общественные блага – в бесприигрышные действия – зная, что, играя свою роль, пусть даже непропорционально большую, как ведущая мировая экономика и военная держава, они получают значительную долгосрочную выгоду вместе с другими странами. Лидерство не означает давление на другие страны ради обогащения собственной страны. Лидерство – это поиск возможностей для взаимной выгоды и их творческая реализация, иногда даже полное финансирование проектов, когда все страны в итоге оказываются в выигрыше.

President John F. Kennedy famously put the issue of development assistance this way in his inaugural address:

To those peoples in the huts and villages across the globe struggling to break the bonds of mass misery, we pledge our best efforts to help them help themselves, for whatever period is required—not because the Communists may be doing it, not because we seek their votes, but because it is right. If a free society cannot help the many who are poor, it cannot save the few who are rich.

Президент Джон Ф. Кеннеди в своей инаугурационной речи так сформулировал вопрос о помощи в целях развития:

Тем людям в хижинах и деревнях по всему миру, которые борются за то, чтобы вырваться из тисков массовой нищеты, мы обещаем приложить все усилия, чтобы помочь им самим помочь себе, сколько бы времени это ни потребовалось, – не потому, что это делают коммунисты, не

потому, что мы стремимся заручиться их поддержкой, а потому, что это правильно. Если свободное общество не может помочь многим бедным, оно не может спасти и немногих богатых.

America's efforts can be measured by official development aid (ODA) as a share of gross national income (GNI), as shown in figure 15.1. During the Marshall Plan years, U.S. aid levels were about 1 percent of U.S. gross domestic product (GDP, almost the same as GNI). During the 1950s, the aid levels trended downward, but were still on the order of 0.6 percent of GDP in the early 1960s. This fell further to 0.2–0.3 percent in the 1970s and 1980s, then plummeted below 0.2 percent at the end of the Cold War, falling to 0.1 percent of GDP in 1999 during the Clinton administration. The aid levels increased under George W. Bush, who as we'll see made a notable effort to fight AIDS, TB, and malaria, with ODA/GNI rising to around 0.2. Under Obama the aid effort fell back again to around 0.18, and it looks set to fall further under Trump, perhaps to around 0.15.

Усилия Америки можно измерить по официальной помощи в целях развития (ОПР) как доле валового национального дохода (ВНД), как показано на рисунке 15.1. В годы действия Плана Маршалла уровень помощи США составлял около 1 процента от валового внутреннего продукта США (ВВП, почти столько же, сколько ВНД). В 1950-х годах уровень помощи имел тенденцию к снижению, но все еще составлял порядка 0,6 процента ВВП в начале 1960-х годов. Этот показатель снизился еще больше до 0,2–0,3 процента в 1970-х и 1980-х годах, затем резко упал ниже 0,2 процента к концу холодной войны, упав до 0,1 процента ВВП в 1999 году при администрации Клинтона. Уровень помощи увеличился при Джордже Буше-младшем, который, как мы увидим, приложил заметные усилия к борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией, при этом ОПР/ВНД вырос примерно до 0,2. При Обаме показатель помощи вновь снизился до примерно 0,18 и, по всей видимости, ещё больше снизится при Трампе, возможно, до 0,15.

This downward trend broadly tracks America's declining readiness to invest in global public goods generally. In the first decades after World War II—the heyday of the American Century—the United States was ready to lead in deeds as well as words. Representing around 30 percent of world GDP and more than half the combined income of the United States, Europe, and Japan, the United States not only was keen to promote the new U.S.-led internationalism, but also knew that positive results depended on America's footing much of the bill, admittedly to its own advantage as well as that of the countries receiving the aid.

Эта тенденция к снижению в целом отражает снижение готовности Америки инвестировать в глобальные общественные блага в целом. В первые десятилетия после Второй мировой войны — в период расцвета «Американского века» — Соединённые Штаты были готовы взять на себя лидерство не только на словах, но и на деле. На долю США приходится около 30 процентов мирового ВВП и более половины совокупного дохода США, Европы и Японии, поэтому они не только стремились продвигать новый интернационализм под руководством США, но и понимали, что положительные результаты зависят от того, возьмёт ли Америка на себя значительную часть расходов, что, безусловно, будет выгодно как ей самой, так и странам, получающим помощь.

Starting in the early 1970s, the United States began to pull back from global financial leadership. In 1971, President Richard Nixon unilaterally severed the fixed exchange rate between the U.S. dollar and gold (thirty-five dollars per ounce), thereby ending the “gold standard” of the postwar monetary system. The United States refused to bear the macroeconomic costs that would have been needed to preserve the dollar's peg to gold as was called for under the globally agreed monetary arrangements, and as was expected by other countries. The rest of the world, which was left holding dollar reserves that were now reduced in value, suffered the cost of Nixon's unilateral action. This action marked a watershed, a turning point in America's readiness to foot the bill for the global financial system.

С начала 1970-х годов Соединенные Штаты начали отступать от роли мирового финансового лидера. В 1971 году президент Ричард Никсон в одностороннем порядке отменил фиксированный обменный курс доллара США к золоту (тридцать пять долларов за унцию), тем самым положив конец «золотому стандарту» послевоенной валютной системы. Соединенные Штаты отказались

нести макроэкономические издержки, которые были бы необходимы для сохранения привязки доллара к золоту, как того требовали согласованные на глобальном уровне валютные соглашения и как того ожидали другие страны. Остальной мир, оставшийся с долларовыми резервами, стоимость которых к тому времени снизилась, понес убытки от односторонних действий Никсона. Эти действия стали переломным моментом в готовности Америки взять на себя ответственность за мировую финансовую систему.

America's will to leadership was further undermined by new developments in North-South diplomacy. The postcolonial nations made an appeal at the United Nations for a New International Economic Order (NIEO) that would ostensibly treat the developing countries more fairly—for example, by boosting the world relative price of primary commodities through methods such as export cartels and commodity stabilization arrangements. The developing countries began to claim, with increasing determination, that the existing international economic order was unfair to the late industrializers, and that the system needed to be reformed. If an oil cartel like OPEC could push up international prices, they reasoned, so too could cartels for products such as sugar, coffee, tobacco, cocoa, and others.

Воля Америки к лидерству была еще больше подорвана новыми событиями в дипломатии Севера и Юга. Постколониальные страны обратились в Организацию Объединенных Наций с призывом к установлению Нового международного экономического порядка (НМЭП), который якобы будет относиться к развивающимся странам более справедливо, например, путём повышения относительной мировой цены на сырьевые товары такими методами, как экспортные картели и соглашения о товарной стабилизации. Развивающиеся страны стали всё более решительно утверждать, что существующий международный экономический порядок несправедлив по отношению к странам, осуществившим индустриализацию в последние годы, и что его необходимо реформировать. Если нефтяной картель вроде ОПЕК может повысить мировые цены, рассуждали они, то и картели на такие товары, как сахар, кофе, табак, какао и другие, тоже могут.

In the face of this call for global equity, the United States issued a resounding no. The international economic system, said one U.S. administration after the next, is fair enough. If developing countries wanted to catch up, they'd have to do it on their own, presumably by mastering new areas of technology and skill, not by artificial arrangements to boost the prices of their commodity exports. A few countries, such as South Korea and Singapore, were able to follow that route. Others, however, remained stuck with their traditional commodity exports and found their national income levels stagnant or declining as their populations grew while their terms of trade declined.

Столкнувшись с этим призывом к глобальной справедливости, Соединённые Штаты решительно ответили «нет». Одна за другой администрации США заявляли, что международная экономическая система достаточно справедлива. Если развивающиеся страны хотят наверстать упущенное, им придётся делать это самостоятельно, предположительно, осваивая новые технологии и навыки, а не прибегая к искусственным мерам для повышения цен на экспортируемые ими сырьевые товары. Некоторым странам, таким как Южная Корея и Сингапур, удалось пойти по этому пути. Другие же, однако, остались верны своему традиционному экспорту сырьевых товаров и столкнулись с застоем или снижением уровня национального дохода по мере роста населения и ухудшения условий торговли.

Just as significantly, the United States lost the political will to support the rapid catching-up of the developing countries.

Не менее важно, что Соединенные Штаты утратили политическую волю, необходимую для поддержки быстрого догоняющего развития развивающихся стран.

The call for a NIEO was taken as an affront, an appeal to naïve socialism and redistribution, a violation of the principles of market competition. The fact that many of these same countries were involved in OPEC, the ascendant oil cartel, added to the sting of NIEO. The United States made clear that it had had enough. When developing countries fell into financial crisis in the early 1980s (following sky-high U.S.

interest rates), the United States took a mostly hard-line position: repay the debts or suffer the consequences.

Призыв к созданию НМЭП был воспринят как оскорбление, призыв к наивному социализму и перераспределению, как нарушение принципов рыночной конкуренции. Тот факт, что многие из этих стран были членами ОПЕК, набиравшего силу нефтяного картеля, усугублял остроту НМЭП. Соединенные Штаты ясно дали понять, что с них хватит. Когда в начале 1980-х годов развивающиеся страны столкнулись с финансовым кризисом (вследствие заоблачных процентных ставок в США), Соединенные Штаты заняли преимущественно жесткую позицию: либо вернуть долги, либо страдать от последствий.

The U.S. will to lead globally had its final moment of glory in the postcommunist revolutions of 1989–1991. After all, the emergence of postcommunist governments in Eastern Europe was the triumph, or so it seemed, of decades of America's Cold War efforts. While America's generosity to the newly democratic nations of Eastern Europe can easily be exaggerated, the fact remains that the United States saw that investing in Eastern Europe's transformation, democratization, and renewed growth would enhance U.S. exports, geopolitical leadership, and returns on overseas investments.

Стремление США к глобальному лидерству достигло своего последнего момента славы в посткоммунистических революциях 1989–1991 годов. В конце концов, появление посткоммунистических правительств в Восточной Европе стало триумфом, или, по крайней мере, так казалось, десятилетий усилий Америки времён холодной войны. Хотя щедрость Америки к новым демократическим странам Восточной Европы легко преувеличить, факт остаётся фактом: Соединённые Штаты видели, что инвестиции в трансформацию, демократизацию и возобновление роста Восточной Европы укрепят американский экспорт, геополитическое лидерство и доходность зарубежных инвестиций.

I have already recounted the stark difference between America's financial approach toward Poland in 1989 and Russia in 1991. The first showed U.S. financial leadership, the other the abnegation of leadership. Yes, the United States still wanted to lead after 1991, but through military dominance over its former adversary rather than through cooperative economic strategies. Official development assistance generally plummeted in the 1990s. Clinton wanted a post–Cold War peace dividend without having to reinvest any of it abroad to build a new world order. With no geopolitical competition from the Soviet Union for the hearts and minds of the world's poor, the United States no longer had to use development assistance as an inducement for countries to join the U.S. sphere of influence.

Я уже рассказывал о разительной разнице между финансовым подходом Америки к Польше в 1989 году и к России в 1991 году. Первый продемонстрировал финансовое лидерство США, второй — отказ от лидерства. Да, Соединённые Штаты всё ещё хотели лидировать после 1991 года, но посредством военного превосходства над своим бывшим противником, а не посредством стратегий сотрудничества в области экономики. Официальная помощь развитию в целом резко сократилась в 1990-х годах. Клинтон хотел получить дивиденды от мира после окончания холодной войны, не реинвестируя их за рубежом для построения нового мирового порядка. Поскольку Советский Союз больше не вёл геополитическую конкуренцию за сердца и умы беднейших слоёв населения мира, Соединённым Штатам больше не нужно было использовать помощь в целях развития как стимул для стран, присоединяющихся к сфере влияния США.

I therefore see several reasons for America's shrinking interest in global economic, financial, and diplomatic leadership. One was petulance. The United States was annoyed by demands for global economic reform coming from the developing countries; they would take the global system on America's terms, or else. Another was the end of the Cold War. The United States had won; the Soviet Union had lost. The United States no longer needed to lure developing countries to its side and away from the Soviet Union. A third was arrogance. Why lead with inducements (carrots) when military power (sticks) will do just fine? The United States turned from "soft" power to "hard" power after 1991, especially since the Soviet Union was no longer present as a military counterweight (or so the United States thought, until Russia's intervention in Syria in 2015).

Поэтому я вижу несколько причин снижения интереса Америки к мировому экономическому, финансовому и дипломатическому лидерству. Одна из них — капризность. Соединенные Штаты были раздражены требованиями глобальных экономических реформ, исходящими от развивающихся стран; они бы приняли глобальную систему на американских условиях, иначе бы им пришлось сдаться. Другая — окончание холодной войны. Соединенные Штаты победили; Советский Союз проиграл. Соединенным Штатам больше не нужно было переманивать развивающиеся страны на свою сторону и отвлекать их от Советского Союза. Третья — высокомерие. Зачем лидировать с помощью стимулов (пряников), когда военная сила (кнут) вполне сгодится? Соединенные Штаты перешли от «мягкой» силы к «жесткой» силе после 1991 года, особенно с учетом того, что Советский Союз больше не присутствовал в качестве военного противовеса (или так думали Соединенные Штаты до вмешательства России в Сирию в 2015 году).

Perhaps most fundamental of all, and underpinning some of the factors just named, was America's relative decline in economic strength. The U.S. economy did not fail; much of the world caught up, or at least narrowed the gap. Europe and Japan rebuilt after the war. Developing countries invested in education and job skills. China experienced the most rapid, sustained economic growth of any large region in the world after market reforms began in 1978. The result was that America's share of world output fell from its peak of around 30 percent in 1950 to 20 percent by 1990 and just 15 percent today. As the U.S. share declined, America's readiness to supply global public goods fell even faster. And because the American political system after 1980 failed to redistribute wealth and income from the top to the bottom, a significant part of the U.S. population experienced an absolute decline in inflation-adjusted income, despite the overall growth of the U.S. economy.

Возможно, самым фундаментальным из всех, и лежащим в основе некоторых из только что названных факторов, было относительное снижение экономической мощи Америки. Экономика США не рухнула; Большая часть мира догнала или, по крайней мере, сократила разрыв. Европа и Япония восстановились после войны. Развивающиеся страны инвестировали в образование и развитие профессиональных навыков. Китай пережил самый быстрый и устойчивый экономический рост среди всех крупных регионов мира после начала рыночных реформ в 1978 году. В результате доля Америки в мировом производстве упала с пикового значения около 30 процентов в 1950 году до 20 процентов к 1990 году и всего лишь до 15 процентов сегодня. По мере снижения доли США готовность Америки предоставлять глобальные общественные блага падала ещё быстрее. А поскольку американская политическая система после 1980 года не смогла перераспределить богатство и доходы сверху вниз, значительная часть населения США столкнулась с абсолютным падением доходов с поправкой на инфляцию, несмотря на общий рост экономики США.

Yet here is where America has badly misjudged its own situation and the world's. While it is understandable that the United States would no longer bankroll global development as it did in the 1940s–1950s, the need for global public goods has not abated just because U.S. economic dominance has diminished. The global needs remain, for example, to fight global poverty and battle human-induced climate change. Rather than turning its back on such global challenges, the United States should be calling on other nations to join with it in meeting the challenges together. Instead, the United States has abdicated its responsibilities by slashing aid, relying excessively on hard power, and renouncing the instruments of global diplomacy.

Однако именно здесь Америка глубоко недооценила свою собственную ситуацию и ситуацию в мире. Хотя вполне понятно, что Соединенные Штаты больше не будут финансировать глобальное развитие, как это было в 1940–1950-х годах, потребность в глобальных общественных благах не уменьшилась только потому, что экономическое доминирование США сократилось. Глобальные потребности сохраняются, например, в борьбе с глобальной бедностью и антропогенным изменением климата. Вместо того, чтобы отворачиваться от этих глобальных проблем, Соединенным Штатам следует призвать другие страны присоединиться к ним для совместного решения этих проблем. Вместо этого Соединенные Штаты отказались от своих обязательств,

сократив помощь, чрезмерно полагаясь на жесткую силу и отказавшись от инструментов глобальной дипломатии.

Not only has the United States turned its back on development assistance; it has turned its back on global diplomacy as well. The United Nations was America's creation, the remarkable vision of Franklin D. Roosevelt as the best hope to keep the peace after World War II. So too was the web of new international institutions within and alongside the United Nations. U.S. diplomats seemed to be everywhere for the first quarter-century after the war, helping to launch development programs, instill environmentalism, and share the fruits of science. But then, for the same reasons that the United States cut back on global development financing, it began to cut back on global diplomacy as well. The bipartisan foreign policy of the Roosevelt-Truman-Eisenhower era increasingly gave way to dissension. Hard-liners decided that U.S. military dominance, rather than diplomatic persuasion and development financing, was the real key to securing America's interests.

Соединенные Штаты не только отказались от помощи в целях развития, но и от глобальной дипломатии. Организация Объединенных Наций была детищем Америки, воплощением замечательного видения Франклина Д. Рузвельта как лучшей надежды на сохранение мира после Второй мировой войны. То же самое можно сказать и о сети новых международных институтов внутри Организации Объединенных Наций и рядом с ней. В течение первой четверти века после войны американские дипломаты, казалось, были повсюду, помогая запускать программы развития, внедрять идеи защиты окружающей среды и делиться плодами науки. Но затем, по тем же причинам, по которым Соединенные Штаты сократили финансирование глобального развития, они начали сокращать и глобальную дипломатию. Двухпартийная внешняя политика эпохи Рузвельта-Трумэна-Эйзенхауэра все больше уступала место разногласиям. Сторонники жесткой линии решили, что реальным ключом к обеспечению интересов Америки является военное доминирование США, а не дипломатическое убеждение и финансирование развития.

From the late 1970s onward, international treaties became increasingly suspect to the American right wing. Since 1994, the U.S. Senate has not ratified a single UN treaty, the last being the Chemical Weapons Convention in 1993. Ratification requires a two-thirds majority, implying bipartisan support, and generally the Republican Party has stood nearly united against ratification. Here are some of the important UN treaties pending Senate ratification, with few if any prospects for adoption:

С конца 1970-х годов международные договоры стали вызывать все большее подозрение у американских правых. С 1994 года Сенат США не ратифицировал ни одного договора ООН, последним из которых была Конвенция о запрещении химического оружия в 1993 году. Для ратификации требуется большинство в две трети голосов, что подразумевает двухпартийную поддержку, и в целом Республиканская партия практически единодушно выступала против ратификации. Вот некоторые важные договоры ООН, ожидающие ратификации Сенатом и имеющие мало шансов на принятие, если таковые вообще имеются:

1979 Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women, signed but not ratified

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, подписана, но не ратифицирована

1989 Convention on the Rights of the Child, signed but not ratified

Конвенция о правах ребенка 1989 года, подписана, но не ратифицирована

1989 Basel Convention on Transboundary Hazardous Wastes, signed but not ratified

Базельская конвенция о трансграничном перемещении опасных отходов 1989 года, подписана, но не ратифицирована

1991 United Nations Convention on the Law of the Sea, not signed

Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1991 года, не подписана

1992 Convention on Biological Diversity, signed but not ratified

Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года, подписана, но не ратифицирована

1996 Comprehensive Test Ban Treaty, signed but not ratified

Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия 1996 года, подписан, но не ратифицирован

1997 Kyoto Protocol, signed with no intention to ratify

Киотский протокол 1997 года, подписан без намерения ратифицировать

1997 Ottawa Treaty (Mine Ban Treaty), not signed

Оттавский договор 1997 года (Договор о запрещении мин), не подписан

1998 Rome Statute of the International Criminal Court, not signed

Римский статут Международного уголовного суда 1998 года, не подписан

1999 Criminal Law Convention on Corruption, signed but not ratified

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года, подписана, но не ратифицирована

1999 Civil Law Convention on Corruption, not signed

Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 года, не подписана

2002 Optional Protocol to the Convention Against Torture, not signed

Факультативный протокол к Конвенции против пыток 2002 года, не подписан

2006 International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance, not signed

Международная конвенция о защите Все лица, пострадавшие от насильственных исчезновений, не подписаны

2007 Convention on the Rights of Persons with Disabilities, signed but not ratified

Конвенция о правах инвалидов 2007 года, подписана, но не ратифицирована

2015 Paris Climate Agreement, signed but declared intention to withdraw in 2020

Парижское соглашение по климату 2015 года, подписано, но заявлено о намерении выйти из него в 2020 году

In many of these cases, the United States stands alone or almost alone against the rest of the world. Only four countries have failed to ratify the convention on elimination of discrimination against women (CEDAW)—the United States plus Somalia, Sudan, and Iran. Only the United States is not a party to the Convention on the Rights of the Child. Only the United States is not a party to the Convention on Biological Diversity. Almost all countries have ratified the Convention on the Rights of Persons with Disabilities; the United States stands with Uzbekistan, Libya, Chad, Belarus, and a few others in not ratifying that treaty.

Во многих из этих случаев Соединенные Штаты остаются в одиночестве или почти в одиночестве против остального мира. Только четыре страны не ратифицировали Конвенцию о ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW) — Соединенные Штаты, Сомали, Судан и Иран. Только Соединенные Штаты не являются участником Конвенции о правах ребенка. Только Соединенные Штаты не являются участником Конвенции о биологическом разнообразии. Почти все страны ратифицировали Конвенцию о правах инвалидов; Соединенные Штаты поддерживают Узбекистан, Ливию, Чад, Беларусь и несколько других стран, не ратифицировавших этот договор.

During the last quarter-century, the Republican Party has completely turned its back on global environmentalism, largely because the coal, oil, and gas lobbies came to dominate the party. In 1992, Republican president George H. W. Bush signed three major multilateral environmental agreements (MEAs) at the Rio Earth Summit: the Convention on Biological Diversity, the UN Framework Convention on Climate Change, and the UN Convention to Combat Desertification. Yet that proved to be the last gasp of Republican Party environmentalism. Since then, the U.S. Senate has turned its back on the treaties and on related global environmental measures.

За последнюю четверть века Республиканская партия полностью отвернулась от глобального экологического движения, в основном из-за того, что лоббисты, представляющие угольную, нефтяную и газовую отрасли, стали доминировать в партии. В 1992 году президент-республиканец Джордж Буш-старший подписал три важных многосторонних соглашения по охране окружающей среды (МСОС) на Саммите Земли в Рио-де-Жанейро: Конвенцию о биологическом разнообразии, Рамочную конвенцию ООН об изменении климата и Конвенцию ООН по борьбе с опустыниванием. Однако это оказалось последним вздохом энвайронментализма Республиканской партии. С тех пор Сенат США отвернулся от этих договоров и связанных с ними глобальных мер по охране окружающей среды.

Regarding the UN Convention on Biological Diversity (CBD), the Senate simply refused ratification after Bush signed the treaty. Several western-state Republican senators argued that protecting biodiversity under the treaty would undermine private property rights. In the end, private land rights took precedence over the survival of biodiversity. Regarding the UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), the Senate ratified the treaty but then refused to implement it, and likewise refused to consider the 1997 Kyoto Protocol that would have put the treaty into operation. The 2015 Paris Climate Agreement has now superseded the Kyoto Protocol. The agreement was designed by the Obama administration and other negotiating partners to circumvent the need for Senate ratification. Instead, the Republican Senate leadership successfully convinced President Trump to announce plans to withdraw from the agreement in 2020, the earliest possible date under the terms of the agreement.

Что касается Конвенции ООН о биологическом разнообразии (КБР), Сенат просто отказался ратифицировать её после того, как Буш подписал договор. Несколько сенаторов-республиканцев из западных штатов утверждали, что защита биоразнообразия в рамках договора подрывёт права частной собственности. В конечном итоге, права частной собственности на землю оказались важнее сохранения биоразнообразия. Что касается Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), Сенат ратифицировал договор, но затем отказался его применять, а также отказался рассматривать Киотский протокол 1997 года, который должен был ввести его в действие. Парижское соглашение по климату 2015 года теперь заменило Киотский протокол. Соглашение было разработано администрацией Обамы и другими партнёрами по переговорам, чтобы обойти необходимость ратификации Сенатом. Вместо этого республиканскому руководству Сената удалось убедить президента Трампа объявить о планах выхода из соглашения в 2020 году – ближайшей возможной дате, предусмотренной условиями соглашения.

Regarding the UN Convention to Combat Desertification (UNCCD), the Senate ratified the treaty but did absolutely nothing to support it. The aim of the UNCCD is to support dryland countries to confront and overcome the scourges of drought and land degradation. Dryland regions such as the African Sahel, the Horn of Africa, the Arabian Gulf, and Western and Central Asia, are exceedingly vulnerable to global warming and the overuse of surface water and groundwater. The dryland regions have become conflict

hotspots in part because of food and water insecurity. Yet the United States has not utilized the UNCCD as an instrument of response, turning to military approaches instead.

Что касается Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием (КБО ООН), Сенат ратифицировал договор, но не сделал абсолютно ничего для его поддержки. Цель КБО ООН – оказать поддержку странам с засушливыми землями в борьбе с засухой и деградацией земель и их преодолении. Засушливые регионы, такие как африканский Сахель, Африканский Рог, Персидский залив, а также Западная и Центральная Азия, чрезвычайно уязвимы к глобальному потеплению и чрезмерному использованию поверхностных и грунтовых вод. Засушливые регионы стали очагами конфликтов отчасти из-за отсутствия продовольственной и водной безопасности. Тем не менее, Соединенные Штаты не использовали КБО ООН в качестве инструмента реагирования, перейдя к военным мерам.

With Trump's presidency, the United States is completing the move from postwar leader to twenty-first-century rogue state. Trump is not just cutting aid and rejecting global treaties. He is undermining UN diplomacy itself. Trump and UN ambassador Nikki Haley have taken delight in thumbing their noses at UN diplomats, with Haley declaring repeatedly that “we are taking down names” of countries that oppose the United States, and threatening to cut aid to countries that cross the United States diplomatically.

С приходом Трампа к власти Соединенные Штаты завершают переход от послевоенного лидера к государству-изгою XXI века. Трамп не просто сокращает помощь и отвергает глобальные договоры. Он подрывает саму дипломатию ООН. Трамп и посол США в ООН Никки Хейли с удовольствием пренебрежительно относятся к дипломатам ООН. Хейли неоднократно заявляла, что «мы убираем из списка» страны, выступающие против США, и угрожала сократить помощь странам, которые дипломатически пересекают границы США.

Trump and Haley have already made good on their threat to cut funding to the UN itself; on Christmas Eve 2017, America's gift to the world was a \$285 million cut in the United Nations' regular budget. Technically, the UN regular budget reflects a consensus decision of the body's 193 member states, but the United States was clearly the prime mover in pushing for the cut. Indeed, Nikki Haley, the U.S. ambassador to the UN, accompanied the Christmas Eve announcement with a warning that the United States would be on the lookout for further reductions.

Трамп и Хейли уже выполнили свою угрозу сократить финансирование самой ООН; в канун Рождества 2017 года Америка сделала миру подарок в виде сокращения регулярного бюджета ООН на 285 миллионов долларов. Формально регулярный бюджет ООН отражает консенсусное решение 193 государств-членов организации, но Соединённые Штаты, очевидно, были главным инициатором сокращения. Более того, посол США в ООН Никки Хейли сопроводила рождественское заявление предупреждением о том, что Соединённые Штаты будут ожидать дальнейших сокращений.

The budget cuts will make it that much harder for UN agencies to prevent wars, help millions of people displaced by conflicts, feed and clothe hungry children, fight emerging diseases, provide safe water and sanitation, and promote access to education and health care for the poor.

Сокращение бюджета значительно усложнит для агентств ООН задачу предотвращения войн, помощи миллионам людей, перемещенных в результате конфликтов, обеспечения продовольствием и одеждой голодающих детей, борьбы с новыми заболеваниями, обеспечения чистой водой и санитарией, а также содействия доступу к образованию и здравоохранению для бедных.

President Trump and Ambassador Haley make much of the bloated costs of UN operations, and there certainly is room for some trimming. But the world receives an astounding return on its investments in the UN, and member countries should be investing far more, not less, in the organization and its programs.

Президент Трамп и посол Хейли в значительной степени ответственны за раздутые расходы на операции ООН, и, безусловно, есть возможности для их сокращения. Но мир получает поразительную отдачу от своих инвестиций в ООН, и государства-члены должны вкладывать гораздо больше, а не меньше, в организацию и ее программы.

Consider the sums. The UN regular budget for the twoyear period 2018–2019 will stand at around \$5.3 billion, \$285 million less than the 2016–2017 budget. Annual spending will be around \$2.7 billion. The U.S. share will be 22 percent, or around \$580 million per year, equivalent to around \$1.80 per American per year.

Задумайтесь над суммами. Регулярный бюджет ООН на двухлетний период 2018–2019 годов составит около 5,3 млрд долларов, что на 285 млн долларов меньше бюджета 2016–2017 годов. Годовые расходы составят около 2,7 млрд долларов. Доля США составит 22%, или около 580 млн долларов в год, что эквивалентно примерно 1,80 доллара на одного американца в год.

What will Americans get for their \$1.80 per year? For starters, the UN regular budget includes the operations of the General Assembly, the Security Council, and the Secretariat (including the secretary-general's office, the Department of Economic and Social Affairs, the Department of Political Affairs, and administrative staff). When a dire threat to peace arises, such as the current standoff between the United States and North Korea, it is the UN's Department of Political Affairs that often facilitates vital, behind-the-scenes diplomacy.

Что получают американцы за свои 1,80 доллара в год? Во-первых, регулярный бюджет ООН включает в себя расходы на деятельность Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Секретариата (включая аппарат Генерального секретаря, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Департамент по политическим вопросам и административный персонал). Когда возникает серьёзная угроза миру, например, нынешнее противостояние между Соединёнными Штатами и Северной Кореей, именно Департамент по политическим вопросам ООН часто содействует жизненно важной закулисной дипломатии.

In addition, the UN regular budget includes allocations for the UN Children's Fund (UNICEF), the UN Development Program, the World Health Organization, the UN High Commissioner for Refugees, the UN High Commissioner for Human Rights, the UN's regional bodies (for Asia, Africa, Europe, Latin America), the UN Environment Program, the Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (for disaster response), the World Meteorological Organization, the UN Office on Drugs and Crime, UN Women (for women's rights), and many other agencies, each specializing in global responses to crises, conflicts, poverty, displacement, environmental hazards, diseases, or other public needs.

Кроме того, регулярный бюджет ООН включает ассигнования для Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), Программы развития ООН, Всемирной организации здравоохранения, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, региональных органов ООН (для Азии, Африки, Европы и Латинской Америки), Программы ООН по окружающей среде, Управления по координации гуманитарных вопросов (для реагирования на стихийные бедствия), Всемирной метеорологической организации, Управления ООН по наркотикам и преступности, Структуры «ООН-женщины» (для защиты прав женщин) и многих других учреждений, каждое из которых специализируется на глобальном реагировании на кризисы, конфликты, нищету, перемещение населения, экологические бедствия, болезни или другие общественные нужды.

Many UN organizations receive additional "voluntary" contributions from individual countries interested in supporting specialized initiatives by agencies such as UNICEF and the World Health Organization. Those agencies have a unique global mandate and political legitimacy, and the capacity to operate in all parts of the world.

Многие организации ООН получают дополнительные «добровольные» взносы от отдельных стран, заинтересованных в поддержке специализированных инициатив таких учреждений, как ЮНИСЕФ и

Всемирная организация здравоохранения. Эти учреждения обладают уникальным глобальным мандатом и политической легитимностью, а также возможностями действовать во всех частях мира.

The silliness of the U.S. attack on the size of the UN budget is best seen by, once again, comparing it to the Pentagon's budget. The United States currently spends around \$700 billion per year on defense, or roughly \$2 billion per day. Thus, the total annual UN regular budget amounts to around one day and nine hours of U.S. military spending. The U.S. share of the UN regular budget equals roughly seven hours of Pentagon spending. Some waste.

Глупость нападков США на размер бюджета ООН лучше всего осознать, сравнив его с бюджетом Пентагона. В настоящее время Соединенные Штаты тратят на оборону около 700 миллиардов долларов в год, или примерно 2 миллиарда долларов в день. Таким образом, общий годовой регулярный бюджет ООН составляет примерно один день и девять часов военных расходов США. Доля США в регулярном бюджете ООН равна примерно семи часам расходов Пентагона. Какое-то расточительство.

Trump and Haley are squeezing the UN budget for three reasons. The first is to play to Trump's political base. Most Americans recognize the enormous value of the UN and support it, but the right-wing fringe among Republican voters views the UN as an affront to the United States. A 2016 survey put U.S. public approval of the UN at 64 percent, with just 29 percent viewing it unfavorably.¹ Yet the Texas Republican Party, for example, has repeatedly called on the United States to leave the UN.

Трам и Хейли урезают бюджет ООН по трём причинам. Первая — играть на политической базе Трампа. Большинство американцев признают огромную ценность ООН и поддерживают её, но праворадикальная часть республиканских избирателей считает ООН оскорблением для Соединённых Штатов. Опрос 2016 года показал, что 64% населения США одобряют деятельность ООН, и лишь 29% относятся к ней отрицательно.¹ Тем не менее, например, Республиканская партия Техаса неоднократно призывала Соединенные Штаты выйти из ООН.

The second reason is to save on wasteful programs, which is necessary in any ongoing organization. The mistake is to slash the overall budget, rather than reallocate funds and increase outlays on vitally needed programs that fight hunger and disease, educate children, and prevent conflicts.

Вторая причина — экономия на бесполезных программах, что необходимо в любой организации, действующей в настоящее время. Ошибка заключается в сокращении общего бюджета вместо перераспределения средств и увеличения расходов на жизненно необходимые программы, направленные на борьбу с голодом и болезнями, образование детей и предотвращение конфликтов.

The third, and most dangerous, reason for cutting the UN's budget is to weaken multilateralism in the name of American "sovereignty." The United States is sovereign, Trump and Haley insist, and therefore can do what it wants, regardless of opposition by the UN or any other group of countries.

Третья, и самая опасная, причина сокращения бюджета ООН — ослабление принципа многосторонности во имя американского «суверенитета». Трамп и Хейли настаивают, что Соединенные Штаты суверенны, и поэтому могут делать все, что хотят, независимо от противодействия со стороны ООН или любой другой группы стран.

This attitude was on display in Haley's speech to the UN General Assembly session on Jerusalem. The UN Security Council had voted fourteen to one against the United States to oppose Trump's moving the U.S. embassy to Jerusalem; countries friendly to the United States and Israel warned vigorously that Trump's move not only violated international law but would threaten the peace process. The UN General Assembly also took up the issue, voting 128 to nine against the United States, with thirty-five abstentions, despite harsh U.S. warnings of aid cutoffs. Haley told the rest of the world:

America will put our embassy in Jerusalem. That is what the American people want us to do, and it is the right thing to do. No vote in the United Nations will make any difference on that. But this vote will make a difference on how Americans look at the UN and on how we look at countries who disrespect us in the UN. And this vote will be remembered.²

Эта позиция была продемонстрирована в выступлении Хейли на сессии Генеральной Ассамблеи ООН по Иерусалиму. Совет Безопасности ООН проголосовал четырнадцатью голосами против одного против того, чтобы Соединенные Штаты выступили против переноса посольства США в Иерусалим; страны, дружественные США и Израилю, решительно предупреждали, что действия Трампа не только нарушают международное право, но и ставят под угрозу мирный процесс. Генеральная Ассамблея ООН также рассмотрела этот вопрос, проголосовав 128 голосами против 9 при 35 воздержавшихся, несмотря на жёсткие предупреждения США о прекращении помощи. Хейли заявила остальному миру:

Америка разместит наше посольство в Иерусалиме. Именно этого хочет от нас американский народ, и это правильно. Никакое голосование в Организации Объединённых Наций ничего не изменит. Но это голосование определит, как американцы относятся к ООН и как мы относимся к странам, которые не уважают нас в ООН. И это голосование запомнится.²

This approach to sovereignty is exceedingly risky. Most obviously, it repudiates international law. In the case of Jerusalem, resolutions adopted by the General Assembly and the Security Council have repeatedly declared the final status of Jerusalem to be a matter of international law. By brazenly proclaiming the right to override international law, the United States threatens the edifice of international cooperation under the UN Charter.

Такой подход к суверенитету чрезвычайно рискован. Совершенно очевидно, что он противоречит международному праву. В случае с Иерусалимом резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности, неоднократно объявляли окончательный статус Иерусалима вопросом международного права. Нагло провозглашая право пренебрегать нормами международного права, Соединённые Штаты ставят под угрозу саму основу международного сотрудничества, основанного на Уставе ООН.

Yet another grave danger is to the United States itself. When America stops listening to other countries, its vast military power and arrogance often lead to self-inflicted disasters. America Firsters like Trump and Haley bristle when other countries oppose U.S. foreign policy; but these other countries are usually giving the United States their good and frank advice that the United States would be very wise to heed. The Security Council's opposition to the U.S.-led war in Iraq in 2003, for example, wasn't intended to weaken America, but to protect the United States, Iraq, and indeed the world, from America's rage and shocking blindness to the facts.

Ещё одна серьёзная опасность исходит от самих Соединённых Штатов. Когда Америка перестаёт прислушиваться к другим странам, её огромная военная мощь и высокомерие часто приводят к катастрофам, которые она сама себе наносит. Сторонники идеи «Америка прежде всего», такие как Трамп и Хейли, возмущаются, когда другие страны выступают против внешней политики США; но эти другие страны обычно дают Соединённым Штатам дельные и откровенные советы, к которым Соединённым Штатам было бы очень мудро прислушаться. Например, противодействие Совета Безопасности войне в Ираке под руководством США в 2003 году было направлено не на ослабление Америки, а на защиту Соединённых Штатов, Ирака и, по сути, всего мира от ярости Америки и её шокирующего пренебрежения фактами.

How the rest of the world might react to such posturing by the United States is clear from the Turkish foreign minister's succinct rejoinder to Haley: "Dignity and sovereignty are not for sale."³ The United States can continue to be a bully and to go its own way, but the world will not give in.

То, как остальной мир может отреагировать на такую позицию Соединённых Штатов, ясно из краткого ответа министра иностранных дел Турции Хейли: «Достоинство и суверенитет не

продаются». Соединенные Штаты могут продолжать хулиганить и идти своим путем, но мир не сдастся.

16 THE ETHICS AND PRACTICALITIES OF FOREIGN AID

Этика и практические аспекты международной помощи

As a lifelong advocate for development aid for the world's poor, I am angered by the repeated attempts by the Trump administration to slash U.S. foreign aid. So far, the largest of the proposed cuts have been resisted by the Senate, including Republican Senators who know better. They know how many children would die or grow up without access to education if President Trump's proposals were to be adopted. Moreover, the financial savings for the United States would be trivial, but the costs to millions of impoverished people would be enormous. The total aid budget is around \$31 billion, roughly two weeks of Pentagon spending.

Будучи убежденным сторонником помощи в целях развития беднейших слоев населения мира, я возмущен неоднократными попытками администрации Трампа сократить американскую помощь иностранным государствам. До сих пор самое значительное из предложенных сокращений встречало сопротивление со стороны Сената, включая сенаторов-республиканцев, которые лучше разбираются в этом вопросе. Они знают, сколько детей умрут или вырастут без доступа к образованию, если предложения президента Трампа будут приняты. Более того, финансовая экономия для Соединенных Штатов будет незначительной, но потери для миллионов обездоленных людей будут колоссальными. Общий бюджет помощи составляет около 31 миллиарда долларов, что примерно соответствует расходам Пентагона за две недели.

Even worse, the cuts in aid are explicitly designed to help shift funding toward an increase in military spending, one that is utterly unnecessary and that in any event should not be funded on the backs of the world's poorest people. Instead of cutting development aid to fund an increase in military spending, we should be ending wars and spending on new weapons systems precisely to increase aid for health, education, renewable energy, and infrastructure, as well as urgently needed spending at home.

Хуже того, сокращение помощи явно направлено на то, чтобы перенаправить финансирование в сторону увеличения военных расходов, которые совершенно не нужны и которые в любом случае не должны финансироваться за счет беднейших слоев населения мира. Вместо того, чтобы сокращать помощь развитию ради финансирования растущих военных расходов, нам следует прекратить войны и тратить средства на новые системы вооружений именно для того, чтобы увеличить финансирование здравоохранения, образования, возобновляемых источников энергии и инфраструктуры, а также для покрытия крайне необходимых внутренних расходов.

Trump's calls for cutting foreign aid will surely appeal to his base, who are told that the aid is coming out of their own pockets, whereas it is the tax cuts for the rich and the endless wars that are really fleecing the working class. Cuts in foreign aid would cause enormous harm to America's well-being, not only to our nation's moral standards, but to American national security and jobs as well.

Призывы Трампа к сокращению иностранной помощи, несомненно, найдут отклик у его электората, которому говорят, что эта помощь идёт из их собственных карманов, в то время как на самом деле именно снижение налогов для богатых и бесконечные войны обирают рабочий класс. Сокращение иностранной помощи нанесёт огромный ущерб благополучию Америки, не только моральным нормам нашей страны, но и национальной безопасности и рабочим местам.

My own support for foreign assistance is based on morality. "Justice, justice shall you pursue," we are told in the book of Deuteronomy. Those who fail to help the poor cast themselves outside of the moral community. "For I was hungry and you gave me nothing to eat, I was thirsty and you gave me nothing to drink, I was a stranger and you did not invite me in, I needed clothes and you did not clothe me, I was sick and in prison and you did not look after me," warns Jesus in the Gospel of Matthew.

Моя собственная поддержка иностранной помощи основана на морали. «Справедливости, справедливости ищите», — сказано в книге Второзаконие. Те, кто не помогает бедным, сами себя исключают из морального сообщества. «Ибо голодал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал Я, и вы не напоили Меня; был странником, и вы не приняли Меня; нуждался в одежде, и вы не одели Меня; был болен и в темнице, и вы не позаботились обо Мне», — предупреждает Иисус в Евангелии от Матфея.

Charity (zakat) is a bedrock of Islam. Compassion is the very core of Buddhism. Indeed, for all systems of morals, both religious and secular, treating others as we would be treated is the very essences of morality. If my own children were hungry, without medicine, or without schooling, I would desperately want them to be helped. Our responsibility is equally clear. Moreover, I believe, along with the teachings of the ancient prophets, that a nation built on iniquity cannot long survive. It will come apart at the seams, as America may be doing today.

Благотворительность (закят) — краеугольный камень ислама. Сострадание — основа буддизма. Действительно, для всех систем морали, как религиозных, так и светских, относиться к другим так, как хотели бы, чтобы относились к нам, — это сама суть морали. Если бы мои собственные дети голодали, не имели лекарств или не имели образования, я бы отчаянно хотел, чтобы им помогли. Наша ответственность столь же очевидна. Более того, я верю, как и учения древних пророков, что нация, построенная на несправедливости, не сможет долго существовать. Она рассыплется по швам, как, возможно, рассыпается Америка сегодня.

I also know, as a development practitioner now for thirty-two years, that foreign aid works—when we put in the honest effort and thinking to make it work. I am not talking about the kind of U.S. aid that is handed over to warlords, as in Iraq and Afghanistan. I'd cut out that aid in a moment. I'm not talking about aid that is handed out by the U.S. military. I do not believe in the Pentagon's and the CIA's campaigns for "hearts and minds," designed by people whose real training lies not in providing public health, but in killing. And I'm not talking about the aid delivered largely by American expatriates in somebody else's country. Almost all local service delivery should be carried out by locals except in exceptional circumstances (e.g., in the immediate aftermath of natural disasters when all hands are needed).

Я также знаю, как практикующий специалист в области развития вот уже тридцать два года, что иностранная помощь работает — когда мы прилагаем искренние усилия и мысли, чтобы она работала. Я не говорю о той помощи, которую США передают полевым командирам, как в Ираке и Афганистане. Я бы немедленно прекратил такую помощь. Я не говорю о помощи, которую раздают американские военные. Я не верю в кампании Пентагона и ЦРУ по завоеванию «сердец и умов», которые ведут люди, чья настоящая подготовка заключается не в обеспечении общественного здравоохранения, а в убийствах. И я не говорю о помощи, которую в основном оказывают американские экспатрианты в чужой стране. Практически все местные службы должны предоставляться местными жителями, за исключением исключительных обстоятельств (например, сразу после стихийных бедствий, когда требуется помощь всех).

Aid works when its main purpose is to finance supplies such as medicines and solar panels and the staffing is by local workers in public health, agronomy, hydrology, ecology, energy, and transport. U.S. government aid should be pooled with funds from other governments to support critical investments in health, education, agriculture, and infrastructure, based on professional best practices. That's how the Global Fund to Fight AIDS, Tuberculosis, and Malaria works, as one important example. It's a model of success, having saved 22 million lives from the three diseases, according to its Results Report 2017.

Помощь эффективна, когда её главной целью является финансирование таких поставок, как лекарства и солнечные панели, а персонал состоит из местных специалистов в области общественного здравоохранения, агрономии, гидрологии, экологии, энергетики и транспорта. Помощь правительства США должна быть объединена с финансированием других правительств для поддержки критически важных инвестиций в здравоохранение, образование, сельское хозяйство и инфраструктуру, основанных на передовом профессиональном опыте. Именно так работает Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулёзом и малярией, и это один из

важных примеров. Это модель успеха, спасшая 22 миллиона жизней от этих трёх заболеваний, согласно его Отчёту о результатах за 2017 год.

This kind of aid is not “the white man’s burden,” as has been alleged. The responsibility to help the poor is carried by no race for any other race. It is about the rich doing what they should for the poor. “From everyone to whom much has been given, much will be required,” says Jesus in the Gospel of Luke.

Такая помощь — это не «бремя белого человека», как утверждается. Ответственность за помощь бедным не лежит ни на одной расе. Речь идёт о том, чтобы богатые делали то, что должны делать для бедных. «И от всякого, кому дано много, много и потребуется», — говорит Иисус в Евангелии от Луки.

Nor is good aid about “the poor in the rich countries helping the rich in the poor countries,” as foes of aid have long quipped. When aid funds are directed toward the basics—safe childbirth; immunizations; control of diarrheal diseases, malaria, and HIV/AIDS; irrigation for smallholder farmers; information and communications technologies for e-governance, e-finance, e-education, and e-health; ensuring access to schooling; protecting biodiversity; and restoring degraded lands— the beneficiaries will be the poor. And as long as the United States maintains fairness in its tax system, the rich will be bearing their fair share. It is true that a politically viable aid program goes hand in hand with a fair tax system.

Хорошая помощь не заключается и в том, чтобы «бедные в богатых странах помогали богатым в бедных странах», как давно язвят противники помощи. Когда средства помощи направляются на самое необходимое — безопасные роды; иммунизацию; борьбу с диарейными заболеваниями, малярией и ВИЧ / СПИДом; орошение для мелких фермеров; информационно-коммуникационные технологии для электронного управления, электронных финансов, электронного образования и электронного здравоохранения; обеспечение доступа к образованию; защиту биоразнообразия; и восстановление деградированных земель — бенефициарами будут бедные. И до тех пор, пока Соединенные Штаты сохраняют справедливость в своей налоговой системе, богатые будут нести свою справедливую долю. Верно, что политически жизнеспособная программа помощи идет рука об руку со справедливой налоговой системой.

There is a lot of negative propaganda about foreign aid, since foreign aid is an easy target. There are very few knowledgeable people around to defend it, and the recipients it keeps alive don’t vote in U.S. elections. We certainly hear an earful: aid is wasted; aid is a huge budgetary burden; aid demeans the recipients; aid is no longer needed in the twenty-first-century. In short, we are told that aid does not work.

Существует много негативной пропаганды об иностранной помощи, поскольку иностранная помощь является легкой мишенью. Очень мало знающих людей, которые могут ее защитить, а получатели, которым она помогает, не голосуют на выборах в США. Мы, конечно, слышим много критики, упреков, обвинений: помощь тратится впустую; помощь — это огромное бюджетное бремя; Помощь унижает получателей; в XXI веке она больше не нужна. Короче говоря, нам говорят, что помощь не работает.

The simple fact is that some aid is wasted and other aid is used brilliantly. The main issue is whether the aid directly supports the work of local professionals saving lives, growing food, installing rural electricity, and teaching children, or whether the aid goes instead to foreign warlords or overpriced American companies. Our responsibility is to fund the aid that works and, when this has been demonstrated, as in public health and education, to expand the assistance as needed by the poorest of the poor.

Простой факт заключается в том, что часть помощи тратится впустую, а другая используется блестяще. Главный вопрос заключается в том, направляется ли помощь непосредственно на поддержку работы местных специалистов, спасающих жизни, выращивающих продукты питания, проводящих электричество в сельской местности и обучающих детей, или же она направляется иностранным полевым командирам или американским компаниям, чьи услуги стоят слишком дорого. Наша обязанность — финансировать помощь, которая работает, и, когда это будет

доказано, как в здравоохранении и образовании, расширять её по мере необходимости для самых бедных.

Aid is a only around 1 percent of the federal budget, and less than one-fifth of 1 percent of national income. It is twenty-five times smaller than the outlays on the military (adding together the Pentagon, intelligence agencies, nuclear weapons programs, veterans' outlays, and other military-linked spending). And as Trump himself has acknowledged, military spending has squandered many trillions of dollars in Middle East wars that have only exacerbated global threats and U.S. insecurity.

Помощь составляет всего около 1% федерального бюджета и менее одной пятой процента национального дохода. Это в двадцать пять раз меньше расходов на армию (включая расходы Пентагона, разведывательных служб, программ ядерного оружия, расходы на ветеранов и другие расходы, связанные с военными). И, как признал сам Трамп, военные расходы привели к растрате многих триллионов долларов в войнах на Ближнем Востоке, что лишь усугубило глобальные угрозы и подорвало безопасность США.

As we saw in the previous chapter, a country's aid effort is usually measured by its official development assistance (ODA) relative to its gross national income (GNI, similar to GDP). While the United States gives more aid than any other country in absolute terms, this is because the United States is by far the largest economy among the traditional donor countries in the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). Back in 1971, the UN General Assembly called upon all donor nations to spend at least 0.7 percent of their GNI on official development assistance. The United States is now below 0.2 percent, placing the U.S. aid effort among the lowest of all donor countries, a point made clear by comparing the ODA/GNI ratios for the twenty-nine OECD donor nations (figure 16.1). In 2016, the United States ranked twenty-second out of twenty-nine donors, at 0.18 percent of GNI (roughly \$33.6 billion out of \$18.6 trillion).

Как мы видели в предыдущей главе, помощь страны обычно измеряется отношением её официальной помощи в целях развития (ОПР) к её валовому национальному доходу (ВНД, аналогичному ВВП). Хотя в абсолютном выражении Соединённые Штаты предоставляют больше помощи, чем любая другая страна, это объясняется тем, что Соединённые Штаты являются крупнейшей экономикой среди традиционных стран-доноров Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Ещё в 1971 году Генеральная Ассамблея ООН призвала все страны-доноры выделять не менее 0,7% своего ВНД на официальную помощь в целях развития. Сейчас у Соединённых Штатов этот показатель ниже 0,2%, что делает объём помощи США одним из самых низких среди всех стран-доноров, что наглядно демонстрирует сравнение соотношения ОПР/ВНД для двадцати девяти стран-доноров ОЭСР (рисунок 16.1). В 2016 году США заняли двадцать второе место из двадцати девяти стран-доноров с показателем 0,18 процента ВНД (примерно 33,6 млрд долларов США из 18,6 трлн долларов США).

One phony charge is that aid is demeaning. Nothing could be further from the truth. Aid enables HIV-infected mothers to stay alive and raise their children. Demeaning? Aid enables a child in an impoverished country to escape death or permanent brain damage from malaria, a 100 percent treatable disease. Demeaning? Aid enables a poor child to go to a school fitted with computers, solar power, and wireless connectivity. Demeaning?

Одно из ложных обвинений заключается в том, что помощь унижительна. Ничто не может быть дальше от истины. Помощь позволяет ВИЧ-инфицированным матерям выжить и вырастить своих детей. Унинительно? Помощь позволяет ребёнку в бедной стране избежать смерти или необратимого поражения мозга от малярии, которая на 100% излечима. Унинительно? Помощь позволяет ребёнку из бедной страны ходить в школу, оснащённую компьютерами, солнечными батареями и беспроводным подключением. Унинительно?

Aid is definitely needed still, albeit by a smaller and smaller share of the world. In the 1940s, aid was vital for Europe; hence the Marshall Plan. By the 1950s, Europe had "graduated" from aid; the focus was on Latin America and parts of Asia. Most of those countries too have long since graduated. Aid today should

focus on the countries that are still poor—roughly the one billion or so people in the low-income countries and the poorest of the middle-income countries. With open world markets, improved technologies, and a boost from adequate aid flows for health, education, agriculture, and infrastructure, these remaining countries too could graduate from aid by around 2030.

Помощь, безусловно, всё ещё нужна, хотя и всё меньшей и меньшей части мира. В 1940-х годах помощь была жизненно важна для Европы; отсюда и План Маршалла. К 1950-м годам Европа «вышла» из зоны помощи; основное внимание уделялось Латинской Америке и некоторым регионам Азии. Большинство этих стран тоже давно вышли из этой зависимости. Сегодня помощь должна быть сосредоточена на странах, которые всё ещё бедны — примерно на миллиарде человек в странах с низким уровнем дохода и беднейших странах со средним уровнем дохода. Благодаря открытым мировым рынкам, совершенствованию технологий и увеличению объемов помощи, направляемой на здравоохранение, образование, сельское хозяйство и инфраструктуру, эти оставшиеся страны также могут выйти из зависимости от помощи примерно к 2030 году.

FIGURE 16.1

Net official development aid (ODA) as a percentage of gross national income (GNI), 2016

Norway 1.11 % of gross national income

Luxembourg 1.00

Sweden 0.94

Denmark 0.75

Germany 0.70

United Kingdom 0.70

Netherlands 0.65

Switzerland 0.54

Belgium 0.49

Finland 0.44

Austria 0.41

France 0.38

Spain 0.33

Ireland 0.33

Canada 0.26

Italy 0.26

Australia 0.25

New Zealand 0.25

Iceland 0.25

Japan 0.20

Slovenia 0.18

United States 0.18

Portugal 0.17

Czech Republic 0.14

Korea 0.14

Greece 0.14

Poland 0.13

Hungary 0.13

Slovak Republic 0.12

Total of Development Assistance Committee of the OECD 0.32

UN Target 0.7

Average country effort 0.40

Source: Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), "Development Aid Rises Again in 2016," April 11, 2017, <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/ODA-2016-detailed-summary.pdf>.

Another myth is that the United States carries the aid burden while other governments shirk their responsibility. This is plain wrong. In 2016, the ODA/GNI ratio of the European Union, for example, was 0.51, roughly three times the aid effort of America's 0.18. Combining all of the non-U.S. OECD donor countries, the ratio of ODA to GNI stood at 0.42, more than twice the U.S. aid effort.

Другой миф заключается в том, что Соединенные Штаты несут бремя помощи, в то время как другие правительства уклоняются от своей ответственности. Это совершенно неверно. Например, в 2016 году соотношение ОПР/ВНД Европейского союза составляло 0,51, что примерно в три раза превышает показатель США в 0,18. Если объединить все страны-доноры ОЭСР, не входящие в США, соотношение ОПР/ВНД составило 0,42, что более чем вдвое превышает объем помощи, предоставляемой США.

The best aid giver among our last three presidents was George W. Bush. Thanks to Bush's leadership, aid under his presidency saved millions of lives of HIV-infected people around the world. It saved hundreds of thousands of lives of young children who would otherwise die of malaria. It spared America the ravages of disease epidemics that would start abroad and then hit the U.S. shores. It fed hungry and threatened populations displaced by typhoons, floods, droughts, famines, and conflicts.

Лучшим донором среди наших последних трех президентов был Джордж Буш-младший. Благодаря руководству Буша, помощь при его президентстве спасла миллионы жизней ВИЧ-инфицированных по всему миру. Она спасла сотни тысяч жизней маленьких детей, которые в противном случае умерли бы от малярии. Она избавила Америку от разрушительных эпидемий болезней, которые начинались за рубежом, а затем достигали берегов США. Она накормила голодное и находящееся под угрозой исчезновения население, вынужденное покидать свои дома из-за тайфунов, наводнений, засух, голода и конфликтов.

By contrast, Bill Clinton and Barack Obama did very little during their presidencies. Obama's main contribution was to continue Bush's programs but without funding the growing needs. Trump, alas, seems prepared to trash the aid budget entirely if he gets his way. Does this mean the American people turn our backs on America's long-standing and successful efforts to fight killer diseases, hunger, and extreme poverty?

Напротив, Билл Клинтон и Барак Обама сделали очень мало за время своего президентства. Главным вкладом Обамы было продолжение программ Буша, но без финансирования растущих потребностей. Трамп, увы, похоже, готов полностью списать бюджет помощи, если добьётся своего. Означает ли это, что американский народ отвернётся от давних и успешных усилий Америки по борьбе со смертельными заболеваниями, голодом и крайней нищетой?

The moral justification of aid, as powerful and adequate as it is, is matched by an equally important case of self-interest. Aid is a matter of U.S. national security and economic interest.

Моральное оправдание помощи, каким бы весомым и адекватным оно ни было, подкрепляется не менее важным примером личной заинтересованности. Помощь — это вопрос национальной безопасности и экономических интересов США.

Regarding the links between aid and national security, there is no need to listen to a moralizing economist. Listen directly to the generals. More than 120 retired generals and admirals recently wrote to the congressional leaders of both parties to defend aid as a critical bulwark of national security:

The State Department, USAID, Millennium Challenge Corporation, Peace Corps, and other development agencies are critical to preventing conflict and reducing the need to put our men and women in uniform in harm's way. As Secretary James Mattis said while commander of US Central Command, "If you don't fully fund the State Department, then I need to buy more ammunition." The military will lead the fight against terrorism on the battlefield, but it needs strong civilian partners in the battle against the drivers of extremism—lack of opportunity, insecurity, injustice, and hopelessness.¹

Что касается связи между помощью и национальной безопасностью, не нужно слушать морализаторов-экономистов. Прислушайтесь прямо к генералам. Более 120 отставных генералов и адмиралов недавно обратились к лидерам Конгресса обеих партий с просьбой защитить помощь как важнейший оплот национальной безопасности:

Государственный департамент, USAID, Корпорация «Вызовы тысячелетия», Корпус мира и другие агентства развития играют решающую роль в предотвращении конфликтов и снижении необходимости подвергать опасности наших военнослужащих. Как сказал госсекретарь Джеймс Мэттис, будучи командующим Центральным командованием США: «Если вы не будете в полной мере финансировать Госдепартамент, мне придётся закупать больше боеприпасов». Военные будут возглавлять борьбу с терроризмом на поле боя, но им нужны сильные гражданские партнёры в борьбе с движущими силами экстремизма — отсутствием возможностей, незащищённостью, несправедливостью и безнадёжностью.¹

For this reason, Senator Lindsay Graham of South Carolina has said of the Trump proposal to slash aid: "It's dead on arrival, it's not going to happen, it would be a disaster. This budget destroys soft power, it puts our diplomats at risk, and it's going nowhere."

По этой причине сенатор Линдси Грэм от Южной Каролины так отозвался о предложении Трампа о сокращении помощи: «Оно мертво по прибытии, этого не произойдёт, это будет катастрофой. Этот бюджет разрушает мягкую силу, подвергает риску наших дипломатов и ни к чему не приведёт».

What is especially foolish about the Trump proposal is that the United States would be slashing its own aid precisely when China is ramping up its aid. China is signing and financing major development projects across Southeast Asia, South Asia, Central Asia, Western Asia, and Africa. China may already be the world's largest aid giver. Trump's plans would accelerate the transition to China's preeminence. Who will find diplomatic support in the next global crisis, China or the United States? And whose companies will win the next round of major infrastructure projects? Both the United States and China can and should do their part.

Особенно глупо в предложении Трампа то, что США сократят свою помощь именно тогда, когда Китай её наращивает. Китай подписывает и финансирует крупные проекты развития в Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Центральной Азии, Западной Азии и Африке. Китай, возможно, уже является крупнейшим в мире донором помощи. Планы Трампа ускорят переход Китая к главенствующей роли. Кто получит дипломатическую поддержку в следующем глобальном кризисе, Китай или США? И чьи компании выиграют следующий раунд крупных инфраструктурных проектов? И США, и Китай могут и должны внести свой вклад.

So too, I must add, should the world's billionaires. Governments have cut the taxes of the rich so much, and so catered to their needs, that we should now be turning to this vast accumulation of private wealth to contribute to global needs alongside governments. These two thousand billionaires, realistically, can and should be providing tens of billions of dollars of annual contributions toward the Sustainable Development Goals. I take up that issue in chapter 18.

То же самое, должен добавить, должно произойти и с миллиардерами мира. Правительства настолько снизили налоги для богатых и настолько позаботились об их нуждах, что теперь нам следует обратиться к этому огромному накоплению частного богатства, чтобы внести свой вклад в удовлетворение глобальных потребностей наряду с правительствами. Эти две тысячи

миллиардеров, если смотреть реалистично, могут и должны ежегодно вносить десятки миллиардов долларов в достижение Целей устойчивого развития. Я рассматриваю этот вопрос в главе 18.

We must ultimately acknowledge another more radical, and more accurate, perspective: this is not aid at all, but justice. There are two senses in which “aid” is absolutely the wrong word when it comes to helping the world’s poor.

В конечном итоге мы должны признать другую, более радикальную и более точную точку зрения: это вовсе не помощь, а справедливость. Есть два смысла, в которых слово «помощь» совершенно не подходит, когда речь идёт о помощи бедным мира.

The first returns us to morality. In his wonderful encyclical “Populorum Progressio” (1967), Pope Paul VI noted this of giving to the poor: “As St. Ambrose put it: ‘You are not making a gift of what is yours to the poor man, but you are giving him back what is his. You have been appropriating things that are meant to be for the common use of everyone. The Earth belongs to everyone, not to the rich.’ ”

Первый возвращает нас к морали. В своей замечательной энциклике «Populorum Progressio» (1967) Папа Павел VI отметил это в отношении благотворительности: «Как сказал святой Амвросий: „Вы не дарите бедному то, что принадлежит вам, но возвращаете ему то, что принадлежит ему. Вы присваиваете то, что предназначено для общего пользования. Земля принадлежит всем, а не богатым“».

This idea of “appropriating things that are meant to be for the common use” is appropriate in a dramatically literal sense as well. The rich countries, including our own, have long robbed and despoiled the planet for our narrow economic gain. Britain, the United States, and other powers have made a career of stealing the oil, gas, and minerals out from under the sands of other nations. Our countries transported millions of African slaves to work the plantations stolen from indigenous populations. Our multinational companies have routinely bribed foreign leaders for land and oil reserves. The U.S. government has launched dozens of coups and wars to secure oil, gas, copper, banana and sugar plantations, and other valuable resources. Our fishing fleets have illegally and recklessly scoured the seas, including the protected economic zones of the poorest countries. And our reckless emissions of greenhouse gases are directly responsible for droughts, floods, and extreme storms around the world, with a president and oil industry too evil even to acknowledge the basic scientific truths.

Эта идея «присвоения того, что предназначено для общего пользования» уместна и в буквальном смысле. Богатые страны, включая нашу, долгое время грабили и разоряли планету ради нашей узкой экономической выгоды. Великобритания, Соединенные Штаты и другие державы сделали карьеру на краже нефти, газа и минералов из-под песков других стран. Наши страны вывезли миллионы африканских рабов для работы на плантациях, украденных у коренного населения. Наши транснациональные компании регулярно подкупали иностранных лидеров, чтобы получить землю и нефтяные запасы. Правительство США организовало десятки переворотов и войн, чтобы захватить нефтяные, газовые, медные, банановые и сахарные плантации, а также другие ценные ресурсы. Наши рыболовные флоты незаконно и безрассудно бороздили моря, включая охраняемые экономические зоны беднейших стран. А наши безрассудные выбросы парниковых газов напрямую ответственны за засухи, наводнения и экстремальные штормы по всему миру, при этом президент и нефтяная промышленность слишком порочны, чтобы даже признать основные научные истины.

At very low cost, the United States together with partner countries could help to end the HIV/AIDS epidemic. Building on Bush’s innovative steps fifteen years ago, and many new technologies, Trump could partner with other countries to prevent nearly all new infections of HIV. Similarly, building on the long-standing commitments of the United States and other countries, a modest increase of aid would ensure that every girl and boy in the poorest countries can stay in school through high school. In that way, impoverished children would not end up as child soldiers or as unemployed youth who are easily radicalized.

С очень небольшими затратами Соединенные Штаты вместе со странами-партнерами могли бы помочь положить конец эпидемии ВИЧ/СПИДа. Опираясь на инновационные шаги Буша пятнадцатилетней давности и множество новых технологий, Трамп мог бы сотрудничать с другими странами, чтобы предотвратить практически все новые случаи заражения ВИЧ. Аналогичным образом, опираясь на давние обязательства Соединенных Штатов и других стран, небольшое увеличение помощи гарантировало бы, что каждая девочка и мальчик в беднейших странах смогут продолжать обучение в школе до окончания средней школы. Таким образом, дети из бедных семей не станут солдатами или безработной молодежью, легко поддающейся радикализации.

Yet despite the urgent need to look outward and fight issues like disease, poverty, and climate change that vex the world, we are turning inward. We do not want to help those outside our borders, nor do we want those who need help to cross our borders. The folly of this mind-set is the subject of the next chapter.

Однако, несмотря на острую необходимость обратить взор вовне и бороться с такими проблемами, как болезни, бедность и изменение климата, которые терзают мир, мы обращаемся к внутренним проблемам. Мы не хотим помогать тем, кто находится за пределами наших границ, и не хотим, чтобы те, кому нужна помощь, пересекали наши границы. Глупость такого образа мышления – тема следующей главы.

17 MANAGING MIGRATION

Donald Trump's various efforts to bar entry to the United States from Muslim-majority countries is the latest salvo in America's epic culture wars over race and American identity. As a matter of national security and law, Trump's proposals have not passed legal muster. Several judges have overturned part or all of his various executive orders, though the legal battles continue to the Supreme Court. Yet Trump has figured that he wins politically even when he loses in court. Trump's politics depend on making Muslims a target of hatred among working-class white voters, a strategy with a long and successful history in U.S. politics.

Многочисленные попытки Дональда Трампа запретить въезд в Соединенные Штаты гражданам стран с мусульманским большинством — это очередной залп в эпических культурных войнах Америки, разгоревшихся вокруг расы и американской идентичности. С точки зрения национальной безопасности и права, предложения Трампа не прошли юридическую проверку. Несколько судей отменили часть или все его указы, хотя судебные тяжбы продолжаются вплоть до Верховного суда. Тем не менее, Трамп считает, что политически выигрывает, даже проигрывая в суде. Политика Трампа основана на том, чтобы сделать мусульман объектом ненависти среди белых избирателей рабочего класса — стратегия, имеющая долгую и успешную историю в политике США.

Viewed from a national security perspective, Trump's various entry bans have failed the credibility test. As several federal courts have pointed out, not a single terrorist attack in the United States has involved a visa-holder from the six Muslim countries named in the original travel ban (Iran, Libya, Somalia, Sudan, Syria, and Yemen, with Iraq included at the outset but then removed from subsequent versions of the executive order). In fact, 9/11 was carried out by Saudis, and most of the other terrorist attacks have been carried out by U.S. citizens. A draft report by the Department of Homeland Security itself noted that citizenship is an "unlikely indicator" of terrorist threats. Some observers have noted that the various versions of the Muslim travel ban have skipped Muslim-majority countries where Trump has business interests. Trump himself claims that the list of countries came from the Obama administration, but the Obama administration list was merely to require visas for individuals who had recently visited one of the countries, not to bar entry by nationals of those countries.

С точки зрения национальной безопасности, различные запреты Трампа на въезд не выдержали проверки на достоверность. Как отметили несколько федеральных судов, ни один теракт в Соединенных Штатах не был связан с обладателем визы гражданина шести мусульманских стран, упомянутых в первоначальном указе о запрете на въезд (Иран, Ливия, Сомали, Судан, Сирия и

Йемен, а Ирак был включен в него изначально, но затем исключен из последующих версий указа). Фактически, теракты 11 сентября были совершены саудовцами, а большинство других терактов – гражданами США. В проекте доклада самого Министерства внутренней безопасности США отмечалось, что гражданство является «маловероятным индикатором» террористической угрозы. Некоторые наблюдатели отмечали, что различные версии запрета на въезд для мусульман не включали страны с мусульманским большинством, где у Трампа есть деловые интересы. Сам Трамп утверждает, что список стран был составлен администрацией Обамы, но список, составленный администрацией Обамы, был призван лишь требовать визы для лиц, недавно посетивших одну из этих стран, а не запрещать въезд гражданам этих стран.

Trump's real purpose isn't antiterrorism at all. The real goal is to fan the perception among Trump's political base that Islam is an existential threat to Western civilization and that allowing Muslims to enter the United States would be to permit radical terrorist cells to grow inside the United States. Trump said as much in his first address to a joint session of Congress: "We cannot allow a beachhead of terrorism to form inside America, and we cannot allow our nation to become a sanctuary for extremists."¹

Истинная цель Трампа – вовсе не борьба с терроризмом. Реальная цель — нагнетать среди политической базы Трампа ощущение того, что ислам представляет собой экзистенциальную угрозу западной цивилизации и что разрешение мусульманам въезжать в Соединенные Штаты будет означать рост радикальных террористических ячеек внутри Соединенных Штатов. Трамп сказал об этом в своем первом выступлении на совместном заседании Конгресса: «Мы не можем позволить, чтобы плацдарм терроризма образовался внутри Америки, и мы не можем позволить, чтобы наша страна стала убежищем для экстремистов». ¹

For many Americans, including myself, this seems like a vulgarity. It is outrageous for the president to conflate refugees escaping from a war-torn region, or scientists and students visiting the United States on short-term visits or student visas, with terrorists forming a beachhead. It is even more hateful to do so when the United States has been the key instigator of the wars that the refugees are trying to flee. The United States has launched five major wars in the Middle East since 1990 (two in Iraq and one each in Afghanistan, Libya, and Syria) and is fighting in countless smaller wars (in Yemen and Somalia, among other places). Yet the United States has the audacity to close the doors to any and all victims of the violence.

Для многих американцев, включая меня, это кажется вульгарностью. Возмутительно, что президент путает беженцев, бегущих из охваченного войной региона, или ученых и студентов, посещающих Соединенные Штаты с краткосрочными визитами или по студенческим визам, с террористами, формирующими плацдарм. Это еще более отвратительно, когда Соединенные Штаты были главным зачинщиком войн, от которых пытаются бежать беженцы. С 1990 года Соединённые Штаты развязали пять крупных войн на Ближнем Востоке (две в Ираке и по одной в Афганистане, Ливии и Сирии) и участвуют в бесчисленном множестве более мелких войн (в том числе в Йемене и Сомали). Однако у Соединённых Штатов хватает наглости закрывать двери всем жертвам насилия.

Trump's moves are about identity, emotion, and politics, not logic, national security, and the law. For many Americans, 9/11 is a continuing trauma, fanned by repeated viewing of the horrors in the media. Psychological research shows that repeated viewings of the 9/11 and Iraq War carnage have been associated with adverse mental health consequences—a media-induced posttraumatic stress. Trump is playing straight to that trauma. We recall that in the immediate aftermath of 9/11, many Americans, including the Bush White House, were uninterested as to whether Saddam Hussein had been part of 9/11. Trauma was trauma, and the United States needed to respond with war, against somebody.

Действия Трампа продиктованы самоидентификацией, эмоциями и политикой, а не логикой, национальной безопасностью и законом. Для многих американцев 11 сентября — это продолжающаяся травма, подогреваемая постоянным просмотром ужасов в СМИ. Психологические исследования показывают, что повторный просмотр событий 11 сентября и кровавой бойни в Ираке связан с негативными последствиями для психического здоровья —

посттравматическим стрессом, вызванным СМИ. Трамп напрямую играет на этой травме. Мы помним, что сразу после 11 сентября многие американцы, включая Белый дом Буша, не интересовались, был ли Саддам Хусейн причастен к 11 сентября. Травма есть травма, и Соединённым Штатам необходимо было ответить войной против кого-то.

There is plenty of evidence regarding the exaggerated fears around Islam. Many Americans now believe that America is being overrun with Muslims. Ask yourself the question: What share of the U.S. population is Muslim? Americans, on average, guess 17 percent. The correct answer is around 1 percent.

Существует множество доказательств преувеличенных страхов, связанных с исламом. Многие американцы теперь считают, что Америка наводнена мусульманами. Задайте себе вопрос: какая доля населения США исповедует ислам? Американцы, в среднем, полагают, что 17%. Правильный ответ — около 1%.

Trump is mining that deep vein of fear and hate. His message plays especially well among white working-class men, Trump's base.

Трамп разрабатывает эту глубокую жилу страха и ненависти. Его послание особенно хорошо воспринимается белыми мужчинами из рабочего класса, которые являются электоратом Трампа.

American attitudes toward Islam vary strongly with educational attainment. College-educated Americans, who tended to vote against Trump, see Islam favorably, while Americans with less than a college education, Trump's base, tend to see Islam unfavorably. In a 2010 Pew survey, for example, the favorable-unfavorable divide was 47–28 among college grads; 29–37 among those with some college but no degree; and 20–45 among those with a high school diploma.

Отношение американцев к исламу сильно варьируется в зависимости от уровня образования. Американцы с высшим образованием, которые, как правило, голосовали против Трампа, относятся к исламу благосклонно, в то время как американцы с образованием ниже высшего, которые являются электоратом Трампа, как правило, относятся к исламу негативно. Например, в опросе Pew 2010 года соотношение «благосклонно-неблагосклонно» составляло 47 к 28 среди выпускников колледжей; 29 к 37 среди тех, кто имел какое-то высшее образование, но не имел диплома; и 20 к 45 среди тех, кто имел аттестат о среднем образовании.

The fact that more-educated individuals harbor less negative views of Islam is a familiar pattern found in social psychology. Education generally breaks down us-versus-them stereotypes. More education also makes one's job prospects more secure, so better-educated Americans have less fear of losing their wages or jobs to immigrants.

Тот факт, что более образованные люди менее негативно относятся к исламу, — известная закономерность, обнаруженная в социальной психологии. Образование, как правило, разрушает стереотипы «мы против них». Более высокий уровень образования также повышает перспективы трудоустройства, поэтому более образованные американцы меньше боятся потерять заработок или работу из-за иммигрантов.

In playing to his base, Trump is of course tapping into one of the most familiar motifs of American history: the visceral fear that the white working class has long held for nonwhite immigrants. Such fears are reaching a new crescendo as the United States shifts from being a majority-white (non-Hispanic) society to a white-minority society. According to the Census Bureau, by around 2044 the white, non-Hispanic population will become less than half of the total population for the first time in the nation's history. The goal of white nationalists, a part of Trump's base, is to promote immigration bans, deportations, heavy police tactics, and other fearmongering to try to shift this demographic trend before it is "too late" for the white, non-Hispanic majority.

Играя на своих избирателей, Трамп, конечно же, использует один из самых известных мотивов американской истории: инстинктивный страх, который белый рабочий класс долгое время испытывал перед не-белыми иммигрантами. Эти страхи достигают нового крещендо,

нарастающего звучания по мере того, как Соединённые Штаты переходят от общества с преобладанием белого (неиспаноязычного) населения к обществу с преобладанием белого меньшинства. По данным Бюро переписи населения, примерно к 2044 году впервые в истории страны белое неиспаноязычное население станет меньше половины общей численности населения. Цель белых националистов, входящих в электорат Трампа, — продвигать запреты на иммиграцию, депортации, жёсткие полицейские меры и другие методы нагнетания страха, чтобы попытаться переломить эту демографическую тенденцию, пока не стало «слишком поздно» для белого неиспаноязычного большинства.

The long history of the United States is of two white classes, a rich elite (one that originally included the slave-owning class) and a hardscrabble working class that takes solace in its social status remaining above that of even more desperate African Americans, Native Americans, and other minorities. Rich whites have long sought the political allegiance of poor whites by promising to keep minority groups from rising too far, too fast in economic, social, and political terms. The goal of the elites has been to forestall a class-based politics in which poor whites and poor minority groups actually join together to demand redistribution from the rich. In this the rich have been remarkably cynical and remarkably successful. (In a perverse way, the elites of both political parties have tended to favor distinctive brands of identity politics over class politics to divert attention from the massive inequalities of income and wealth in American society.)

Долгая история Соединённых Штатов состоит из двух белых классов: богатой элиты (которая изначально включала класс рабовладельцев) и бедствующего рабочего класса, который находит утешение в том, что его социальный статус остаётся выше, чем у ещё более отчаявшихся афроамериканцев, коренных американцев и других меньшинств. Богатые белые долгое время добивались политической поддержки бедных белых, обещая не допустить слишком быстрого экономического, социального и политического подъёма меньшинств. Целью элит было предотвратить классовую политику, в рамках которой бедные белые и бедные меньшинства фактически объединяются, требуя перераспределения от богатых. В этом богатые проявили поразительный цинизм и поразительный успех. (Как ни странно, элиты обеих политических партий имели тенденцию отдавать предпочтение особым брендам политики идентичности, а не классовой политике, чтобы отвлечь внимание от огромного неравенства доходов и богатства в американском обществе.)

It is no accident that the very first naturalization legislation of the United States, the 1790 Naturalization Act, limited naturalized citizenship to “free white persons of good character,” thereby excluding Africans, Native Americans, and, later, Asians. Forty years later, in 1830, Andrew Jackson, the president to whom Trump is most often compared in terms of personality and temperament, signed the Indian Removal Act. This act began the ethnic cleansing of the southeastern United States (east of the Mississippi) with the forced resettlement of the Cherokee Nation along the deadly Trail of Tears to Oklahoma. Poor white farmers as well as large landowners (including Jackson himself) grabbed the land dispossessed from the departing Cherokee. Thousands of Cherokees died in this act of stunning barbarity and cruelty. These expulsions were followed by further acts of war and genocide, until the Native populations were entirely conquered or eliminated by the end of the nineteenth century.

Неслучайно самый первый закон о натурализации в Соединённых Штатах, Закон о натурализации 1790 года, ограничил натурализованное гражданство «свободными белыми людьми с хорошим характером», тем самым исключив африканцев, коренных американцев, а позднее и азиатов. Сорок лет спустя, в 1830 году, Эндрю Джексон, президент, с которым Трампа чаще всего сравнивают по характеру и темпераменту, подписал Закон о переселении индейцев. Этот акт положил начало этнической чистке юго-востока Соединённых Штатов (к востоку от Миссисипи) с принудительным переселением народа чероки по смертоносной Тропе слёз в Оклахому. Бедные белые фермеры, а также крупные землевладельцы (включая самого Джексона) захватили земли, отчуждённые у уходящих чероки. Тысячи чероки погибли в этом акте вопиющего варварства и жестокости. За этими изгнаниями последовали новые акты войны и геноцида, пока коренное население не было полностью покорено или уничтожено к концу XIX века.

In 1882, President Chester Arthur signed the China Exclusion Act, designed to prevent the “yellow hordes” of Asia from becoming the next threat to the white homeland. The act barred Chinese “skilled and unskilled laborers and Chinese employed in mining.” Chinese families were divided between those in the United States and those still in China. Chinese living in the United States who sought to visit their families in China were told that they would not be allowed to return. Senator George Frisbie Hoar of Massachusetts declared the act to be “nothing less than the legalization of racial discrimination.”

В 1882 году президент Честер Артур подписал Закон об исключении китайцев, призванный предотвратить превращение «жёлтых орд» Азии в следующую угрозу белой родине. Закон запрещал въезд китайским «квалифицированным и неквалифицированным рабочим, а также китайцам, занятым в горнодобывающей промышленности». Китайские семьи были разделены на тех, кто находился в Соединённых Штатах, и тех, кто всё ещё оставался в Китае. Китайцам, проживающим в Соединённых Штатах и пытавшимся навестить свои семьи в Китае, было объявлено, что им не разрешат вернуться. Сенатор Джордж Фрисби Хоар от Массачусетса заявил, что этот закон является «не чем иным, как легализацией расовой дискриминации».

The Chinese Exclusion Act was a watershed, as it opened up more than eighty years of immigration policy based on the national origin of immigrants, a policy not unlike Trump’s travel ban. By the early 1900s, the racial fears shifted from Chinese immigration, now suppressed, to Jews and rural poor flooding in from Eastern and Southern Europe. This new immigration was squelched by the 1924 Immigration Act, which established immigration quotas according to national origin, with the number of immigrants allowed from each country based on the number of foreign-born residents in the United States as of 1890.

Закон об исключении китайцев стал переломным моментом, поскольку он положил начало более чем восьмидесятилетней иммиграционной политике, основанной на национальном происхождении иммигрантов, политике, во многом схожей с запретом на въезд Трампа. К началу 1900-х годов расовые страхи переместились с китайской иммиграции, которая теперь подавлялась, на евреев и сельскую бедноту, хлынувшую из Восточной и Южной Европы. Эта новая иммиграция была подавлена Законом об иммиграции 1924 года, который установил иммиграционные квоты в соответствии с национальным происхождением, при этом количество иммигрантов, разрешенных от каждой страны, основывалось на количестве родившихся за границей жителей Соединенных Штатов по состоянию на 1890 год.

For the years 1925–1927, for example, the total number of immigrants was capped at 164,667 arrivals, roughly one-fifth of the annual immigrant arrivals in the period before World War I. Of those 164,667 slots, 86.5 percent were reserved for Northern European immigrants, with more than half of that total reserved for immigrants from Germany and the United Kingdom. Only 11.2 percent of the total could come from Southern and Eastern Europe. The number of migrants from all the rest of the world, including Latin America, Africa, and Asia, was capped at just 3,745 per year, or 2.3 percent of the total.

Например, в 1925–1927 годах общее число иммигрантов было ограничено 164 667 прибытиями, что составляло примерно одну пятую от ежегодного числа иммигрантов, прибывающих в период до Первой мировой войны. Из этих 164 667 мест 86,5 процента были зарезервированы для иммигрантов из Северной Европы, причем более половины этого общего числа было зарезервировано для иммигрантов из Германии и Великобритании. Только 11,2 процента от общего числа могли прибыть из Южной и Восточной Европы. Число мигрантов из всех остальных стран мира, включая Латинскую Америку, Африку и Азию, было ограничено всего 3745 людьми в год, или 2,3% от общего числа.

The 1924 Immigration Act, in short, achieved two goals: first, to reduce dramatically the total number of new immigrants, and second, to ensure that almost 90 percent of the immigrants allowed into the United States were from Northern Europe.

Закон об иммиграции 1924 года, если коротко, достиг двух целей: во-первых, значительно сократить общее число новых иммигрантов, и, во-вторых, обеспечить, чтобы почти 90% иммигрантов, допущенных в Соединенные Штаты, были из Северной Европы.

During this process, there was an attentive and approving observer abroad. Adolf Hitler praised the new U.S. immigration policy in *Mein Kampf*, writing, among other things:

There is currently one state in which one can observe at least weak beginnings of a better conception. This is of course not our exemplary German Republic, but the American Union, in which an effort is being made to consider the dictates of reason to at least some extent. The American Union categorically refuses the immigration of physically unhealthy elements, and simply excludes the immigration of certain races. In these respects, America already pays obeisance, at least in tentative first steps, to the characteristic *völkisch* conception of the state.²

За этим процессом наблюдал внимательный и одобрительный наблюдатель за границей. Адольф Гитлер высоко оценил новую иммиграционную политику США в «Майн кампф», написав, среди прочего:

В настоящее время существует одно государство, в котором можно наблюдать хотя бы слабые зачатки лучшей концепции. Это, конечно, не наша образцовая Германская Республика, а Американский Союз, в котором предпринимаются попытки хотя бы в какой-то степени учитывать веления разума. Американский Союз категорически отвергает иммиграцию физически нездоровых элементов и просто исключает иммиграцию некоторых рас. В этом отношении Америка уже отдает дань уважения, по крайней мере, на первых робких шагах, характерной для национального государства.²

In fact, in the 1930s, Nazi lawyers looked to various aspects of U.S. racial legislation—including the immigration codes based on country of national origin, the second-class citizenship of African Americans, the noncitizenship of colonial subjects such as Filipinos and Puerto Ricans, and the nonnational status of Native Americans—as role models for Germany's race-based citizenship, which culminated in the Nuremberg Codes. This point has been valiantly, if painfully, documented by the Yale legal historian James Whitman in his new book, *Hitler's American Model: The United States and the Making of Nazi Race Law*. Whitman's point, of course, is not that the United States caused the Nazi crimes; it is that the U.S. racial approach resonated with the Nazi racists.

Фактически, в 1930-х годах нацистские юристы рассматривали различные аспекты расового законодательства США, включая иммиграционные кодексы, основанные на стране происхождения, второсортное гражданство афроамериканцев, отсутствие гражданства у колониальных подданных, таких как филиппинцы и пуэрториканцы, и негражданство коренных американцев, как образцы для немецкой системы гражданства, основанной на расе, которая достигла своего апогея в Нюрнбергских кодексах. Этот момент был доблестно, хотя и болезненно, задокументирован историком права Йельского университета Джеймсом Уитменом в его новой книге «Американская модель Гитлера: Соединенные Штаты и становление нацистского расового права». Уитмен, конечно же, имеет в виду не то, что Соединенные Штаты стали причиной нацистских преступлений; он утверждает, что расовый подход США находил отклик у нацистских расистов.

The 1924 Immigration Act mostly closed America's doors and kept them closed for decades, even when Europe's Jews were desperately pleading for entry to the United States to save their lives. It was not until the 1965 Immigration and Nationality Act that the United States eventually relented on national origin. In the revised framework, which has now been the core of U.S. immigration law for a half-century, those with family and personal connections, as well as special categories of immigrants, were added to the immigrant roster, and the overall number of immigrants per year was increased.

Закон об иммиграции 1924 года практически закрыл двери Америки и держал их закрытыми десятилетиями, даже когда европейские евреи отчаянно просили о въезде в Соединенные Штаты, чтобы спасти свои жизни. Лишь с принятием Закона об иммиграции и гражданстве 1965 года

Соединенные Штаты в конечном итоге смягчили требования к национальному происхождению. В пересмотренной системе, которая вот уже полвека является основой иммиграционного законодательства США, в реестр иммигрантов были добавлены лица, имеющие семейные и личные связи, а также особые категории иммигрантов, а общее число иммигрантов в год увеличилось.

Not only did U.S. immigration increase markedly, but it also shifted from Northern Europe to Latin America and Asia. Overall, the foreign-born population of the United States, which had fallen from around 13 percent of total population in the 1920 census to a low of 4.7 percent in 1970, has now risen to around 14 percent of the U.S. population, with nearly 40 percent of the foreign-born now from Mexico and Central America.

Иммиграция в США не только заметно выросла, но и переместилась из Северной Европы в Латинскую Америку и Азию. В целом, доля лиц, родившихся за пределами США, сократившаяся с примерно 13% от общей численности населения по переписи 1920 года до минимума в 4,7% в 1970 году, к настоящему времени выросла примерно до 14% населения США, причем почти 40% лиц, родившихся за пределами США, теперь родом из Мексики и Центральной Америки.

Trump's appeal to the white working class has combined fear of Middle East terrorism with a white working-class backlash against the rising Hispanic population. He has added in China-bashing, as well as opposition to immigration from what he termed "shithole" countries such as Haiti and African nations. In the good old American tradition of the elite class, the one thing Trump has never suggested is that America's super-rich might somehow help America's poor. Fomenting fear is a lot cheaper for those elites.

Апелляция Трампа к белому рабочему классу сочетает в себе страх перед терроризмом на Ближнем Востоке с негативной реакцией белого рабочего класса на растущее латиноамериканское население. Он добавил к этому критику Китая и неприятие иммиграции из стран, которые он назвал «вонючими», таких как Гаити и африканские страны. В соответствии со старой доброй американской традицией элиты, Трамп никогда не говорил о том, что сверхбогатые американцы могут каким-то образом помочь бедным. Разжигание страха обходится этим элитам гораздо дешевле.

Of course, the United States isn't alone in its focus on the supposed danger of new arrivals to the country. In Europe as well, immigration is the number one political issue. Passions are high, dangerously so. The stakes are high as well. Migrants are risking their lives, and dying, to escape from violence, poverty, and joblessness. How can we reconcile the flood of migrants with the stiff backlash in the receiving societies?

Конечно, Соединённые Штаты не одиноки в своём стремлении к предполагаемой опасности, исходящей от вновь прибывших. В Европе иммиграция также является политической проблемой номер один. Страсти накалены, опасно высоки. Ставки тоже высоки. Мигранты рискуют жизнью и умирают, спасаясь от насилия, нищеты и безработицы. Как нам совместить поток мигрантов с жёсткой реакцией принимающих обществ?

I propose a three-part approach. The first is to stop the conflicts that are currently causing millions of refugees to flee their homes. The second is to promote long-term economic development in the countries migrants are fleeing. The third is to adjust global policies to enshrine the freedom to migrate while also enabling societies to limit migration to moderate and manageable rates.

Я предлагаю трёхэтапный подход. Первый — прекратить конфликты, из-за которых миллионы беженцев покидают свои дома. Второй — содействовать долгосрочному экономическому развитию стран, откуда бегут мигранты. Третья цель — скорректировать глобальную политику таким образом, чтобы закрепить свободу миграции, а также дать возможность обществам ограничить миграцию до умеренных и управляемых показателей.

Two conflict zones in particular, the Middle East and Central America, account for the recent surge of refugees to Europe and the United States, respectively. In both regions, an urgently needed change of U.S. foreign policy could staunch this flow. Sadly, both regions have instead been destabilized by misguided U.S. policies.

В частности, две конфликтные зоны, Ближний Восток и Центральная Америка, являются причиной недавнего всплеска беженцев в Европу и США соответственно. В обоих регионах срочное изменение внешней политики США могло бы остановить этот поток. К сожалению, оба региона, напротив, дестабилизированы ошибочной политикой США.

The Middle East conflicts, as discussed in chapter 6, are U.S. wars of choice. The three largest conflicts in the region, in Iraq, Libya, and Syria, reflect the repeated U.S. resort to violent “regime change.” In all three cases, the result has been open-ended conflict and the rise of violent jihadists. As a result, millions of refugees have been crossing the Mediterranean into Europe from departure points mainly in Turkey and Libya.

Конфликты на Ближнем Востоке, как обсуждалось в главе 6, являются войнами, которые США ведут по собственному выбору. Три крупнейших конфликта в регионе – в Ираке, Ливии и Сирии – отражают неоднократное применение США насильственной «смены режимов». Во всех трёх случаях результатом стали открытые конфликты и рост активности агрессивных джихадистов. В результате миллионы беженцев пересекли Средиземное море и устремились в Европу из пунктов отправления, расположенных, главным образом, в Турции и Ливии.

In Central America, as in the Middle East, lamebrain CIA schemes—such as the 1980s Contra wars, the 2004 Haiti coup against Jean-Bertrand Aristide, and the 2009 Honduran coup against Manuel Zelaya—have stoked violence and created pervasive instability. In addition, the so-called U.S. war on drugs, fought in many parts of Latin America, has fomented massive violence. An American public health crisis—the epidemic use of opiates—has been transmuted into open war south of the U.S. border.

В Центральной Америке, как и на Ближнем Востоке, абсурдные схемы ЦРУ, такие как войны «контрас» в 1980-х годах, переворот на Гаити в 2004 году против Жан-Бертрана Аристида и переворот в Гондурасе в 2009 году против Мануэля Селайи, разжигали насилие и создавали всеобъемлющую нестабильность. Кроме того, так называемая война США с наркотиками, ведущаяся во многих частях Латинской Америки, спровоцировала массовое насилие. Кризис общественного здравоохранения в США — эпидемия опиатов — перерос в открытую войну к югу от границы США.

Both the Middle East and Central America demonstrate a compelling case for demilitarizing U.S. foreign policy. Ending covert CIA operations in the Middle East, Central America, and Africa would immediately reduce the displacement of populations and flow of refugees. Facing the opiate epidemic for what it really is—a public health challenge caused by massive social inequalities and desperation within U.S. communities—would stop the Latin American drug wars, save lives, and enable Central Americans to live in peace while remaining in their own countries.

Как Ближний Восток, так и Центральная Америка демонстрируют убедительные аргументы в пользу демилитаризации внешней политики США. Прекращение тайных операций ЦРУ на Ближнем Востоке, в Центральной Америке и Африке немедленно сократило бы перемещение населения и поток беженцев. Если взглянуть на эпидемию опиатов как на истинную проблему общественного здравоохранения, вызванную огромным социальным неравенством и отчаянием в американских общинах, то это остановит нарковойны в Латинской Америке, спасет жизни и позволит жителям Центральной Америки жить в мире, оставаясь в своих странах.

Of course, even without the CIA wars of choice and the misguided war on drugs, millions of people around the world will still want to migrate to the United States and Europe in search of jobs, higher living standards, and social benefits. They will also come to escape from environmental degradation and the dislocations caused by global warming.

Конечно, даже без преднамеренных войн ЦРУ и бессмысленной войны с наркотиками миллионы людей по всему миру будут стремиться мигрировать в Соединенные Штаты и Европу в поисках работы, более высокого уровня жизни и социальных льгот. Они также будут спасаться от ухудшения состояния окружающей среды и потрясений, вызванных глобальным потеплением.

The correct response is to promote sustainable development in countries of large-scale out-migration. People will want to remain in their homelands if they see a viable future for their children. The good news is that sustainable development is feasible, and promoting it would be much cheaper for the United States and Europe than pursuing more failed wars, which have already cost the United States trillions of dollars in the Middle East alone in the past fifteen years.

Правильным решением является содействие устойчивому развитию в странах с массовым оттоком населения. Люди захотят остаться на родине, если увидят достойное будущее для своих детей. Хорошая новость заключается в том, что устойчивое развитие достижимо, и его достижение обойдется Соединенным Штатам и Европе гораздо дешевле, чем продолжение безуспешных войн, которые уже обошлись Соединенным Штатам в триллионы долларов только на Ближнем Востоке за последние пятнадцать лет.

Yet U.S. foreign policy is disastrously imbalanced, as we've seen: Our total aid budget is equal to around two weeks of Pentagon spending. The reason is obvious. Washington politicians salivate over each new taxpayer-subsidized weapons sale, which brings in its wake new campaign contributions and jobs for recycled politicians. Fighting disease, illiteracy, and poverty simply doesn't provide the D.C. political class with the same returns.

Однако внешняя политика США катастрофически несбалансирована, как мы уже видели: наш общий бюджет помощи равен примерно двухнедельным расходам Пентагона. Причина очевидна. Вашингтонские политики пускают слюни при каждой новой продаже оружия, субсидируемой налогоплательщиками, которая, в свою очередь, приносит новые избирательные взносы и рабочие места для бывших политиков. Борьба с болезнями, неграмотностью и бедностью просто не обеспечивает политическому классу округа Колумбия такой же отдачи.

Looking ahead, the migration pressures will intensify unless the world acts to slow, and soon to stop, human-made global warming. If we fail to fulfill the climate commitments made in Paris, many places in the world will become less habitable and, for some, even uninhabitable. Global warming causes declining food yields in the tropics, intensifying droughts in the dry lands of North Africa and the Middle East, an expanded transmission zone of tropical diseases, more intense cyclones in Southeast Asia, and rising sea levels and flooding in coastal regions.

Заглядывая в будущее, можно сказать, что миграционное давление будет усиливаться, если мир не предпримет мер по замедлению и, как можно скорее, остановке антропогенного глобального потепления. Если мы не выполним обязательства по борьбе с изменением климата, принятые в Париже, многие регионы мира станут менее пригодными для жизни, а в некоторых случаях и вовсе непригодными для жизни. Глобальное потепление приводит к снижению урожайности в тропиках, усилению засух в засушливых районах Северной Африки и Ближнего Востока, расширению зоны распространения тропических болезней, усилению циклонов в Юго-Восточной Азии, повышению уровня моря и наводнениям в прибрежных регионах.

In addition to ending useless wars and promoting sustainable development, the third part of migration policy should be to make the world safe for diversity and for ongoing migration. Every one of us is from a migrant family. Every one of us has ancestors, if not ourselves, who have been "strangers in a strange land." The reasons for migration will continue to be powerful and diverse in the future. Our global norms and policies should respect the human right to migrate, albeit within reasonable limits.

Помимо прекращения бесполезных войн и содействия устойчивому развитию, третья составляющая миграционной политики должна заключаться в обеспечении безопасности мира для разнообразия и дальнейшей миграции. Каждый из нас происходит из семьи мигрантов. У каждого

из нас есть предки, если не мы сами, которые были «чужаками в чужой стране». Причины миграции останутся весомыми и разнообразными и в будущем. Наши глобальные нормы и политика должны уважать право человека на миграцию, пусть и в разумных пределах.

Countries are certainly right to police their borders, but at the same time they should keep an open door for moderate and manageable rates of in-migration. No country should be allowed to slam its doors shut (and none would be wise to do so, and thereby lose the benefits of diversity). And while countries may be justified in limiting some social benefits to new migrants (to keep fiscal costs manageable and to limit incentives for excessive migrant inflows), the United States and other countries should ensure that migrant children receive the health care, schooling, and nutrition they need for their healthy development.

Страны, безусловно, правы, контролируя свои границы, но в то же время они должны держать двери открытыми для умеренных и управляемых темпов иммиграции. Ни одной стране не должно быть позволено захлопывать свои двери (и никому не было бы разумно делать это, и тем самым терять преимущества разнообразия). И хотя страны могут быть оправданы в ограничении некоторых социальных льгот для новых мигрантов (чтобы сохранить бюджетные расходы управляемыми и ограничить стимулы для чрезмерного притока мигрантов), Соединенные Штаты и другие страны должны гарантировать, что дети мигрантов получают медицинское обслуживание, образование и питание, необходимые им для их здорового развития.

Rather than instituting unconscionable bans on the basis of religion or nation of origin, we should be insisting that the United States remain an open society, welcoming students and visitors from all parts of the world; enabling migration, subject to law and in reasonable numbers per year, from all parts of the world; accepting refugees fleeing for their lives, until their homelands are restored to peace and they can return safely; and policing our borders so that we enjoy the benefits of a law-based, safe, and responsible immigration policy.

Вместо того, чтобы вводить бесовестные запреты по признаку религии или страны происхождения, мы должны настаивать на том, чтобы Соединенные Штаты оставались открытым обществом, приветствующим студентов и гостей со всех частей света; позволяющим миграцию, в соответствии с законом и в разумных количествах в год, со всех частей света; принимающим беженцев, спасающихся бегством, до тех пор, пока на их родине не будет восстановлен мир, и они не смогут безопасно вернуться; и охрана наших границ, чтобы мы могли пользоваться преимуществами законной, безопасной и ответственной иммиграционной политики.

Like Canada, the United States should limit the number of long-term immigrants per year and enforce the limits, but the limits should be reasonable and nondiscriminatory against any single religion, and should balance several objectives: family unification, job skills, business opportunities and needs, geographical diversity, caregivers, hardship cases, and other considerations. The reason for limits is clear: without them, literally hundreds of millions, perhaps billions of people would decamp for the high-income countries. Still, limiting immigration should not mean zero immigration, nor immigration on the basis of disfavored religions, races, or regions. And the counterpart of limited migration is far more generous development assistance and sound environmental policies, to ensure that all parts of the world can be habitable and prosperous without the need for forced mass migration.

Как и Канада, Соединённые Штаты должны ограничить количество долгосрочных иммигрантов в год и обеспечить соблюдение этих ограничений. Однако эти ограничения должны быть разумными и недискриминационными по отношению к какой-либо одной религии, а также учитывать несколько целей: воссоединение семей, профессиональные навыки, возможности и потребности бизнеса, географическое разнообразие, лица, осуществляющие уход, случаи неблагополучия и другие соображения. Причина введения ограничений очевидна: без них буквально сотни миллионов, а возможно, и миллиарды людей перебрались бы в страны с высоким уровнем дохода. Тем не менее, ограничение иммиграции не должно означать нулевой иммиграции или иммиграции по признаку неблагоприятной религиозной, расовой или региональной принадлежности. Противоположностью ограничению миграции является гораздо более щедрая помощь в целях

развития и разумная экологическая политика, которые обеспечат возможность проживания и процветания во всех частях мира без необходимости принудительной массовой миграции.

Canada sets a goal of around 300,000 new immigrants each year, roughly 0.85 percent of the population, allocated across several distinct objectives. For the United States, current arrivals per year are around 1.4 million, or roughly 0.43 percent of the population, about half the immigration rate aimed for by Canada. Whether the United States targets the lower or upper end of this range, it has the wherewithal to accept more refugees and to welcome people from all parts of the world.

Канада ставит перед собой цель ежегодно принимать около 300 000 новых иммигрантов, что составляет примерно 0,85% населения, распределяя эти цели по нескольким направлениям. В Соединенных Штатах в настоящее время ежегодно прибывает около 1,4 миллиона человек, или примерно 0,43% населения, что составляет примерно половину от уровня иммиграции, к которому стремится Канада. Независимо от того, стремятся ли Соединенные Штаты к нижней или верхней границе этого диапазона, у них есть возможности принимать больше беженцев и приветствовать людей со всех уголков мира.

America's Muslim and Hispanic populations are especially fearful these days. It's everyone's job as citizens to defend their rights, their safety, their dignity, and their well-being. The Jewish teaching reminds us of a vital truth: "You shall not oppress a stranger, for you know the feelings of the stranger, having yourselves been strangers in the land of Egypt."

Мусульманское и испаноязычное население Америки в наши дни особенно напугано. Каждый гражданин обязан защищать свои права, безопасность, достоинство и благополучие. Иудейское учение напоминает нам о важной истине: «Не притесняй пришельца, ибо вы знаете чувства пришельца, поскольку сами были пришельцами в земле Египетской».

In short, migration is not about building high walls but about creating a world in which people can live securely and prosperously in their own homelands, while still enjoying the freedom to migrate for personal reasons rather than in desperation. By viewing the migration crisis in a more holistic way, we will find true and lasting solutions rather than the demagogic ones now widely on offer.

Короче говоря, миграция — это не возведение высоких стен, а создание мира, в котором люди смогут жить безопасно и процветать у себя на родине, сохраняя при этом свободу мигрировать по личным причинам, а не из отчаяния. Рассматривая миграционный кризис более целостно, мы найдём истинные и долгосрочные решения, а не те демагогические решения, которые сейчас широко предлагаются.

18 ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The world output in 2018, measured at international prices, will be approximately \$134 trillion, according to projections by the International Monetary Fund. That is an average of \$17,600 for each man, woman, and child on the planet. This sum is easily enough to end all poverty, to ensure universal access to health care and education, and to provide the investments needed for the transformation to environmental sustainability. We are rich as a planet. We have no shortage of resources whatsoever.

Согласно прогнозам Международного валютного фонда, объём мирового производства в 2018 году, измеренный в международных ценах, составит приблизительно 134 триллиона долларов США. Это в среднем по 17 600 долларов США на каждого мужчину, женщину и ребёнка на планете. Этой суммы вполне достаточно, чтобы покончить с нищетой, обеспечить всеобщий доступ к здравоохранению и образованию, а также обеспечить инвестиции, необходимые для перехода к экологической устойчивости. Мы богаты, как планета. У нас нет ни малейшего недостатка в ресурсах.

In September 2015, the world agreed to put sustainable development at the center of global economic cooperation, adopting Agenda 2030 with the seventeen Sustainable Development Goals (SDGs). A few weeks later, the world adopted the Paris Climate Agreement. Together, these constitute a globally agreed

agenda, albeit one that the Trump administration has ignored (in the case of the SDGs) or disdained (in the case of the Paris Climate Agreement).

В сентябре 2015 года мир согласился поставить устойчивое развитие в центр глобального экономического сотрудничества, приняв Повестку дня на период до 2030 года с семнадцатью Целями устойчивого развития (ЦУР). Несколько недель спустя мир принял Парижское соглашение по климату. В совокупности они составляют согласованную на глобальном уровне повестку дня, хотя администрация Трампа её проигнорировала (в случае ЦУР) или пренебрегла (в случае Парижского соглашения по климату).

The SDGs call for a more balanced society, in which economic growth is accompanied by policies to ensure that the economic growth is widely shared and environmentally sustainable. The SDGs are described as the “triple bottom line” of economic, social, and environmental objectives.

ЦУР призывают к более сбалансированному обществу, в котором экономический рост сопровождается политикой, обеспечивающей широкое распределение ресурсов и экологическую устойчивость. ЦУР называют «тройным итогом» экономических, социальных и экологических целей.

It is sometimes claimed that the SDGs are too expensive. Poor countries, for example, will probably need an additional \$100–200 billion per year in development aid to meet the challenges of health, education, and basic infrastructure. That amount may seem unattainable, but consider this. As of early 2018, according to Forbes magazine, a mere 2,208 individuals—the world’s billionaires—had \$9.1 trillion in wealth.¹ If the \$9.1 trillion were a foundation endowment with a 5 percent per year payout rate, the annual payout would be \$455 billion. That sum could end extreme poverty (SDG 1), ensure universal health coverage (SDG 3), and guarantee access for the poor to a quality education (SDG 4).

Иногда утверждается, что ЦУР обходятся слишком дорого. Например, бедным странам, вероятно, потребуется дополнительно 100–200 миллиардов долларов в год на помощь в целях развития для решения задач здравоохранения, образования и базовой инфраструктуры. Эта сумма может показаться недостижимой, но подумайте вот о чём. По данным журнала Forbes, на начало 2018 года всего 2208 человек — миллиардеров мира — обладали состоянием в размере 9,1 триллиона долларов.¹ Если бы эти 9,1 триллиона долларов были целевым фондом с 5-процентной ставкой выплат в год, годовые выплаты составили бы 455 миллиардов долларов. Эта сумма могла бы положить конец крайней нищете (ЦУР 1), обеспечить всеобщее медицинское обслуживание (ЦУР 3) и гарантировать бедным доступ к качественному образованию (ЦУР 4).

Or consider this. According to calculations by the Institute of Economics and Peace, publisher of the Global Peace Index (2017), the global costs of violence in 2016 totaled around \$14 trillion (measured at international dollars), or roughly 13 percent of global output. These costs include military and security outlays, the costs of armed conflicts, and the costs of interpersonal violence. While precision in such estimates is difficult, there is no doubt that \$14 trillion dwarfs the costs of achieving the Sustainable Development Goals universally, including global energy transformation.

Или подумайте вот о чём. Согласно расчётам Института экономики и мира, издателя Глобального индекса миролюбия (2017), глобальные издержки, связанные с насилием, в 2016 году составили около 14 триллионов долларов США (в международных долларах), или примерно 13 процентов мирового ВВП. Эти издержки включают военные расходы и расходы на безопасность, расходы на вооружённые конфликты и издержки, связанные с межличностным насилием. Хотя точность таких оценок сложна, нет сомнений в том, что 14 триллионов долларов США затмевают затраты на достижение Целей устойчивого развития во всём мире, включая глобальную энергетическую трансформацию.

The world’s tax havens, small islands like the Cayman Islands and the Virgin Islands, are host to more than \$20 trillion of offshore deposits, money that has been moved to these places to avoid taxation and responsibility. In front of our eyes, in broad daylight, these havens of secrecy and unaccountability have

been created and nurtured by our own governments, especially the most powerful and richest governments in the world.

В налоговых убежищах мира, таких как Каймановы острова и Виргинские острова, хранится более 20 триллионов долларов США на офшорных депозитах – средствах, которые были переведены в эти страны для избежания налогообложения и ответственности. На наших глазах, среди бела дня, наши собственные правительства, особенно самые могущественные и богатые, создали и возвращают эти убежища секретности и безответственности.

This is the challenge of sustainable development: so affordable, so important for well-being, and yet so elusive. If we analyze carefully the realistic path to achieving the SDGs and the Paris Climate Agreement, we find five broad categories of activity that should become the priority work of every government in the world.

В этом и заключается задача устойчивого развития: столь доступная, столь важная для благополучия и в то же время столь труднодостижимая. Если внимательно проанализировать реалистичный путь к достижению ЦУР и Парижского соглашения по климату, мы обнаружим пять основных направлений деятельности, которые должны стать приоритетными для каждого правительства мира.

First is to ensure quality health and education for all, especially our children, whose entire lives will be shaped by the health care and education we give them in their early years. Without quality health care and education, individuals cannot realistically hope for happy and productive lives. The SDGs include universal commitments to universal health coverage (SDG 3) and universal quality education at least through the secondary level (SDG 4). We have a steep path to success. In many low-income countries, the secondary completion rate today is only 20–30 percent. By 2030, it should be 100 percent.

Во-первых, необходимо обеспечить качественное здравоохранение и образование для всех, особенно для наших детей, вся жизнь которых будет определяться медицинским обслуживанием и образованием, которые мы им дадим в ранние годы. Без качественного здравоохранения и образования люди не могут реально надеяться на счастливую и продуктивную жизнь. ЦУР включают всеобщие обязательства по всеобщему охвату услугами здравоохранения (ЦУР 3) и всеобщему качественному образованию, по крайней мере, до уровня средней школы (ЦУР 4). Путь к успеху тернист. Во многих странах с низким уровнем дохода уровень завершения среднего образования сегодня составляет всего 20–30 процентов. К 2030 году он должен достичь 100 процентов.

Second is sustainable land-use management. As I travel the world for the Sustainable Development Goals, I witness in nearly every country that the world is facing a crisis of unsustainable land management, including the loss of biodiversity, soils, freshwater, forest cover, and ecosystem functioning, at rates that are unprecedented and perilous.

Во-вторых, это устойчивое землепользование. Путешествуя по миру в рамках Целей устойчивого развития, я наблюдаю почти в каждой стране, что мир сталкивается с кризисом нерационального землепользования, включая потерю биоразнообразия, почв, пресной воды, лесного покрова и функционирования экосистем, причем темпы этого процесса беспрецедентны и опасны.

Third is decent jobs and infrastructure for all. SDG 1 calls for an end to extreme poverty; SDG 8 aims for decent work for all; and SDGs 6, 7, 9, 11, and 12 include various goals for universal access to infrastructure, including safe water and sanitation, modern energy services including electrification, and transport and communications. Of course, decent work will depend on decent education combined with adequate infrastructure, so the SDGs are interdependent and mutually supportive.

В-третьих, это достойные рабочие места и инфраструктура для всех. ЦУР 1 призывает к искоренению крайней нищеты; ЦУР 8 направлена на обеспечение достойной работы для всех; а ЦУР 6, 7, 9, 11 и 12 включают различные цели по обеспечению всеобщего доступа к

инфраструктуре, включая безопасную воду и санитарию, современные энергетические услуги, включая электрификацию, а также транспорт и связь. Конечно, достойный труд будет зависеть от достойного образования в сочетании с адекватной инфраструктурой, поэтому ЦУР взаимозависимы и взаимодополняемы.

Fourth is to decarbonize the energy system. The shift to zero-carbon energy is the sine qua non of planetary climate safety. By 2050 we have to achieve zero carbon emissions in order to keep global warming within the safety limits set by the Paris Climate Agreement (“well below 2 degrees Celsius” compared with the preindustrial temperature). To achieve this, we will have to be driving electric vehicles rather than cars with internal combustion engines. We will have to be using electricity produced by wind, solar, hydroelectric, geothermal, and other zero-carbon energy sources, rather than by coal, oil, and natural gas. We will have to heat our buildings with electric heat pumps rather than boilers and furnaces. Time is short. Every year we have new evidence that we are at the tipping point of runaway climate disaster.

Четвёртая цель — декарбонизация энергетической системы. Переход к энергетике с нулевым уровнем выбросов углерода является неременным условием обеспечения климатической безопасности планеты. К 2050 году мы должны достичь нулевых выбросов углерода, чтобы удержать глобальное потепление в пределах, установленных Парижским соглашением по климату («значительно ниже 2 градусов Цельсия» по сравнению с доиндустриальной температурой). Для этого нам придётся ездить на электромобилях, а не на автомобилях с двигателями внутреннего сгорания. Нам придётся использовать электроэнергию, вырабатываемую ветровой, солнечной, гидроэлектрической, геотермальной и другими источниками энергии с нулевым уровнем выбросов углерода, а не на угле, нефти и природном газе. Нам придётся отапливать здания электрическими тепловыми насосами, а не котлами и печами. Времени мало. Каждый год появляются новые доказательства того, что мы находимся на грани неуправляемой климатической катастрофы.

Fifth is good governance, including honesty, rule of law, fairness, competence, and transparency in managing our politics. Good governance also includes gender equality (SDG 5), reduced inequalities within and among nations (SDG 10), peaceful and inclusive societies (SDG 16), and global cooperation (SDG 17).

Пятое – это эффективное управление, включающее честность, верховенство закона, справедливость, компетентность и прозрачность в управлении нашей политикой. Эффективное управление также включает гендерное равенство (ЦУР 5), сокращение неравенства внутри стран и между ними (ЦУР 10), миролюбивое и инклюзивное общество (ЦУР 16) и глобальное сотрудничество (ЦУР 17).

THE SDGS AND THE UNITED STATES

Every year the UN Sustainable Development Solutions Network, which I direct on behalf of UN Secretary-General António Guterres, collects data from around the world to assess where countries stand on progress toward the SDGs.² The SDG Index gives a global ranking, while the SDG Scorecard highlights the strengths and weaknesses of each of the 150 or so countries for which the requisite global data are available. The SDG Index and Dashboard together therefore offer an objective account of each country's absolute progress toward the goals and its relative position among other nations.

Ежегодно Сеть ООН по поиску решений в области устойчивого развития, которой я руковожу от имени Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, собирает данные по всему миру для оценки прогресса стран в достижении ЦУР.² Индекс ЦУР определяет глобальный рейтинг, а система показателей ЦУР выявляет сильные и слабые стороны каждой из примерно 150 стран, по которым доступны необходимые глобальные данные. Таким образом, Индекс ЦУР и информационная панель вместе дают объективную оценку абсолютного прогресса каждой страны в достижении целей и ее относительного положения среди других стран.

The news is not good for the United States. According to the 2017 SDG Index, the U.S. ranked no better than forty-second out of 157 countries, and thirtieth out of the thirty-five high-income OECD countries. How could the United States, one of the richest countries in the world, rank so low? The reason is clear. The United States is strong on only one of the three pillars of sustainable development, the economy, but weak on social inclusion and environmental sustainability. Inequality is very high in U.S. society, with huge gaps in income and power between men and women, between races, and across educational levels. Environmental sustainability is weak because powerful corporate lobbies for the fossil-fuel and heavy industries have slowed America's transition to low-carbon technologies and primary energy sources.

Для Соединенных Штатов ситуация плохая. Согласно Индексу ЦУР за 2017 год, США заняли не более сорок второго места из 157 стран и тридцатое место из тридцати пяти стран ОЭСР с высоким уровнем дохода. Как Соединенные Штаты, одна из самых богатых стран мира, могли занимать столь низкие позиции? Причина ясна. Соединенные Штаты сильны только в одном из трех столпов устойчивого развития – экономике, но слабы в социальной интеграции и экологической устойчивости. В американском обществе очень велико неравенство, с огромным разрывом в доходах и возможностях между мужчинами и женщинами, между расами и по уровню образования. Экологическая устойчивость слаба, поскольку мощное корпоративное лоббирование ископаемого топлива и тяжелой промышленности замедлило переход Америки к низкоуглеродным технологиям и первичным источникам энергии.

America pays a very heavy price for its failure to pursue sustainable development. U.S. life expectancy ranks twenty-fifth in the OECD and has actually been declining rather than rising in recent years.³ The prevalence of clinical depression is up, and the United States has one of the highest rates of depression in the world. Drug addiction and deaths from drug overdoses are soaring. A large part of the U.S. workforce has not gained from economic growth. Confidence in public institutions has plummeted, as has interpersonal trust in American society. For all of these reasons, the self-reported well-being of Americans has also waned.⁴

Америка платит очень высокую цену за свою неспособность к устойчивому развитию. Ожидаемая продолжительность жизни США занимает двадцать пятое место в ОЭСР и в последние годы фактически снижается, а не растет.³ Распространенность клинической депрессии растет, и в Соединенных Штатах один из самых высоких показателей депрессии в мире. Резко растет наркомания и смертность от передозировки наркотиков. Значительная часть рабочей силы США не выиграла от экономического роста. Доверие к государственным институтам резко упало, как и межличностное доверие в американском обществе. По всем этим причинам самооценка благополучия американцев также снизилась.⁴

Compared with other high-income societies, the United States also suffers from chronic violence, thereby falling desperately short of SDG 16, which calls for “peaceful and inclusive societies.” America's violence is evident not only in its nonstop overseas wars, but also in its high homicide rates, astounding levels of gun violence, and off-the-chart rates of incarceration, especially of young African American men. America's violence is also captured by the 2017 Global Peace Index, which placed the United States at the shocking rank of 114th most peaceful country out of the 163 countries measured.⁵

По сравнению с другими странами с высоким уровнем дохода, Соединенные Штаты также страдают от хронического насилия, тем самым отчаянно не дотягивая до ЦУР 16, которая призывает к «мирным и инклюзивным обществам». Насилие в Америке проявляется не только в ее непрекращающихся зарубежных войнах, но и в высоком уровне убийств, поразительном уровне насилия с применением огнестрельного оружия и зашкаливающим уровне тюремного заключения, особенно среди молодых афроамериканцев. Насилие в Америке также отражено в Глобальном индексе миролюбия 2017 года, который поставил Соединенные Штаты на шокирующее 114-е место среди самых миролюбивых стран из 163 исследованных стран.⁵

It would not be hard for the United States, with its wealth, skills, and technologies, to achieve the SDGs if it tried to do so. Success would require a change of policies, from corporate tax breaks and environmental

deregulation to social programs for the poor and working class and investments in the green economy. Other countries are far ahead of the United States in those directions, and far happier as well.

Соединенным Штатам, с их богатством, навыками и технологиями, было бы несложно достичь ЦУР, если бы они попытались это сделать. Успех потребовал бы изменения политики: от корпоративных налоговых льгот и дерегулирования окружающей среды до социальных программ для бедных и рабочего класса и инвестиций в зеленую экономику. Другие страны значительно опережают США в этих направлениях и гораздо более довольны.

American consumers have a role to play here. U.S. brand names need to be put on notice: If you cower to the Koch brothers, the American Petroleum Institute, and the Chamber of Commerce, you will pay a price. General Electric, are you with us or against us on saving the planet? How about you, Pepsi, Walmart, IBM, Walt Disney, GM, and other companies whose CEOs have been part of Trump's corporate advisory committees? Responsible consumers need to make clear that they will walk out on brands that are accomplices to Trump's attempts to gut environmental regulations. The Koch brothers spend hundreds of millions of dollars to block action on global warming and pollution, and then have the remarkable audacity to ask Americans to buy consumer products such as AngelSoft and Dixie that they own (via Georgia Pacific–Koch Industries). It's time to say a resounding no!

Американские потребители должны сыграть здесь свою роль. Американским брендам необходимо дать понять: если вы будете раболепствовать перед братьями Кох, Американским институтом нефти и Торговой палатой, вам придётся заплатить за это. General Electric, вы с нами или против нас в деле спасения планеты? А как насчёт вас, Pepsi, Walmart, IBM, Walt Disney, GM и других компаний, чьи генеральные директора входили в корпоративные консультативные комитеты Трампа? Ответственные потребители должны чётко заявить, что они откажутся от брендов, которые являются пособниками попыток Трампа ослабить экологические нормы. Братья Кох тратят сотни миллионов долларов на блокирование мер по борьбе с глобальным потеплением и загрязнением окружающей среды, а затем имеют поразительную наглость просить американцев покупать такие потребительские товары, как AngelSoft и Dixie, которыми они владеют (через Georgia Pacific–Koch Industries). Пора сказать решительное «нет»!

We must also pressure Congress to act on climate change. Would Republican senators allow the corruption and greed of the Senate to gut the Paris Climate Agreement? It's possible, but these senators have children and grandchildren too, and most are not as stupid as their party's official position on climate change.

Мы также должны оказать давление на Конгресс, чтобы он принял меры по борьбе с изменением климата. Позволят ли сенаторы-республиканцы коррупции и жадности Сената подорвать Парижское соглашение по климату? Это возможно, но у этих сенаторов тоже есть дети и внуки, и большинство из них не так глупы, как официальная позиция их партии по изменению климата.

ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Достижение устойчивого развития

THE SDGS AND THE WORLD

Цели устойчивого развития и мир

Just as is true of the United States, the world as a whole has the human resources, skills, technologies, and wealth to achieve the SDGs. We are, after all, in the midst of one of the most productive and exciting scientific and technological revolutions in history. New digital technologies offer new and better ways to deliver universal health coverage, quality education, equitable finance, low-carbon energy, and improved governance in all parts of the world, even in the poorest and remotest places.

Как и в случае с Соединёнными Штатами, мир в целом обладает человеческими ресурсами, навыками, технологиями и богатством для достижения ЦУР. В конце концов, мы находимся в разгаре одной из самых продуктивных и захватывающих научно-технических революций в истории. Новые цифровые технологии предлагают новые и более эффективные способы обеспечения всеобщего медицинского обслуживания, качественного образования, справедливого финансирования, низкоуглеродной энергетики и улучшенного управления во всех частях мира, даже в самых бедных и отдалённых районах.

What are the obstacles to surmount? There are several. Corporate lobbies, such as the oil and gas industry, use their power and money to hold back progress. Some of the world's richest people use bribes and campaign contributions to keep their privileges and tax breaks, hoarding funds that should be directed to SDG investments. Irresponsible politicians stoke fear and even war to hold onto power. And governments are too often bereft of practical, workable plans.

Какие препятствия необходимо преодолеть? Их несколько. Корпоративные лоббисты, такие как нефтегазовая отрасль, используют свою власть и деньги, чтобы сдерживать прогресс. Некоторые из самых богатых людей мира используют взятки и пожертвования на избирательные кампании, чтобы сохранить свои привилегии и налоговые льготы, накапливая средства, которые следует направлять на инвестиции в ЦУР. Безответственные политики разжигают страх и даже развязывают войну, чтобы удержать власть. И правительства слишком часто лишены практических, осуществимых планов.

There are six main actions we can take to get on track:

First, let us insist that the major companies, especially the fossil-fuel industries, align their business activities with the SDGs.

Second, let us insist that individuals with high net worth should contribute philanthropically to the SDGs, while asset managers should invest their funds according to SDG guidelines.

Third, let us mobilize urgent SDG funding for the world's poorest nations, so that they can provide universal health coverage, universal quality education, and universal access to modern infrastructure.

Fourth, let us insist that war and peace issues be settled according to the UN Charter, especially by the UN Security Council.

Fifth, let us make polluters compensate those who suffer from the pollution, including having the fossil-fuel industries pay for part of the damage caused by global warming.

Sixth, let us deploy breakthroughs in science and technology to achieve more rapid progress toward the SDGs.

Вот шесть основных действий, которые мы можем предпринять, чтобы встать на путь решения этой проблемы:

Во-первых, давайте настаивать на том, чтобы крупные компании, особенно компании, занимающиеся добычей ископаемого топлива, согласовывали свою деятельность с ЦУР.

Во-вторых, давайте настаивать на том, чтобы состоятельные люди вносили филантропические взносы в ЦУР, а управляющие активами должны инвестировать свои средства в соответствии с руководящими принципами ЦУР.

В-третьих, давайте мобилизуем срочное финансирование ЦУР для беднейших стран мира, чтобы они могли обеспечить всеобщее медицинское обслуживание, всеобщее качественное образование и всеобщий доступ к современной инфраструктуре.

В-четвёртых, давайте настаивать на том, чтобы вопросы войны и мира решались в соответствии с Уставом ООН, особенно Советом Безопасности ООН.

В-пятых, давайте потребуем от загрязнителей возмещения ущерба тем, кто страдает от загрязнения, включая возмещение предприятиями, занимающимися добычей ископаемого топлива, части ущерба, причинённого глобальным потеплением.

В-шестых, давайте использовать достижения науки и техники для ускорения прогресса в достижении ЦУР.

In this last regard, the world's universities have an exceptional role to play. As centers of higher education, research, and policy design, universities everywhere should work with governments, businesses, and civil society to help accelerate progress toward the SDGs. The UN Sustainable Development Solutions Network supports hundreds of universities around the world as they step up to support the SDGs.

В этом отношении университеты мира играют исключительную роль. Будучи центрами высшего образования, исследований и разработки политики, университеты по всему миру должны сотрудничать с правительствами, бизнесом и гражданским обществом для ускорения прогресса в достижении ЦУР. Сеть ООН по решениям в области устойчивого развития поддерживает сотни университетов по всему миру в их стремлении к достижению ЦУР.

These are the strategic steps we can take as a global community to achieve the SDGs. As for the United States, one of the most urgent actions is adopting a new foreign policy that will promote sustainable development.

Вот стратегические шаги, которые мы как мировое сообщество можем предпринять для достижения ЦУР. Что касается Соединенных Штатов, то одной из самых неотложных мер является принятие новой внешней политики, которая будет способствовать устойчивому развитию.

19 A NEW FOREIGN POLICY FOR AMERICAN SECURITY AND WELL-BEING

Новая внешняя политика для безопасности и благополучия Америки

The purpose of U.S. foreign policy is not to be the mightiest or the most feared or the most powerful nation in the world. It's not to be the richest nation in the world. The purpose of U.S. foreign policy is to achieve national security in a manner that enables Americans to achieve happiness and to help the rest of the world do the same. As I have described, we are far off course. American exceptionalism has proved to be the trap that Ronald Niebuhr so presciently warned against three-quarters of a century ago. America is rich, but it is not safe. It boasts the most billionaires in the world, yet ranks only twenty-fifth among the OECD countries in life expectancy. It is among the most violent parts of the world, ranking 114th in the Global Peace Index, a measure of peaceful societies.

Цель внешней политики США — не быть самой могущественной, самой грозной или самой могущественной страной в мире. Она не в том, чтобы быть самой богатой страной в мире. Цель внешней политики США — обеспечить национальную безопасность таким образом, чтобы американцы могли обрести счастье и помочь остальному миру сделать то же самое. Как я уже говорил, мы далеки от цели. Американская исключительность оказалась ловушкой, от которой Рональд Нибур так проницательно предостерегал три четверти века назад. Америка богата, но небезопасна. В ней проживает самое большое количество миллиардеров в мире, но при этом она занимает лишь двадцать пятое место среди стран ОЭСР по продолжительности жизни. США — один из самых жестоких регионов мира, занимая 114-е место в Глобальном индексе миролюбия, который отражает миролюбие обществ.

Not every ill can be placed squarely on the illusions of American exceptionalism, but we can say that the endless wars and high costs of military dominance are taking their toll on U.S. society, not to mention the many places caught up in U.S.-caused or U.S.-abetted violence. Corporate lobbying is also a culprit, elevating greed to the top of U.S. politics and leaving well-being far behind. The Sustainable Development Goals, adopted by all countries, including the United States in 2015, but largely ignored by

the United States in the Trump era, could help to redirect U.S. domestic and foreign policies toward a more fruitful approach.

Не все беды можно списать на иллюзии американской исключительности, но можно сказать, что бесконечные войны и высокие издержки военного доминирования сказываются на американском обществе, не говоря уже о многочисленных регионах, пострадавших от насилия, спровоцированного или поддерживаемого США. Корпоративный лоббизм также является причиной, возводя жадность на вершину американской политики и оставляя благополучие далеко позади. Цели устойчивого развития, принятые всеми странами, включая США, в 2015 году, но в значительной степени проигнорированные Соединенными Штатами в эпоху Трампа, могут помочь переориентировать внутреннюю и внешнюю политику США на более плодотворный подход.

I do not expect the Trump administration to pursue the internationalist course that I have recommended. Rather, I believe that the folly of America First will expose itself and cause the nation to redirect its energies and policies. Trump will be gone soon enough. It's our task to prepare a foreign policy for the post-Trump future and to prevent irreparable harms in the meantime.

Я не ожидаю, что администрация Трампа будет следовать рекомендованному мной интернационалистскому курсу. Напротив, я считаю, что глупость концепции «Америка прежде всего» даст о себе знать и заставит страну перенаправить свою энергию и политику. Трамп скоро уйдет. Наша задача – подготовить внешнюю политику для будущего после Трампа и тем временем предотвратить непоправимый ущерб.

To summarize the internationalist approach set out in these pages, I conclude with ten priorities for a New American Foreign Policy aimed at achieving true national security and well-being for the American people.

Подводя итог интернационалистскому подходу, изложенному на этих страницах, я завершаю десятью приоритетами Новой американской внешней политики, направленной на достижение подлинной национальной безопасности и благополучия американского народа.

First, live by the UN Charter. The UN remains the world's best hope for peaceful solutions to global problems. There is wisdom in numbers. When the United States faces opposition in the UN Security Council or the UN General Assembly, it should take careful note. More often than not, the opposition is good advice from America's friends, not a plot to subvert U.S. sovereignty.

Во-первых, жить в соответствии с Уставом ООН. ООН остаётся главной надеждой мира на мирное решение глобальных проблем. Мудрость в цифрах. Когда Соединённые Штаты сталкиваются с оппозицией в Совете Безопасности ООН или Генеральной Ассамблее ООН, им следует внимательно прислушаться к ней. Чаще всего эта оппозиция – хороший совет друзей Америки, а не заговор с целью подрыва суверенитета США.

Second, recommit to the SDGs and the Paris Climate Agreement. The 192 other countries are not wrong. The SDGs and the Paris Climate Agreement are powerful pillars for global economic cooperation in the coming years. By pursuing the SDGs, the United States can start to reverse the plunge in social trust and public health. Together with the rest of the world, the United States can help to avoid devastating climate change, end extreme poverty, and set conditions for peace in today's fragile states.

Во-вторых, подтвердить свою приверженность ЦУР и Парижскому соглашению по климату. 192 другие страны не ошибаются. ЦУР и Парижское соглашение по климату – мощные опоры глобального экономического сотрудничества в ближайшие годы. Стремясь к достижению ЦУР, Соединённые Штаты могут начать обращать вспять падение общественного доверия и ухудшение состояния здоровья населения. Вместе с остальным миром Соединенные Штаты могут помочь избежать разрушительных изменений климата, положить конец крайней нищете и создать условия для мира в сегодняшних нестабильных государствах.

Third, raise the UN budget. The \$600 million that the United States currently spends each year on the regular UN budget—for the UN General Assembly, UN Security Council, and UN agencies—is the best bargain on the planet. Not only does the United States multiply its own giving roughly five to one, as the other countries add their own assessments, but the UN is the most effective global institution for addressing children’s health (UNICEF), epidemic diseases (World Health Organization), famine (World Food Program), refugee movements (UN High Commissioner for Refugees), and much more.

В-третьих, увеличьте бюджет ООН. 600 миллионов долларов, которые Соединенные Штаты ежегодно тратят на регулярный бюджет ООН – на Генеральную Ассамблею ООН, Совет Безопасности ООН и агентства ООН – это самая выгодная сделка на планете. Соединенные Штаты не только умножают свои собственные пожертвования примерно в пять раз, поскольку другие страны добавляют свои взносы, но и ООН является наиболее эффективным глобальным институтом для решения проблем здоровья детей (ЮНИСЕФ), эпидемических заболеваний (Всемирная организация здравоохранения), голода (Всемирная продовольственная программа), перемещения беженцев (Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев) и многого другого.

Fourth, ratify the pending UN treaties. After being the original champion and creator of the United Nations, the United States is now the world’s loner country. The number of unratified treaties continues to mount, including treaties on women, the disabled, children, the law of the sea, biodiversity, the International Criminal Court, and others. The United States is alone among the 193 UN member states in declaring its intention to withdraw from the Paris Climate Agreement. America’s isolation damages America’s reputation, weakens global problem solving, and undermines the case for multilateralism.

В-четвертых, ратифицируйте находящиеся на рассмотрении договоры ООН. Будучи первопроходцем и создателем Организации Объединенных Наций, Соединенные Штаты теперь являются страной-одиночкой в мире. Число нератифицированных договоров продолжает расти, включая договоры о женщинах, инвалидах, детях, морском праве, биоразнообразии, Международном уголовном суде и другие. Соединенные Штаты – единственные из 193 государств-членов ООН, кто объявил о своем намерении выйти из Парижского соглашения по климату. Изоляция Америки наносит ущерб её репутации, ослабляет способность решать глобальные проблемы и подрывает аргументы в пользу многосторонности.

Fifth, regain momentum on nuclear disarmament. The United States and all other nuclear powers are obligated by the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons to negotiate in good faith to seek nuclear disarmament. They are not doing so. The International Campaign to Abolish Nuclear Weapons, winner of the 2017 Nobel Peace Prize, and millions of people around the world are pressing for a Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. These efforts have won the endorsement of 129 countries, including fifty-six signatory states to date. The United States would rekindle global confidence and bolster its own security by championing this new approach rather than spending a trillion dollars to upgrade its nuclear arsenal, as both Obama and Trump have supported.

В-пятых, необходимо восстановить импульс в области ядерного разоружения. Договор о нераспространении ядерного оружия обязывает Соединённые Штаты и все другие ядерные державы добросовестно вести переговоры о ядерном разоружении. Они этого не делают. Международная кампания за ликвидацию ядерного оружия, удостоенная Нобелевской премии мира 2017 года, и миллионы людей во всём мире добиваются заключения Договора о запрещении ядерного оружия. Эти усилия получили поддержку 129 стран, включая 56 государств, подписавших Договор на сегодняшний день. Соединённые Штаты восстановили бы глобальное доверие и укрепили бы свою собственную безопасность, продвигая этот новый подход, а не тратя триллион долларов на модернизацию своего ядерного арсенала, как это поддерживают Обама и Трамп.

Sixth, cooperate on new technologies. One key to achieving the SDGs is to advance and implement new technologies in low-carbon energy and transport, smart grids, artificial intelligence, nanotechnologies, genomics, and other sciences. Global cooperation across governments, universities, and business could

speed these advances and hasten progress. Transnational technology ventures would build trust and facilitate diffusion of the new technologies around the world.

В-шестых, необходимо сотрудничать в области новых технологий. Одним из ключей к достижению ЦУР является развитие и внедрение новых технологий в области низкоуглеродной энергетики и транспорта, интеллектуальных сетей, искусственного интеллекта, нанотехнологий, геномики и других наук. Глобальное сотрудничество между правительствами, университетами и бизнесом могло бы ускорить эти достижения и прогресс. Транснациональные технологические предприятия способствовали бы укреплению доверия и распространению новых технологий по всему миру.

Seventh, find regional solutions to Middle East violence. The Middle East has suffered a century of violence following the end of World War I because of the chronic meddling of great powers, including Britain, France, Russia, and the United States. The regional powers, notably Iran, Israel, Turkey, and Saudi Arabia, play the big powers against each other. It's time for the UN Security Council to freeze the inflow of armaments and press the regional powers to find a satisfactory framework for mutual security.

В-седьмых, необходимо найти региональные решения проблемы насилия на Ближнем Востоке. Ближний Восток страдает от насилия уже столетие после окончания Первой мировой войны из-за постоянного вмешательства великих держав, включая Великобританию, Францию, Россию и США. Региональные державы, в частности Иран, Израиль, Турция и Саудовская Аравия, натравливают друг на друга крупные державы. Совету Безопасности ООН пора заморозить потоки вооружений и оказать давление на региональные державы, чтобы они нашли приемлемую основу для взаимной безопасности.

Eighth, end the CIA's covert military operations. No institution has done more to undermine America's democracy and to discredit its foreign policy than the CIA when acting in its capacity as the private army of the U.S. president. The CIA routinely violates international law, destabilizes foreign governments, and turns manageable crises into unmanageable disasters, all without public accountability or even awareness. The CIA is necessary and valuable as an intelligence agency; it is a threat to world peace and U.S. security as a secret army.

В-восьмых, необходимо положить конец тайным военным операциям ЦРУ. Ни одно учреждение не сделало больше для подрыва американской демократии и дискредитации её внешней политики, чем ЦРУ, действуя в качестве частной армии президента США. ЦРУ систематически нарушает международное право, дестабилизирует правительства других стран и превращает управляемые кризисы в неуправляемые катастрофы, и всё это без публичной отчетности или даже без ведома общественности. ЦРУ необходимо и ценно как разведывательное агентство; будучи секретной армией, оно представляет угрозу миру во всём мире и безопасности США.

Ninth, overhaul the U.S. budget. America has starved the portions of federal government that can raise well-being— higher education, job training, family support, environmental conservation, civilian R&D, and sustainable infrastructure— while spending almost a trillion dollars per year on the U.S. military, including hundreds of overseas bases, nonstop overseas conflicts, and hugely expensive weapons systems. With a cooperative foreign policy, the United States could save at least \$500 billion per year, which could support vital civilian programs at home while doing far more to help the world's poorest countries end extreme poverty.

В-девятых, пересмотрите бюджет США. Америка истощила те части федерального правительства, которые могут повысить благосостояние — высшее образование, профессиональное обучение, поддержку семей, охрану окружающей среды, гражданские НИОКР и устойчивую инфраструктуру, — тратя при этом почти триллион долларов в год на вооружённые силы США, включая сотни зарубежных баз, постоянные зарубежные конфликты и чрезвычайно дорогостоящие системы вооружения. Проводя кооперативную внешнюю политику, Соединенные Штаты могли бы сэкономить не менее 500 миллиардов долларов в год, что позволило бы поддержать жизненно важные гражданские программы внутри страны, а также сделать гораздо больше для помощи беднейшим странам мира в борьбе с крайней нищетой.

Tenth, celebrate America's true exceptionalism. America's exceptionalism does not lie in its military strength, CIA operations, or rejection of UN treaties. America's exceptionalism lies in its cultural and ethnic diversity. New York City, my own home, includes more than 200 nationalities. America's openness to immigrants has brought new energy, ideas, cultural wisdom, and optimism every generation. America's success will depend in no small measure on a foreign policy that champions America as the welcoming home to the world's nations.

В-десятых, отмечайте истинную исключительность Америки. Исключительность Америки заключается не в ее военной мощи, операциях ЦРУ или непринятии договоров ООН. Исключительность Америки заключается в ее культурном и этническом разнообразии. В Нью-Йорке, моем родном городе, проживает более 200 национальностей. Открытость Америки иммигрантам приносила новую энергию, идеи, культурную мудрость и оптимизм каждому поколению. Успех Америки будет в немалой степени зависеть от внешней политики, которая будет позиционировать Америку как гостеприимный дом для всех народов мира.

Let us therefore enter the Age of Sustainable Development with hope, energy, and determination. This is a time for all countries, especially the major powers, to work cooperatively to raise well-being, protect the environment, end the remnants of extreme poverty, and guard against hatred, fear, and a senseless descent into violence.

Поэтому давайте вступим в Эпоху устойчивого развития с надеждой, энергией и решимостью. Это время для всех стран, особенно крупных держав, работать сообща ради повышения благосостояния, защиты окружающей среды, искоренения остатков крайней нищеты и противодействия ненависти, страху и бессмысленному скатыванию к насилию.

ACKNOWLEDGEMENTS Благодарности

The early drafts of most chapters in this volume originated as a series of op-ed pieces in the Boston Globe under the magisterial guidance of editor Marjorie Pritchard. As with the companion volume, *Building the New American Economy*, which also began as Boston Globe op-eds, Marjorie has wonderfully edited and encouraged these pieces with an abiding interest in their accuracy, timeliness, and readability. It's wonderful to write under the guidance of a master at the craft!

Первые черновики большинства глав этого тома изначально были написаны как серия публицистических статей в газете Boston Globe под искусным руководством редактора Марджори Притчард. Как и в случае с сопутствующим томом «*Building the New American Economy*», который также начинался как публицистические статьи в Boston Globe, Марджори великолепно отредактировала и вдохновила эти статьи, неизменно заботясь об их точности, актуальности и читабельности. Писать под руководством мастера своего дела – настоящее удовольствие!

I'm doubly blessed to have the encouragement, support, and skills of another star editor, Bridget Flannery-McCoy at Columbia University Press. Columbia University Press lives up to its stellar global reputation in every way, and I couldn't be more grateful to be among its authors.

Мне вдвойне повезло получать поддержку, ободрение и мастерство от другого выдающегося редактора, Бриджит Флэннери-Маккой из Columbia University Press. Columbia University Press во всех отношениях оправдывает свою безупречную международную репутацию, и я безмерно благодарен за то, что оказался в числе его авторов.

As always, this book has been a family undertaking, with counsel, criticism, pointers, and references coming non-stop from my wife Sonia and our children—and now mentors— Lisa, Adam, and Hannah. I'm grateful that they each undertook repeated readings of the umpteenth draft with fresh eyes and ever-wise suggestions.

Как всегда, эта книга стала семейным начинанием, с постоянными советами, критическими замечаниями, указаниями и поправками, которые я получал от моей жены Соня и наших детей, а теперь и наставников Лизы, Адама и Ханны. Я благодарен им за то, что каждый из них неоднократно перечитывал уже десятый черновик, внося свежий взгляд и неизменно мудрые предложения.

My special assistant Saloni Jain also provided excellent help at all stages of preparing the manuscript. Finally, I'd like to thank the great truth-tellers in our midst, notably Noam Chomsky and Bernie Sanders, for holding America to its promise of equality, the rule of law, and responsibility among the world's nations.

Мой специальный помощник Салони Джайн также оказала неоценимую помощь на всех этапах подготовки рукописи. Наконец, я хотел бы поблагодарить наших великих борцов за правду, особенно Ноама Хомского и Берни Сандерса, за то, что они заставили Америку сдерживать обещание равенства, верховенства закона и ответственности перед народами мира.